

ПЕРЕСПАТЬ НА УДАЧУ

ЕКАТЕРИНА КАРИДИ

Как, по-вашему, что такое удача?

Это когда вдруг много бабок привалило? Возможно, вполне возможно. Чаще всего всплывает именно эта ассоциация. Или, допустим, говорят еще, повезло, жив остался. Тут уж неоспоримо, что есть, то есть. Или, вот еще, удачно купил по дешевке. Это тоже удача. И т. д.

А скажите-ка, удача — это счастье?

Описанные события вымышлены и не имеют под собой реальной основы, все совпадения случайны, имена и фамилии также вымышлены.

Как, по-вашему, что такое удача?

Это когда вдруг много бабок привалило? Возможно, вполне возможно. Чаще всего всплывает именно эта ассоциация. Или, допустим, говорят еще, повезло, жив остался. Тут уж неоспоримо, что есть, то есть. Или, вот еще, удачно купил по дешевке. Это тоже удача. И т. д.

А скажите-ка, удача — это счастье?

...

Оказывается, что удача и счастье — это вещи похожие, но разные. И мы не всегда понимаем, в чем же нам она, наша удача. А уж тем более, в чем оно — наше счастье.

Мы настолько привыкли видеть задний фасад госпожи удачи, что вряд ли узнаем ее, если она повернется к нам лицом.

Глава 1.

Майя Сухова любила Владика Марченкова с пятого класса. Но об этом, разумеется, не знал никто. Она просто взглянула однажды на совершенно замечательного, благородного и прекрасного, растрепанного после драки принца, бросившего портфель в коридоре, подняла портфель и, пока несла ему этот самый портфель, по уши влюбилась.

С тех пор она так портфель за ним и носила. Все школьные годы мелкая, худущая и невзрачная Майка была верным адъютантом, оруженосцем, глашатаем воли и секретарем этого школьного Казановы. Она знала всех его пассий, исправно звонила им и носила записки, передавала пацанам конфиденциальные сведения о том, на когда забить стрелу, где именно состоится разборка, и кому будут мылить шею.

Кроме того, она всегда приносила для Владика завтрак, заполняла дневник и писала домашние задания. Он снисходительно принимал все эти знаки вассальной верности, трепал ее по светленьким волосам и называл Муська. Майка млела, ей этого было достаточно. Она даже не ревновала своего кумира к другим девчонкам, те менялись с завидной частотой, а вот она, Майка, всегда была с ним рядом.

Надо сказать, что Владик тоже к ней привязался, девчонка стала ему необходимой и привычной, как удобные домашние тапочки. И он всегда оберегал Муську, никто не смел обидеть эту белолицую мелочь, все знали, что будут иметь дело с Владькой. У Владьки с Муськой сложился своеобразный ритуал, она должна была стукнуться с ним своим тощим кулачком «на удачу», если он шел на разнос к директору, или на экзамен, или на первое свидание с новой девчонкой, или еще что-то в этом роде. Парень сразу заметил — примета верная. Ау ж Майка-то как была горда и счастлива, что приносит удачу своему кумиру. Девчонке много ль надо для счастья...

Однако, все хорошее проходит, и школьные годы прошли. За это время Влад Марченков превратился из вечно вострапанного вихрастого школьного заводилы, грозы преподавательского состава и родительского комитета в импозантного предприимчивого молодого человека с большими амбициями, интересными идеями и широкими взглядами на жизнь. Решил поступать в NN Университет на Мехмат. Разгильдяйство разгильдяйством, а

голова у парня была что надо. Муська ужасно им гордилась. И чтобы не нарушать традицию, а главное, не расставаться с предметом своего обожания, девчонка тоже решила поступать вместе с ним. Влад над Муськой смеялся, не обидно, но подтрунивал. В итоге они оба поступили с примерно одинаковыми баллами.

Поздравлений было... Марченков был объявлен гордостью школы, а Майю Сухову за его широкой спиной никто особо и не заметил. Она не огорчилась, главное, что можно теперь и дальше быть рядом, писать ему конспекты и курсовые, таскать завтраки, следить, чтобы его пассии не передрались. В общем, приносить Владу удачу и делать его жизнь комфортной.

Майке уже исполнилось восемнадцать, но выглядела она совсем подростком, мелкая, худенькая, бледненькая, глазки огромные, черные. Зато веселая и домовитая. Готовить научилась. Теперь ее коронным блюдом стали котлеты. Когда она приносила Владу котлетки на завтрак, сокурсники просто умирали от зависти. Кстати о сокурсниках, Влад в первый же день познакомился с Аликом Беспольским, тот тоже был полон идей и планов на будущее. И, раз уж Алик стал другом Владьки, Майя взяла и его под свое теплое крылышко. Теперь она писала конспекты и курсовые и таскала котлетки для обоих.

Студенческая дружба — одно из наиболее ценных приобретений нашей молодости, потому что чем мы становимся старше, тем труднее заводить новых друзей, а старых остается все меньше, но, когда нам по восемнадцать — двадцать, мы готовы дружить со всем миром.

Это была крепкая, дружная команда, двое ребят и одна девчонка. Они составляли костяк, вокруг группировались остальные, и так почти весь курс на факультете. Владик, Алик и Майка. Как и положено нормальным студентам, ребята были бездельники и лоботрясы, а Майка, вечно прикрывавшая их тылы, староста и отличница.

В этой команде Алик был мэтр, выглядел с иголочки, вел себя как английский лорд, обожал вещать о высоких материях и парапсихологии. Владька — жизнерадостный, обаятельный хищник, цивилизованный волк в овечьей шкуре. А Майя — мать Тереза, сестра милосердия, спасатель, бессменный часовой и рулевой и «ангел, приносящий удачу». Так с легкой руки Алика за Майкой Суховой закрепилось новое прозвище.

Первый семестр прошел, как водится, в трудах и старательном зарабатывании очков. Это староста Сухова примерно сидела дома и грызла гранит науки, а у ребят по вечерам кипела бурная молодая жизнь. В результате с утра слегка помятые, и относительно адекватные Владик с Аликом добросовестно изображали присутствие на парах. Но одного присутствия мало, надо хоть иногда находить в себе силы и прислушиваться к тому, что на лекции говорят. А уж если записывать, то и вовсе замечательно. Один из преподавателей так и говорил:

— Покажете мне своей рукой написанный конспект, поставлю зачет.

Представьте, каково было Майке писать конспекты тремя разными почерками.

Нельзя сказать, что Владик с Аликом были совсем уж бесполезны, они оба очень неплохо занимались аналитической частью, но вот рутинная работа... В общем, вся рутинная Майке доставалась. Ребята разделили предметы, у каждого был свой фронт работ и, не смотря на все трудности, наша троица неплохо справлялась.

Первую сессию пришлось попотеть. Это закон, сначала ты работаешь на зачетку — потом зачетка работает на тебя. Парни лезли вон из кожи, пытались в последние ночи перед экзаменами впихнуть в сопротивляющуюся проникновению знаний голову содержимое

толстенных томов и конспектов, которые для них писала Майка. Ей было намного проще, хватило просто глазами по своим записям пробежаться. Да и аналитика Майе хорошо давалась, особо напрягаться не пришлось. Девушка вообще училась легко, просто никогда не стремилась выделиться, наоборот, ей больше нравилось, когда хвалили ребят, а точнее — Владика. Влад оставался ее тайным кумиром всегда, а ее вполне устраивало маленькое местечко у подножия его пьедестала.

Сессию сдали хорошо, на пятерки сдали.

Потом учиться стало полегче, особенно с середины второго курса. Появилось больше свободного времени, да и процесс притирки завершился. Все трое стали понимать друг друга с полувзгляда. Но, как ни странно, именно в этот момент наступил перелом. Все началось с маленькой, вроде бы незаметной трещинки.

Некоторые цветы расцветают рано и цветут пышно, привлекая взгляд и вызывая желание поскорее насладиться их ароматом. Другие наоборот, раскрываются несмело, поздно, и остаются на первый взгляд невзрачными. Их не разглядишь на бегу, надо специально остановиться, чтобы эти цветы увидеть. И лишь внимательно взглядевшись, мы находим их прекрасными. Так же и девушки.

Маечка Сухова начала превращаться в настоящую девушку только к девятнадцати годам, и превращение это было тихим и незаметным. Просто в один прекрасный день, разглядывая себя в зеркале, она обнаружила, что у нее начали появляться приятные женские округлости, лицо чуть утратило подростковую угловатость, овал смягчился, а глаза приобрели легкий загадочный блеск.

Девушка долго и потрясенно разглядывала свое отражение. Она так привыкла к себе, а сейчас все совершенно ново. Как теперь с этим жить? Потом подумала, подумала, вгляделась в себя еще раз... Это что же, теперь она девушка? И может быть... Конечно же тут же вспомнился Владик. Полезли мысли в голову:

— А он заметит? Должен заметить. А ему понравится?

Ей очень хотелось ему понравиться.

Раньше Майка никогда и не задумывалась на эту тему. Она для Влада была Муська, верный друг и младший брат, чем ужасно гордилась. А теперь ей как-то вдруг расхотелось быть младшим братом. Вот когда Майка поняла, что чувствовали те девчонки, которые страдали по ее Владика. А она-то глупая, над ними смеялась... Девушка совершенно не знала, как ей себя теперь вести, ведь не придешь и повесишься ему на шею не с того, не с сего. Надо, чтобы он ее сам заметил! Да. Только как это сделать, чтобы он сам заметил? Вдруг не заметит...

В общем, в тот день она появилась в Универсе в платье. Ребята ее в платье отродясь не видели. Владик мельком глянул не Майю, потом присмотрелся внимательнее и выдал:

— Муська, ты никак голову помыла?

Муська готова была сдохнуть на месте. И для чего эти потуги с платьем? Ничего из ее затеи не выйдет. Но тут Алик заметил:

— Слушай, Майка, а ты чего это в платье? Никак влюбилась?

И они заржали.

Майка ничего не оставалось, как фыркнуть, подкатить глаза и побыстрее попереться в аудиторию, чтобы они не разглядели в ее лице обиду и разочарование. Пока шла, собралась с мыслями, а потом ребята догнали ее и обняли за плечи с двух сторон, заглядывая ей в лицо:

— Муська, ты чего? Я же пошутил!

— Маечка, ангелок ты наш, приносящий удачу, ну прости. Платье красивое. И ты сегодня в нем просто ого-го!

— Ага, клево выглядишь!

Девушка как-то расслабилась, они же друзья, а друзья могут подначивать друг друга и прикалываться. В конце концов, великие перемены не происходят в одночасье, придется запастись терпением. Рассмеялась:

— Дождешься от вас доброго слова! Как же!

Нельзя сказать, что Владик не заметил некоторых приятных перемен в Майкиной внешности. Заметил. Примерно так, как мы замечаем, что наши удобные, растоптанные, но любимые тапочки вдруг стали свежее и привлекательнее выглядеть. Приятно, конечно, даже занятно, но не более того.

В общем, со стороны Владика в их отношениях мало что изменилось, он так же, как и раньше покровительственно хлопал Майку по плечу, называл Муськой, подкалывал и нагружал поручениями. А вот со стороны девушки... Со стороны девушки теперь все было по-другому. Нет, конечно, Майя всегда выполняла мелкие поручения, писала конспекты и курсовые, таскала домашние завтраки, это ей доставляло удовольствие, давало ощущение собственной нужности и незаменимости. Но теперь она совершенно иначе реагировала, когда ЕЕ Владик вдруг начинал засматриваться на каких-то куриц. Это ее начинало слегка бесить, она упорно внушала себе, что не ревнует этого мартовского кота, что ему просто надо перебеситься, что все его увлечения на один день. Но не тут-то было, ревность стала отравлять Майке жизнь. Однако приходилось вести себя так, словно ничего, совершенно ничего не происходит. Просто не обращать внимания, не слушать Владькин треп на эту тему, отгородиться. И уж звонить его курам и решать какие-то их проблемы — увольте!

Прошло еще два семестра.

Майя понемногу хорошела, на нее стали обращать внимание парни с факультета, но девушка никем не интересовалась, у нее был свой предмет тайного воздыхания. Ее Владик ничего необычного в поведении Майки не замечал. Разве что начала одеваться чуть поярче, косметикой пользоваться, да еще, пожалуй, стала задумчивой и иногда сварливой. Не подумайте, что парень был бесчувственный чурбан, нет, просто он так привык считать свою Муську младшим братом, что просто никогда раньше не видел в ней девушку. А когда она стала расцветать, посчитал, что младший брат потихоньку превратился в младшую сестру. Даже слегка озаботился, похоже, девчонка в кого-то влюблена, надо бы с ним встретиться, посмотреть, что за тип. На эти Владькины предположения Майе оставалось только отнекиваться и прятать глаза, не скажет же она правду.

Алик был более внимателен, иногда его странно задумчивый взгляд переходил от Влада к Майе и обратно, он прикладывал палец к подбородку и покачивал головой. Но он молчал, выводы и предположения держа глубоко в себе. У него на этот счет были свои планы.

Собственно он и положил начало переменам.

Был великий студенческий праздник — пропали пары. Народ разбрелся кто куда, а группка ребят засела в пустой аудитории. Если делать нечего — обычно хочется кушать, Майя вытащила свои знаменитые котлетки, все дружно изошли слюнями и выстроились в очередь, чтобы получить хоть кусочек. Как-то незаметно зашел разговор за жизнь, планы на дальнейшее будущее и вообще... Один из парней спросил Алика:

— А ты что собираешься делать после института?

— Я? Собираюсь уехать за кордон.

— Зачем?

— Странный вопрос. Там такие возможности реализоваться, свобода...

— А здесь тебе что мешает?

— Как ты не понимаешь!? Ну чего я здесь могу добиться? Для начала стану МЧС-ом или каким-нибудь инженером в НИИ, потом женюсь и буду тихо ползти по жизни до точки невозвращения.

— Это что же за точка такая?

— Ну как же. Это диван, шлепанцы и, — Алик оглядел кусочек котлеты, которую он

жевал, — домашние котлеты. Вот он символ загнивания.

Парень забавно потряс кусочком котлеты, остальные засмеялись, а у Майки застыло сердце, когда Влад сказал:

— Ты прав, Алик! Черт, ты совершенно прав!

Вот она где, трещина.

Майка ведь считала это самое загнивание, как его назвал Алик, счастьем. Для нее сидеть в халате рядом с мужем на диване было пределом мечтаний, да еще если с ними будут дети... Все что угодно может твориться за пределами уютного семейного мирка, карьерные взлеты и падения, неприятности, победы, не важно. Внутри дома человек должен быть защищен от всех опасностей, там убежище, там вкусный борщик, котлетки, диван, в конце концов...

Алик, лукаво прищурившись, взглянул на Майку, она поняла, что говорилось это для нее. Только вот зачем?

Девушка замечала, что он к ней приглядывается, она и сама к нему приглядывалась. Рослый, поджарый, даже слишком, лицо худощавое, умное. Темные густые волосы и карие глаза, капризный и язвительный рот с пухлыми губами. На нижней губе небольшой шрамик. Глаза у Алика могли выражать все что угодно, несусветный ум и полную бестолочь, невинность, лукавство, высокомерие. Инструмент, а не глаза. Не то, что Владька. Его глаза смотрели почти всегда одинаково, весело, озорно, честно, на девчонок — хищно и обольстительно. Влад был тоже темноволосый и темноглазый, рослый, но более плотный, этакий крепкий мужик. Алик был очень элегантный, одежда на нем как на модели, идеально смотрелась. Бывало, придут в одинаковых свитерах и стоят рядом, Алику все комплименты говорят, а Владьку в таком же точно свитере никто не видит. Но все-таки большим успехом у девчонок пользовался Влад, наверное, потому что искренне их любил, девушки это чувствуют.

И вот сейчас, их лордейшество вдруг обращает свой мужской взор на невзрачную ее. Как-то не по-дружески он на нее смотрел, Майке казалось подозрительным. А еще эти речи непонятные...

— Муська, ты сейчас в Альке дырку прожжешь! — Владу было смешно.

— Майка, да пошутил я!

— Будешь так шутить, в следующий раз останешься без котлет, — девчонка надулась, — Символ загнивания!

— Да! Вот именно, давай ты вместо него нас будешь подкармливать, а Майка?

— Эй-эй! Заглохли! Я Маечку люблю, а ее котлетки так вообще, что-то неподражаемое, — Алик ластился, заглядывал в лицо, гримасничал, Майка сдалась и рассмеялась. Владик смотрел на них веселыми глазами хищника, почуявшего интересную забаву.

В общем, на том и закончилось, но с тех пор все пошло не так.

Если раньше были Майя и Влад, и потом уже примкнувший к ним Алик, то теперь были уже Влад и Алик, причем Алик методично оттирал ее от Влада. Они по-прежнему делали все вместе, ходили вместе, но прежнего единства и равноправия не было. Теперь были двое устремленных к успеху парней и одна приземленная девица. Такое место было ей отведено. Вроде бы в шутку, но в каждой шутке доля шутки, а остальное-то правда. Теперь Влад с горящими глазами прислушивался к тем планам на будущее, которыми с ним делился его просвещенный друг, а Муська... Муськино дело конспекты и котлеты.

Еще Алик стал странно себя вести, бросал на Майю какие-то непонятные взгляды, которые девушке казались липкими. Она старалась не обращать внимания, ну смотрит и пусть смотрит. А он прищуренными холодными и какими-то ревнивыми глазами следил за ней, за тем, как она улыбается Владу, как она привычно стучается с ним кулачком «на удачу», как тот обнимает ее за плечо и смеется вместе с ней. Просто Майка наконец-то выровнялась, расцвела, похорошела, теперь и правда было на что посмотреть. На фоне своих однокурсниц, расцветших рано, а к двадцати годам уже слегка «заматеревших» она радовала глаз юношеской тонкостью и изяществом, какой-то эфемерной эльфийской красотой. Девчонка действительно стала заметной. Настолько заметной, что могла бы помешать некоторым планам.

Алик решил, что неплохо было бы ему стать у нее первым, а заодно перекрыть ей дорогу к Владу. А то этот дурень еще возьмет и в нее влюбится, для этого много ума не надо. Про то, что Майка по уши во Владика влюблена, она с первого дня догадался, но тогда это было не важно, а вот теперь...

Теперь Алик к ней прикасался. Вроде бы невинно, но чуть-чуть не так, а с подтекстом. Когда девчонка делала негодующее лицо, он переводил все в шутку, выходило, что она сама все выдумала. Влад на эти игры смотрел сначала удивленно, потом с легкой досадой, потом стал просто ждать, чем все закончится, не желая никому мешать и ссориться с друзьями. В конце концов, взрослые люди, сами разберутся. А Алик понял, что друг дал ему зеленую дорогу, и усилил нажим.

Его действия стали более дерзкими, однажды он затащил Майку в пустую аудиторию, захлопнул дверь и там прижал ее к стенке, положив руки с обеих сторон от ее головы. Девушка пыталась возмутиться:

— Алик, ты что?

— А на что похоже?

— На то, что ты спятил!

— Да что ты?

Он стал наклоняться к ней, чтобы поцеловать. Майя занервничала, хотела вырваться, но он был на чеку, не дал ей вырваться и покачал головой:

— Ты плохо себя ведешь, Маечка. Зачем же вырваться? Зачем шуметь? Хочешь, чтобы сюда толпа сбежалась?

Майя затихла, ей совсем не хотелось, чтобы кто-то застал ее вот так, с Аликом в обнимку. Что подумает Владик. А Алик воспользовался ее замешательством и поцеловал.

Никогда Майя не думала, что ее первый поцелуй будет насильственным. Девушка попыталась возмутиться, тогда Алик разозлился, поцелуй стал жестким, почти болезненным, она затихла, а парень, подавив ее сопротивление, смягчился и под конец был даже нежен. Когда эта экзекуция закончилась, Майя чувствовала использованной и униженной. Он погладил ее по щеке и сказал:

— А теперь будь умничкой и выходи первой. Ты же не хочешь, чтобы все догадались?

Она отдернулась, сверкнула на Алика глазами и вышла.

Напротив дверей аудитории на подоконнике сидел Влад.

Майя обмерла и чуть не сползла в обморок, она не знала что сказать, как оправдаться... Но тот легко спрыгнул с подоконника, косо посмотрел на ее растрепанные волосы и зацелованные губы, и спросил, показав пальцем на дверь, из которой она вышла:

— Алька там?

Майя смогла только кивнуть. Через минуту ребята, спокойно переговариваясь, вышли в коридор, прошли мимо нее и пошли дальше. Заметив, что Майя не идет вместе с ними, Влад обернулся и глядя на застывшую без движения девушку выдал с легким раздражением:

— Муська, пошли, на пару опоздаем.

Муська пошла, но на три шага сзади, находиться ни с одним рядом не хотелось. Ее бесило, что Влад никак не реагирует, все равно ему, с кем она будет целоваться. Девушка изводила себя, мысли метались:

— Ах, ему все равно! Тогда и мне тоже все равно! Все равно с кем! Нет, черт побери, надо ему объяснить, чтобы он не думал... Ну и черт с ним! Пусть думает что хочет! Владик, это все неправда... Владик...

Владу было не все равно. Он и сам заметил, что девчонка похорошела и изменилась, понимал, что у нее может быть своя жизнь. Своя жизнь... Как-то не очень укладывалось в голове, что у его Муськи могут быть амурные дела. Влад привык защищать ее, а тут, тут дело тонкое, а вдруг у них любовь?

Он замечал, что Алик положил глаз на Майку, но не вмешивался, потому что та не жаловалась, иначе он бы вправил Альке мозги. Раз молчит, значит пусть все идет, как идет. Влад, конечно, не был в восторге, но на пути у друга стоять не собирался. Так... Просто слегка досадно.

Зато Алик был доволен.

Все прошло как надо. Он «застолбил участок». Теперь Владька ни за что к Майке с любовными делами не сунется, не станет другу переходить дорогу. Значит можно спокойно, наслаждаясь ситуацией, провести свою маленькую невинную многоходовку, в результате которой они все выиграют. Или почти все.

Майя чувствовала себя ужасно. Ей просто не терпелось поговорить с Владом, объясните ему, что ничего не было. У нее с Аликом ничего не было и не может быть. Но момент никак не выпадал, начались пары, а потом Влад с Аликом вместе ушли. И на следующий день они тоже прекрасно между собой общались, одна Майя сидела как на иголках, желая объясниться. Хотя, чего объясняться, ситуация, как она поняла, совершенно не волновала Влада. А Алик эти дни держался в стороне, поглядывая на нее сквозь опущенные ресницы и странно улыбаясь. Девушка с горечью поняла, что ее объяснения никому не нужны.

Действовать Алик стал где-то через неделю. Просто в один прекрасный день похозяйски положил ей руку на плечо и повел себя так, словно между ними что-то есть. Влад смотрел спокойно, Майя пыталась дергаться, сбросить его руку и отодвинуться, тогда Алик прошипел ей на ухо:

— Тише, Маечка, тише, ты же не хочешь, чтобы я прямо здесь начал тебя целовать? Нет? А я могу... Мне очень этого хочется... Я помню, какая ты сладкая, Маечка...

Шепот был горячим, неприличным и совершенно выбивал ее из колеи, вызывая густой румянец и непрошенную дрожь. Майя затихла. Ладно, пусть кладет свою руку на плечо, черт с ним, главное, чтобы дальше не зашел. А он добился своего, теперь Майка стала негласно считаться его девчонкой, парни с факультета признали его право. Не без зависти, но без возражений, а Влад поглядывал искоса на него, на Муську, вроде Муська не противится, так может...

— А что, Алька видный парень, могла и влюбиться, главное, чтобы глупостей не наделала, — думал он, — Ну, за этим-то я прослежу.

На том он и успокоился. Алик тоже не стремился торопить события. Майя ему

нравилась, и он собирался уложить ее в постель, но длительного романа с трагическими сценами не планировал. Он не планировал иметь с ней то, что называется отношениями, достаточно, что все, а главное Влад, считали ее его девушкой. Он иногда целовал ее в укромных уголках, она всегда поначалу противилась, но потом, под давлением подчинялась, даже какое-то извращенное удовольствие стала получать от этих сцен. Потому что, целуя Алика, она представляла на его месте Влада. Влада, которого она так давно любила, а теперь еще и желала, и которому до нее не было никакого дела. А этот чертов Мефистофель Алик тоже, похоже, получал удовольствие оттого, что знал ее тайну, и мучил девчонку. О, да, он получал удовольствие, но рассчитывал получить еще больше. Он умел ждать, знал, что дождется, что Майка, пусть сейчас его и не желает, но она придет в его постель сама. Это было важно.

Блаженное студенчество подходило к концу, время неумолимо двигалось вперед, и теперь до окончания института оставалось меньше полугода. Пора начать осуществлять свои планы, и Алик познакомил своих друзей с сестрами Роксаной и Нелли. Они большой компанией сидели в кафе. Роксана сразу же сделала стойку на Влада, он ей понравился, и девушка не стала этого скрывать, да и парню она понравилась. Майя чуть не умерла на месте, так хотелось вцепиться наглой хищнице в волосы, но вокруг было полно народу, Алик держал ее под руку и, гаденько улыбаясь, шептал ей на ушко:

— Маечка, девочка моя, не мешай парню жить. Ты что, не желаешь ему счастья?

Майя тяжело выдохнула, смогла взять себя в руки и, непринужденно улыбаясь, разговаривать с Нелли о высоких материях. Про себя еще отметила, что эта Нелли просто Алик в юбке, вот кому следует быть вместе, они друг друга насмерть заговорят. И взгляд у девушки был такой же, цепкий, с прищуром, всевидящий, холодный. С тех пор Роксана часто стала появляться в их жизни, а вот Нелли Майя больше не видела.

Влад называл эту мымру Рокса, он рассказывал про нее Муське, восторгался, расписывал, как ходил на свидания... Влад улыбался. Радостно, самодовольно, его глаза хищно поблескивали, при воспоминании о каких-то горячих моментах. И Муська улыбалась, медленно умирала, но улыбалась. А ему совершенно не было заметно, что происходит с его подругой.

Так мы бываем слепы иногда, не догадываясь, что своей слепотой убиваем тех, кто любит нас. Владик не был чудовищем, он тоже любил Майю, считая ее своей маленькой сестричкой. Но, беда в том, что она-то себя его сестрой не считала, она была влюбленной в него девушкой, которой он всю душу отравил своими рассказами о том, как ему нравится другая. А еще и Алик был тут как тут со своими поцелуями, провоцирующими прикосновениями и ехидными взглядами. Это был сплошной кошмарный сон, состоящий из обиды, неудовлетворенности и ревности, из которого Майе отчаянно хотелось вырваться.

Долго пребывать на грани нельзя, рано или поздно свалишься с этого пика в одну или в другую сторону. До Госов и защиты диплома оставалось около пары месяцев, студенты в это время готовятся и зубрят, но о молодой жизни забывают только отдельные экземпляры, полностью повернутые на учебе. Так им и вспоминать потом нечего будет, когда внуки их спросят:

— Деда, а как ты отжигал, когда был студентом?

А деда наморщится, силясь вспомнить, и подумает:

— Никак, увы, никак.

И станет обидно...

Но, опустим лирику.

Одна из сокурсниц справляла свой день рождения в их излюбленном кафе. Собралась большая компания. Влад пришел с Роксой. Алик весь вечер вертелся возле Майки, как коршун отслеживая, куда она пойдет и что будет делать, а девчонка была на грани. Одно дело слышать, что парень, которого ты любишь, встречается с другой, а другое дело видеть своими глазами. Майя чувствовала себя так, словно кто-то поворачивает ей нож в сердце,

каждый раз, когда Влад заглядывал Роксе в глаза и обнимал ее за плечо, шептал на ушко, а та смеялась. Алик, сидевший рядом с Майей, видя, что девчонка едва сдерживается, негромко заговорил, касаясь губами ее ушка:

— Ма-а-а-аечка, сладкая моя, ну что ты на них уставилась? Так, словно придушить Роксу хочешь? А? Ай-ай-ай, как нехорошо, что Рокса подумает? Что ты ее совсем-совсем не любишь? Владик расстроится-я-я... Пойдем лучше потанцуем.

Его губы скользили по маленькому ушку, по шее, девушка ничего не чувствовала, она только видела, что ее Влад, обнимает другую, прижимает ее к себе в танце и... целует... Целует...

И тут нарыв прорвался. Жалеть, думать, зачем все было, страдать она будет потом. Если сможет, а сейчас Майя уже не думала.

Она посмотрела на Алика, сидящего рядом, взяла его за руку и повела танцевать. Сама прижалась к нему всем телом, сама притянула к себе его голову и поцеловала при всех. Пусть видят. Пусть он видит. Если ему можно целовать другую, тогда и она будет делать что захочет.

Надо сказать, что Влад заметил и отреагировал. Как типичный старший брат отреагировал, попытался ей мозги вправить, но Майка уже сорвалась, ее было не остановить:

— Ты мне кто?

— Как это кто?

— Вот именно, кто?

— Я твой друг, черт побери!

— Друг? Вот и отлично! А Алик мой парень! А ты иди к своей Роксе! Желаю удачи!

Рокса, которая стояла поодаль, стала проявлять признаки беспокойства, Алик с довольной улыбкой развел руками. Владу оставалось только отпустить Майкины руки и отступить, выразительно глянув на Алика. Но тот остался невозмутим, а Майя вновь прижалась к нему и стала гладить по затылку. Влад разозлился, однако промолчал. Потом вернулся к своей Роксане, решив, раз его мнение никого не интересует, так пусть и живут, как хотят, А через короткое время уже самозабвенно целовался с Роксой в коридорчике перед туалетами.

Майя их видела. Дыхание останавливалось, сердце рвалось на кусочки, казалось, сейчас откроется рана и кровь польется из груди. Алик был рядом, он обнял ее сзади, провел рукой от шеи по груди, до бедер и зашептал на ухо, горячо зашептал:

— Ма-а-а-аечка, Майя, пойдем со мной, сладенькая моя, будь моей, Маечка. Тебе будет хорошо со мной, я умею быть нежным, тебе понравится... Ма-а-а-аечка...

Его губы скользили по шее, язык касался кожи за ушком. У Майи из глаз потекли слезы, и она едва слышно прошептала:

— Пойдем.

Все было, как он и обещал. И нежность, и жар желания. Он был терпелив с ней, щадя ее скромность, касался бережно, почти не причинил боли и сумел доставить наслаждение. Когда все закончилось, Алик лежал, заложив руку за голову, курил и смотрел, как Майку колотит от рыданий. Ему даже было ее немного жаль.

Но жалеть о чем-то? Нееет. Он ни о чем не жалел. Девчонка оказалась куда слаще, чем он рассчитывал. И красивая, вся красивая. От кончиков волос до кончиков ногтей маленьких нежных пальчиков на ногах. Он даже не представлял себе, что она такая красивая, а то

спровоцировал бы ее гораздо раньше. Но ничего, он успеет ею насладиться, еще есть время. Рыдания понемногу стихли, Алик понял, что теперь можно. Теперь она его не оттолкнет, заботливо обнял ее, утешал, гладил по спине, по волосам, предложил ей чаю, девушка отказалась. Попросила:

— Отвези меня домой.

Отвез без слов, поехал вместе с ней, обнимая ее в такси, подумал, что ей будет не так плохо и одиноко. На прощание сказал, погладив по лицу:

— Не плачь, Маечка, все наладится.

Майке было горько, тошно от самой себя, стыдно, но его ободрение она приняла. Было еще не поздно, она натянула на лицо улыбку и мужественно вошла в дом. В конце концов, она сама это затеяла.

Ночь для Майи прошла как мертвая вода, черная мертвая вода. А утром она стала сама себе еще больше противна. Что она вчера сделала, зачем? Что теперь будут про нее судачить все кому не лень? А, к чертям... Оставалось только задрав повыше подбородок идти на эшафот.

Как ни странно, в Универе никто ничего насчет вчерашнего не сказал. Немного косились и только. Ко второй паре приполз Влад. По его лицу явно было видно, что парень очень и очень неплохо провел ночь. По привычке сел рядом с Муськой, та не слишком явно, но все-таки отодвинулась от него к Алику. Влад пожал плечами и уткнулся взглядом в доску.

Вот так, нелепо, портится хорошая дружба «плохой» любовью. Дружба, казавшаяся такой крепкой, теперь держалась на волоске. Они встречались, здоровались, сидели вместе, ели вместе те завтраки, которые Майя приносила по инерции, но теперь из их отношений исчезла непринужденная близость и теплота. Собственно, Влад с Аликом оставались близкими друзьями по-прежнему, это Майя сама себя сделала почти изгоем. Алик наблюдал за ней и Владом своим цепким взглядом из-под ресниц и чему-то, ему одному известному, улыбался. А чего не быть довольным, все шло по плану. Влад встречался с Роксаной и, похоже, у них было серьезно.

С Аликом Майя встречаться не хотела, но он умел уговаривать. Сначала давил на болевые точки, рассказывал, как классно обстоят дела у Влада с Роксаной. Когда убеждался, что девчонка на грани срыва, начинал утешать, гладить, нежно целовать. Добивался своего, она оказывалась в слезах, его объятиях, в его постели, крича от срасти. Ему нравилось над ней властвовать, манипулировать, да и секс с ней ему доставлял ему огромное наслаждение. Правда каждый раз после этого Майка была мрачной и уходила в себя, отказываясь реагировать на внешние раздражители. Он заботлив и нежен. Терпеливо ждал, пока девушка придет в норму, попутно любуясь ее телом, наслаждаясь прикосновениями и легкими поцелуями. Поверьте, Алик не был садистом, и ему не доставляли удовольствия ее страдания, но то было неизбежное зло, он понимал это. Просто, ей не было места в его планах на будущее, хотя, при других обстоятельствах...

И тогда молодой человек закрывал глаза, с горечью думая о том, что обстоятельства, к сожалению, изменить нельзя, и надо думать о будущем, а не разных глупостях.

Разумеется, однокурсники не слепые, все заметили перемены и сделали свои выводы. И как-то раз один из парней прямо спросил Майку:

— Майка, ты часом фамилию Сухова не собираешься сменить на Беспольская?

Парень улыбался и спрашивал без задней мысли, но, увидев мрачный взгляд девушки, поднял руки и удалился. Ребята так и остались в недоумении, видно, что что-то происходит, только вот что?

Время поджимало неумолимо, его почти совсем не осталось. А точнее, его не осталось. Алик с грустью и неожиданным сожалением это понял. Так бывает, тщательно планируешь что-то, удачно проворачиваешь, а потом обнаруживаются неучтенные обстоятельства, которые сильно омрачают твою победу.

С Аликом получилось то, чего он вовсе не планировал. Майка стала для него слишком много значить, но он не мог себе позволить сейчас, на финише, отбросить все и пожертвовать своим будущим в угоду дурацким низменным потребностям. Да, именно так он называл про себя те странные чувства, которые испытывал к этой гордой и ранимой, тоненькой как тростинка девочке с огромными черными глазами и пушистыми светлыми волосами. Потому что назвать их иначе не умел, зато четко знал, что его устремления стоят гораздо выше всех потребностей плоти. А значит, и рвать эти, с позволения сказать отношения, надо резко и бестрепетной рукой. Но отказаться от нее теперь уже было больно, словно кусок души от себя отрезать, и все равно, парень был уверен, что его выбор окупится, что дело стоит того, слишком высоки были ставки. Он поймает свою удачу. А теперь ему предстоит кое-что неприятное. Он и так тянул, сколько мог, дальше уже нельзя. Случай выпал на следующий день.

В Универ к Владу пришла Роксана, проведать, был перерыв между парами. Они обнимались и миловались, а Майя смотрела, изнывая всей душой. Алик сидел рядом с ней. Молодой человек понял, что тот момент, к которому он готовился несколько дней, настал. Только отчего-то ком встал в горле, и слов не находилось. Да, сколько хочешь готовься, все равно к такому не пригодишься. Он взял ее руку, погладил изящные пальчики, вздохнул, собираясь с духом. Парень посмотрел на нее с затаенной тоской, понимая, что после его слов останутся только руины, а потом внезапно решил и, собрав по крохам весь свой снобизм и цинизм, сказал:

— Что Маечка, любишься? Любишься.

Майя на него не реагировала, продолжая как замороженная смотреть в сторону Влада.

— Ма-а-а-ечка-а-а, сладенькая моя, а ты за меня замуж не хочешь? — вопрос был провокацией, рискованной провокацией, но он хорошо просчитал ее и знал ответ заранее.

Девушка бросила на него холодный взгляд исподлобья и отобрала руку.

— Нет?

— Нет.

— Я так и думал... Ахххх, ты разбиваешь мне сердце... — Беспольский уже паясничал.

Удостоился еще одного тяжелого взгляда, а девушка отвернулась и принялась гипнотизировать сладкую парочку. Алик снова завладел ее рукой, наклонился к ней пониже, отчего Майя отстранилась. Молодой человек притворно тяжело вздохнул, перебирая ее пальчики.

Со стороны даже могло показаться, что двое влюбленных воркуют о чем-то своем. Только вот изнутри все было иначе.

Алик сделал жест в сторону Влада и зашептал ей на ушко:

— Знаешь, они ведь уже заявление в ЗАГС подали, через два месяца свадьба, только это секрет, объявят после Госов. Ну, мне-то рассказали, от меня секретов нет.

Майку в жар бросило, стало жутко тоскливо и обидно. Пропала последняя надежда, да еще и недоверием наградили за столько лет преданной дружбы. Она покраснела, опустила голову, а Алик продолжал, видя ее мучения и уже неизвестно, кого больше мучая, ее или себя:

— Это ведь все моих рук дело, — он кивнул для убедительности, — Я, видишь ли, Маечка, люблю своего друга Владьку и желаю ему добра. Так что, когда понял, что он в твою сторону начал поглядывать, быстренько принял меры. Тебя нейтрализовал.

Парень погладил обалдевшую Майку по щеке, заглянул ей в глаза и продолжил пытку, думая, сколько же она еще выдержит, когда сорвется.

— Познакомил Владьку с хорошей девушкой, вон, гляди, у них все наладилось. Конечно, и о себе я не забывал, ты же у нас сладенькая девочка? Умммм, какая сладенькая... Скажу честно, Маечка, потрахались мы с тобой на славу.

Он говорил тихо, только для нее, цинично ухмыляясь и перебирая ее пальцы. Майка смотрела на парня, раскрыв рот, ей было дико подобное слышать. У нее в голове не укладывалось, даже слов не было. Майе не было обидно, что Алик ее использовал и бросил. Нет. В том, что он ее использует, девушка не сомневалась, сама никогда не любила его и не доверяла, всегда считала скользким. Да, они были любовниками. Получалось, что она и сама его использовала. Но такого расчетливого, циничного и жестокого коварства девчонка ожидать не могла. Вот это был удар, страшный, смертельный.

Алик чувствовал себя слегка уродом, немного скотом, но все-таки верил, что действует правильно, а потому продолжал:

— Да, Майка, я желаю ему счастья. А с тобой какое ему счастье?

— Да как ты мог! Как ты можешь судить, что для него счастье?! И почему он не мог быть счастлив со мной?!

— Не кричи. Что ты ему можешь дать? Чего он рядом с тобой добьется?

— Как чего?

— Вот именно! Будет прозябать в неизвестности с тобой вместе на диване? Что? Котлетами его будешь кормить до скончания века? А я хочу для него лучшей доли! У Роксы тетка в Америке, родители недавно переехали туда и ей вызов уже прислали. Поженятся и уедут дышать свободой на загнивающий запад! Уж как-нибудь лучше, чем гнить здесь в НИИ. И вообще, если бы не я, ты бы так до сих пор и висела на нем, как балласт.

— Да ты... За что ты...

— Престань истерить, Маечка, — гаденькая улыбка добила ее окончательно.

Майка резко встала, залепила ему звонкую пощечину и, выкрикнув в сердцах:

— Ненавижу тебя, гад! Не смей ко мне приближаться! Не смейте оба! — выбежала из аудитории.

Алик смотрел ей вслед. Все правильно, он молодец, сделал все как надо, девчонка сама дала ему отставку. Так почему же такое странное ощущение в груди, будто сердце клещами выдирают...

— Да и есть ли оно у тебя, это самое сердце... — вяло спросил у него внутренний голос,

но ответа у парня не было.

Подошел Влад:

— Что ты ей сказал? Почему она вылетела, как ужаленная? Ты ее обидел? Что?! Что ты с ней сделал?! — парень разъярялся все больше.

Беспольский поднял голову, посмотрел на друга и спокойно ответил:

— Ничего. Просто сказал правду. Сказал, что ты на Роксе женишься и в Штаты уезжаешь. А она обиделась, что от нее скрыли.

Влад при этих словах стушевался.

— Потом со мной поссорилась. Ничего такого я ей не сказал, а она меня оскорбила и бросила. Это, между прочим, я ни за что, ни про что при всем честном народе по физиономии получил! Что я ей сделал?! — передразнил он, — Ничего!

Влад кинулся за Майкой, но та уже ушла.

Рокса состроила недовольную мину, ребята, бывшие свидетелями сцены, промолчали и сделали вид, что ничего особенного не случилось.

Отныне Майя Сухова сидела одна. Впереди, подальше от парней. Влад пытался с ней поговорить, но она упорно молчала и не хотела даже смотреть в его сторону. Тогда парень отстал, решил, что со временем Муська отойдет и простит его, ну не рассказал, виноват. Так ведь боялся, чтоб не сглазить. Кто про такие дела заранее трепать языком станет?

Алик вообще не пытался к ней подходить, изображая из себя жертву, правда, на душе у мнимой жертвы скребли кошки, но жизнь-то продолжалась. Оставались цели, к которым надо было стремиться, и действовать быстро, очень быстро. Теперь ему осталось всего ничего — жениться на Нельке. Ее он ни на минуту не упускал из виду, тем более, что Нельке тоже вызов пришел. Ей он нравился, с самого начала была не против. А для Влада Беспольский действительно хотел добра, да и там, в Штатах им вдвоем будет проще и веселее, всегда смогут поддержать друг друга.

А сейчас надо действовать, и постараться забыть Маечку. Не надо вспоминать о ней каждые пять минут. Делом надо заняться, делом.

Влад болезненно переживал Муськино отчуждение, не мог понять, что случилось с его славной маленькой девочкой, какого черта она вдруг выросла и все усложняет. Ну не сказал ей, и что теперь?! Чего трагедию из этого делать? Недоверие! Ерунда. И ее отношения с Аликом ему не очень нравились, но не вмешивался, считал, что становиться между влюбленными бесполезное и глупое дело. Они поссорятся, помиряются, снова поссорятся, а он только плохим будет. А не сойдутся, ну что ж, значит, не судьба. Не дети уже.

В глубине души Владик волновался за Майку, все-таки как сестра, привык к ней за столько лет. Родная стала. Муська. У него-то у самого дела складывались отлично. Осталось только Госы сдать и диплом получить — и вот она, начнется новая жизнь. Он уже стоял на пороге, правда, было немного грустно. Хотя, наверное, всем становится грустно перед глобальными переменами, даже если мы ждем от этих перемен только хорошего.

Сдали Госы, защитились. В родном Альма-Матэре осталось повертеться несколько дней, пока все бумажки будут готовы. Сидели толпой в одной из аудиторий, хотелось подольше находиться в этих стенах, бывших им домом последние несколько лет. Теперь вместо них придут другие, в чем-то лучше, в чем-то хуже, просто другие. В такие моменты человек ощущает себя перелетной птицей, вставшей на крыло, позади юность, впереди

взрослая жизнь.

Все расселись кучками, Майя сидела одна. Она в последнее время вообще ни с кем не общалась, ходила как тень. Конечно, и заговаривать с ней ребята-однокурсники пытались, и развеселить, она только посмотрит мрачно, приподнимет уголки губ — и все. Но занятия не забрасывала. Майка защитилась на отлично, тяжело было девчонке носить этот камень на сердце, от которого даже дышать было больно, но смогла себя заставить отключить чувства, не думать ни о чем, просто заниматься. И учеба помогла, сработала как анестезия. Только чувствовала себя замороженной, кажется, порежь ножом вены — кровь не потечет.

Парни тоже хорошо защитились. Алик на красный диплом, он с первого курса отличником был, Влад на хороший синий. Оценочный лист у него всего с тремя четверками вышел. Крутило Владика от той мысли, что не поссорься он с Муськой, все бы удачнее вышло, но как-то на периферии. Дальше эта мысль не выползла, однако и совсем не уходила, но событий и дел в жизни была масса, некогда отвлекаться, так на периферии и осталось. У Алика был ужасно суетливый период, сами понимаете, сколько дел надо провернуть, сколько бумажек. Так, иногда взглянет на нее, на девчонку свою бывшую, на ту, что некстати, а может и кстати, посреди его наполеоновских планов подвернулась, слегка сожмется сердце от непонятного чувства, и все, пора бежать, нет времени на сантименты и сожаления.

В общем, сидели ребята в аудитории, декана ждали. А деканом у них был Глеб Давыдович Кожин, тот самый, который у всех конспекты рукописные требовал. Декан заглянул в аудиторию, обвел присутствующих взглядом, выпускники стали здороваться, он кивнул в ответ. Остановил взгляд на Майе, потом обратился ко всем:

— Ребята, у меня еще дел минут на 15–20, прошу вас подождать. Сухова, пройдите в мой кабинет.

Майка вскинула голову, удивленно взглянула, но Глеб Давыдович уже вышел. Ничего не оставалось, как выйти вслед за ним и пойти в кабинет. Когда она вышла, к Владу с Аликом подсел один из ребят, все это время разглядывавших Майку. Влад спросил:

— Тебе чего, Данил?

— Да так, к Алику дело есть.

— Ну, что за дело, говори.

— Отойдем.

Парень отвел Алика к окну и спросил:

— У тебя с Майкой как?

— Никак, — Алик вдруг понял, что начинает злиться.

— Так ты не будешь против, если я ее того...

Договорить Данил не успел, да и Алик подумать не успел, как его кулак впечатался предприимчивому парню в морду. Тот схватился за нос, пробубнив:

— Так бы и сказал, что против. Чего на людей кидаться?

Беспольский не стал ничего отвечать, его трясло, быстро вышел и пошел в туалет, водой холодной облиться.

— Совсем сбрендил. Совсем. Самое время себе неприятности наживать, — внутренний голос был очень самокритичен и рассудочен, а вот его хозяин пребывал в растрепанных чувствах и не мог понять, что с ним.

Влад зашел в туалет следом.

— Алька, в чем дело? Ты чего его двинул?

— А, ерунда, — Алик держал руки под струей холодной воды.

— Что за ерунда, ты можешь сказать?

Алик pokrивился, вытер мокрыми руками лицо, постоял, глядя в зеркало, потом, наконец, сказал:

— Он к Майке хотел...

— Да я убью его!

— Уймись, Влад! Он и так все понял. Незачем раздувать из мухи слона. Нам сейчас проблемы совершенно не нужны. Уймись, Марченков.

Марченков постоял, сжимая кулаки и пыхтя от злости, потом понял, что Алька прав и успокоился.

— Иди Влад, я сейчас.

Оставшись один, Беспольский с минуту смотрел в глаза своему отражению. Зеркало было маленьким, с мутной амальгамой, края порепанные, Что он там видел, о чем хотел поговорить с собой, неизвестно, но вышел он оттуда спокойным, словно ничего не случилось.

Когда Майя вошла в кабинет, Глеб Давыдович что-то писал, сидя за столом, она остановилась на пороге, опустив голову.

— Сухова, проходи, садись, — декан показал ей на место у стола.

Девушка подошла, села, подняла на него глаза. Преподаватель внимательно взгляделся в ее лицо, качнул головой, потом спросил без обиняков:

— Обидели? Так и знал... козлы.

Вторая часть фразы была неразборчивой, словно декан ее выплюнул сквозь зубы.

— Что...? — не поняла девушка.

— Так, ничего. Сухова, мне на кафедре лаборант нужен. Ты подходишь. Ответственная, не дура, — тут он оглядел ее снова, — Пойдешь?

Майка сначала ушам своим не поверила, а потом, когда поняла, решила сразу:

— Пойду, спасибо.

— Ну и отлично. Сиди, жди меня здесь. Я скоро вернусь. К группе своей можешь не возвращаться, бумажки все тут получишь.

Девушка кивнула, а декан вышел в предбанник. Сквозь закрытую дверь Майя слышала, как он обращался к секретарше, а потом пошел дальше. Предложение начать работу на кафедре было неожиданным, и как-то немного толкнуло ее застывший мир к жизни.

На работу Майя вышла через месяц, хотела сразу, но Глеб Давыдович в отпуск выгнал, велел отдыхать, сил набираться, а то тощая, в чем только душа держится. Она этот месяц просидела у бабушки в деревне. В огороде копалась, полола, окучивала, рыхлила, за водой ходила к колодцу, драила все, драила. Бабушка ворчала:

— Ты чего, сюда отбывать трудовую повинность приехала? Отдыхай, вон. На речку сходи, на танцы. Эх...

И Майка послушно, чтобы баба не ворчала, шла на речку. Но на танцы не ходила, не хотелось. Ничего ей не хотелось. А бабушка смотрела на нее, когда девчонка не видит, и утирала слезы. Что с ее маленькой звездочкой-веселушкой сделали, с колокольчиком звонким... Кто ж ее превратил в немую тень, за что? Одна надежда, что молодая еще, время вылечит, вернет ей прежние краски и живость. А пока старалась бабуля хоть кормить ее получше, прикрикивала, чтобы та ела больше, а то кожа да кости. Ну, как бы то ни было, за этот месяц Майка посвежела и окрепла. Да и со своей душевной болью свыклась, научилась отключать.словно отрезаешь тот кусок души, который болит, и не чувствуешь. Только насовсем отрезать не удается.

Начался учебный год. Новые люди, новые дела, много работы. Хорошо. Можно отключить себя на целый день, ничего не будет болеть в душе, правда, потом, ночью боль вернется вместе с обидой и воспоминаниями, чтобы точить изнутри. Но и это рано или поздно пройдет. Неожиданно интересной стала работа с новым набором. Майя выглядела совсем юной, ее никто из новеньких за сотрудника кафедры всерьез не воспринимал. И парни с первого курса, а среди них были достаточно взрослые ребята после армии, считавшие себя неотразимыми мачо, начали обхаживать молоденькую красивую лаборантку. Толклись на кафедре. Декан был в восторге, столько вежливых и исполнительных «лбов», как он их называл, он в жизни вместе не видел. И гонял их по поручениям, а те были рады, во-первых, около Маечки Михайловны можно покрутиться, а во-вторых, законно с некоторых лекций слинять. Но, не дай Боже! Слинять с лекций Глеба Давыдовича! Кары небесные обрушатся сразу. Ребята развлекали Майю, даже умудрялись вызвать слабую улыбку.

С однокурсниками больше она особо не пересекалась. С ребятами так и не стала мириться, и на свадьбу к Владу она не пошла. К Алику на регистрацию, разумеется, тоже. А свадьбу они с Нелли делать не стали.

Так прошло еще три месяца.

Родители Майки по полгода почти проводили у старшей сестры, она жила во Владимире, у нее трое детишек, все мал мала меньше, вот деда с бабой и ездили туда вахтой. Дома обычно бывали по очереди. А тут так совпало, что уехали оба. Ну, хоть ее не доставали своей жалостью.

На кафедре матанализа все постепенно двигалось к сессии, уже наметились свои корифеи и «смертники», а Майя Михайловна по коридору пройти не могла спокойно, чтобы кто-нибудь из ретивых первокурсников не начал лапшу на уши навешивать, про то, что ему лично необходимы дополнительные занятия, причем именно с лаборантом. Декан этот народец со своей кафедры гонял, увещевал, грозил, но, в общем, был доволен и работой, и новой лаборанткой, и успеваемостью. Майю вызвал как-то к себе и предложил:

— Ну что, Сухова, в аспирантуру пойдём?

Та засмушалась.

— Ну, не слышу восторга?!

— Пойдём.

— Ну и молодец.

В Универе у Майки дела неплохо налаживались, перспективы, вон, появились. Немного ожила.

А Владу с Аликом подошло время выезжать. Все эти круги ада со сбором документов, посещением разных инстанций и ожиданием были пройдены. Вроде все нормально, удачно сложилось и быстро и без проблем, круг общения, конечно, сузился донельзя, но в таком темпе, в каком они жили, это было уже не важно, главное между собой все хорошо, правда, Алик часто бывал мрачен, а Влада точило беспокойство. Все время не оставляло такое грызущее чувство, что он чего-то недоделал, чего-то очень важного, без чего у него не будет удачи в жизни. Вот уже и уезжать завтра-послезавтра, а он все места себе не находил.

Чего себя-то обманывать. Влад точно знал, чего ему для спокойствия необходимо. Ну, суеверный он. Да. С Муськой надо помириться, чтобы она удачи пожелала, тогда все будет как надо! Вот что нужно сделать. Но Влад не смел, страшно было ему почему-то идти к Муське, видать, чуял, что неправ перед ней, хотя и не знал в чем. Так что удрал от Роксы, чтобы она мозги ему не полоскала, принял немного для храбрости и вечером заявился к Майке Суховой домой. Долго стоял под дверью, несколько раз пытался нажать кнопку звонка, все рука не поднималась, потом нажал.

Майка в это время только из ванны вылезла, в халате махровом с полотенцем на голове, а тут звонок в дверь. Странно, по вечерам к ней никто не приходил. Глянула в глазок и застыла, перед дверью стоял Влад. Сначала не хотела открывать, пусть думает, что никого дома нет. А потом решила, чего прятаться, вот еще. И открыла.

Майя смотрела, как Влад топтался на пороге, открывая рот, из которого как назло не выходило ни одного звука. Потом как-то выдавил:

— Привет.

— Привет, — голос Майки был тихим и отстраненным.

Он прочистил горло, собираясь с силами сказать, наконец, то, зачем пришел:

— Я... это... ну, ты же знаешь... я уезжаю завтра... Вот, попрощаться пришел...

Он уезжает, и она его никогда не увидит.

Он уезжает.

Сердце болезненно сжалось, сейчас польются слезы, черт! Нельзя! Тоска проклятая душит... Майя сколько угодно могла его ненавидеть за то, что он женился на другой, не желать его видеть, не желать знать. Но то, что он уезжает и она его больше никогда не увидит... Расстаться с ним навсегда вот прямо сейчас...

— Проходи, чего на пороге стоять, — Майя открыла дверь пошире, а сама направилась в кухню, — Чаю будешь?

Нельзя, нельзя на него смотреть, а то она не удержит слезы.

— Буду, — Владик с облегчением и затаенной радостью проскользнул в прихожую и пошел за Майкой в кухню. Ему очень хотелось помириться, прямо, как если бы от ее благословения зависело все в его жизни. В тот момент это казалось очень важным. Майя вертелась между плитой и шкафчиком, стараясь не поворачиваться к нему лицом, попутно

задавая обыденные вопросы:

— Тебе с сахаром? Лимон, печенье будешь, или лучше сушки? А может варенья? У меня вишневое есть.

— Можно с сахаром и с вареньем, — Влад все ждал, когда же она к нему повернется, но девушка упорно стояла к нему спиной.

— Муся...

Нет. Слезы все-таки потекли.

— Муся... Ты прости меня, ладно, Мусечка... Ты же добрая. Дурак я, обидел тебя. Но я не хотел! честно. Я не думал, что ты так воспримешь...

Боже мой! Он никогда ничего не поймет! Никогда! К Майкиным горьким чувствам добавилась еще и злость.

— Чего тебе, Марченков?

— Как чего, я помириться пришел.

— Считай, что помирился.

— Муся, может быть, ты все-таки повернешься ко мне лицом.

Да. Она повернется. Майя вытерла слезы и повернулась к нему.

— Ты плачешь...

— Ерунда.

— Муся...

— Пей свой чай, остынет, — девушка взяла свою кружку, обняла ее ладонями, руки замерзли.

Владик послушно стал пить чай.

— Еще?

— Нет, спасибо, Муся...

— Что, Владик? — Майка смотрела в чашку, голос не дрожал.

— Пожелай мне удачи.

— А, ты за этим пришел... конечно...

Она встала, Влад тоже встал.

— Муська...

Девушка подняла руку, сжала кулак, рука тряслась, никак не хотела двигаться, никак. Она попыталась еще и еще, потом разрыдалась. Владьку потрянуло, что-то словно лопнуло внутри, он мягко прижал Муську к груди, обнял.

— Мусечка, не плачь, я же не умираю, я просто уезжаю, Муся, успокойся, — гладил ее по спине, гладил.

Муся заплакала еще горше. Потом собралась, утерла слезы, высвободилась. Никогда он не поймет. Он же только о себе думает, всегда только о себе. Что ж. Очнись, ему что-то от тебя нужно, дай ему это и пусть уйдет. Пусть.

— Удачи тебе, Владик, — она протянула ему кулачок.

Тот слегка стукнулся с ней своим. Как-то и ему стало грустно, прощание всегда бывает грустным, особенно, если прощаешься навсегда.

— Муся, ты не поцелуешь меня на прощание?

Поцеловать на прощание. То есть, в первый и последний раз. Да.

Она потом всю жизнь будет жалеть если не сделает этого.

Трудно сказать, чего ожидал Влад, вероятно дружеского чмока в щечку, только Майка поцеловала его по-настоящему. А потом непонятно что и как, но как-то что-то немислимое

произошло...

Очнулся он уже после, чувствуя себя необычайно легким, переполненным распиравшим его блаженством и невероятно смущенным.

— Муська... — Влад покраснел, пытаясь что-то бормотать в свое оправдание.

— Ничего, Владик, все нормально. Ты иди, тебе пора. Тебе уезжать завтра. Тебя будут искать.

— Да, действительно...

Майя кивнула.

— Иди.

— Так я пойду, Муська?

Он протянул ей кулак, она стукнулась с ним своим, улыбнулась:

— Иди.

— Пока, Муська, — Влад вышел, девушка смотрела, как он спускается по лестнице, когда он исчез из вида, она закрыла дверь.

Влад шел к себе окрыленный, его переполняла уверенность, что теперь все обязательно будет хорошо, правда немного смущение беспокоило, он не планировал с ней спать. Неожиданно оказалось так хорошо, что мозги напрочь отказали, стыдно даже. Он передернулся от сладкого послевкусия. Чего только не случается с мужиками на нервной почве, но девчонка вроде не обиделась, простила его. Мужчина отбросил лишние мысли, главное, что благословение Муськино он получил.

А девушка зашла на кухню, встала у окна, провожая взглядом удаляющуюся высокую фигуру. Фигура исчезла за поворотом, а она выключила свет и растворилась в темноте. Потому что в тот вечер Муська умерла.

Разумеется, Майя Сухова никуда не делась, она просто сидела в темноте у окна своей кухни. Умерла жившая в ее душе та малышка пятиклассница со светлыми волосенками и вечно разбитыми коленками, которая когда-то влюбилась в прекрасного принца Владьку.

Утром был рабочий день, Майя пошла в Универ как всегда. Вид, правда, у нее был похоронный, но кому какое дело, она решила быть маленькой и незаметной, чтобы наслаждаться своей болью в тайне. Не тут то было. Первое, что выпалил декан, когда ее увидел, было:

— Сухова, что с тобой стряслось, на тебе лица нет?! — он даже забегал вокруг, — Что, что случилось? Умер кто-то?

— Нет, — она постаралась добавить позитива в голос, — У меня все в порядке.

Глеб Давыдович оглядел ее еще раз, со злостью качнул головой и процедил:

— Опять обидели.

— Да нет, Глеб Давыдович, все нормально...

— Молчала бы, иди, давай, домой, нечего сегодня здесь мелькать. Завтра придешь.

— А как же...

— Ты еще здесь?!

Майя покачала головой и поплелась домой. По дороге купила себе коробку заварных пирожных с шоколадной глазурью, лечиться от тоски.

Настал великий день начала пути на новую родину. Россия прощай, здравствуй Америка! Сидели на чемоданах в зале ожидания, все на нервах, один Влад умиротворен и спокоен как сытый удав, и блаженно улыбался. Жены ушли чего-то купить, может просто пройтись, размять ноги. Алика стало слегка бесить инфантильно улыбочивое настроение друга:

— Ты чего улыбаешься? На нервной почве умом подвинулся?

— А... Нет. Просто настроение хорошее.

Беспольский подкатил глаза:

— О, я вижу, это называется размягчение мозга.

Влад глянул на него, беззлобно огрызнулся:

— Дурак ты, Беспольский.

Потом осмотрелся по сторонам, Роксы поблизости не наблюдалось, и зашептал:

— Просто я вчера вечером у Муськи был.

Брови Алика полезли вверх, а Влад, хищно и как-то невероятно довольно блестя глазами, сообщил:

— Помирился с ней, а потом, даже не знаю, как вышло... Но, ооооо...

Он передернулся и закрыл глаза. И хорошо. Потому взгляд Алика в этот момент был страшнее взгляда василиска.

— Ты что? Переспал с ней? — выдавил Алик.

Влад кивнул, с легким удивлением наблюдая, как его друг сглотнул, странно болезненно перекосясь и моргнув. А потом внезапно отвернулся, да так и остался сидеть молча до самого прихода Роксаны и Нелли. И после тоже оставался молчалив и мрачен.

Но все это было не главное. Главное, что они выехали.

Похороны сердца прошли успешно.

Майка съела в одиночку всю коробку пироженок, запила это все хорошим стаканом

белого вина, завалившегося в холодильнике. Она иногда его в мясной соус добавляла, вот, оказалось кстати. Потом включила музыку и старательно подвывала:

— Снег кружится, летает, летает... замедает зима, замедает, замедает-а-а-ет, все что было до тебя...

Потекли слезы. Текли, она их размазывала, всхлипывая от жалости к себе.

Раньше она все мысленно разговаривала с Владом, все спрашивала у него, почему он такой слепой, не замечал ее, почему поверил, что она Алика любит, почему на другой женился. Теперь уже спрашивать нечего. Все ясно. Просто она никому не нужна. Алик правильно сказал. Балласт. Ну, разве что услугами ее попользоваться.

Как странно, почему она никому не нужна, почему ею можно только пользоваться? Что-то с ней, наверное, не так. Надо...

Надо что-то менять, а то так утонуть в этом киселе можно. И нечего пьяные слезы лить. Жить надо начинать заново. Только где силы взять...

Ничего, пойдет завтра на кафедру, надо действительно об аспирантуре подумать, пока Кожин ей помогать готов. Учиться Майка любила, у нее это очень хорошо получалось.

— Вот и будем учиться, а всякую ерунду из головы выкинем, — приговаривала она, выбрасывая коробку от сладкого в мусорное ведро. Потом посуду долго мыла, тарелку, ложку и стакан, потом присела на диване, обняв подушку, и завывала тихонечко, закусив зубами уголок.

Больно, больно хоронить живое сердце. А жить с ним еще больнее.

Ничего, выживет.

Сейчас, только горло перестанет сводить судорогой, только дышать начнет... Рыдала она долго, в голос, трясясь и вздрагивая. А после прилегла обессиленная и тупо смотрела в одну точку. Мысли вяло ползали, не оформляясь во что-то конкретное, вернее оформляясь, но в то, чего не хотелось принимать, но надо. Оплакала свою потерю. Оплакала.

За окном стемнело, наступил вечер, поужинать бы, но не хочется. Майка заставила себя встать, поставить чайник, подумала и пожарила себе картошку, много, полную сковородку. Странное дело, но после хорошей порции жареной картошки жизнь показалась намного приятнее.

Майка даже смогла мрачно усмехнуться:

— Если вас трамвай задавит, вы сначала вскрикнете, раз задавит, два задавит, а потом привыкнете.

Это сколько уже раз, получается, ее «трамвай задавил»? Два раза как минимум? Если не считать мелких «наездов». Ха-ха! Да она ветеран просто...

Было бы смешно, если не так грустно. Девушка обвела взглядом квартиру. А не заняться ли уборкой? Глянула на часы, вроде не так поздно, самое время сделать генеральную уборку в шкафу. Пожалуй, самое время!

С того дня мир сузился, и работа и подготовка к аспирантуре стала единственным, что волновало Майю Сухову. Глеб Давыдович был ею доволен, помогал, она даже удивлялась, что такой занятой человек ухитряется для нее время выкраивать, и благодарна ему была безмерно. А еще скоро в Универе началась сессия, только успевай поворачиваться, совершенно некогда думать обо всякой ерунде. Ну, по ночам плакала, конечно. Но уже стало легче, отпустило.

Марченков с Беспольским тоже, наконец, добрались до своей «земли обетованной». Не стоит останавливаться на освещении всех граней «их» бюрократии и специфики социального устройства, а также этапов адаптации советских эмигрантов в демократическое общество. Коснемся лишь некоторых моментов из жизни наших героев. Когда схлынули первые впечатления и эйфория, началась новая жизнь, в которой оказалось много неожиданного и не всегда приятного.

Во-первых, выяснилось, что двигать Американскую науку вперед им не грозит. Родственники Роксы с Нелькой, как слышали об их творческих планах, долго покатывались со смеху, а когда закончили смеяться предложили им богатый выбор рабочих профессий самой низкой квалификации, начиная от мойщика стекол на бензоколонке до грузчика в супермаркете. Ндааа... Правда, утешили, что все с этого начинают, у кого стартового капитала нет, потом можно выбиться в люди, если не валять дурака. Лица у ребят, конечно, повытягивались, но делать было нечего. Вот и начали молодые люди свою трудовую деятельность. Попутно выяснив все про розовые очки, русскую баню и лыжи, а также бесплатный сыр.

А во-вторых... тоже, что и во-первых.

Ну...

Алик сцепил зубы и держался, ему надо выбиться, не смотря ни на что. Работал много, уставал как собака. Облом, конечно, но он верил, что сможет со временем выкарабкаться, просто нужно время, и все бы ничего, только вот это ощущение собственной ущербности на фоне всеобщего процветания просто убивало. И еще Нелли. Она бдительно следила за каждым его вдохом и выдохом, не многие хозяйки так следят за своими комнатными собачками, которых везде водят на коротком поводке.

Владу было и тяжелее, и легче. Как ни странно, ему легче удалось влиться в среду, потому что он и по внешнему виду, и по типу поведения больше соответствовал обстановке. Работать приходилось много, но его жизнерадостность и улыбочивость нравилась людям, а непоколебимая вера в свою удачу помогала жить. Вот только Рокса... Она совершенно не хотела с ним считаться, а его это злило, мужик он или вообще кто. Ссорились они.

Прошло два месяца.

Начался второй семестр, Майя стала замечать, что ее раздражают запахи, аж до дурноты, потом они и вовсе стали ее преследовать. Она и проветривала, и убиралась с особой тщательностью, никак. А еще беспокоило отсутствие месячных, сонливость. Вроде, ничего не должно было...

Если честно, она просто места себе не находила от тревоги и волнения. Только не это. Только не сейчас. Пожалуйста, не сейчас, когда все начало налаживаться... не сейчас... Когда ее начало тошнить по утрам, сомнения отпали. Майя была потрясена свалившимся на ее голову очередным испытанием. Ходила как в воду опущенная и зеленая от дурноты. Кожин, естественно, заметил. Он почему-то всегда все замечал. Пару дней посмотрел на это, потом вызвал ее к себе в кабинет и велел секретарше не беспокоить.

— Проходи, Сухова.

Майя была ни жива, ни мертва от напряжения. Глеб Давыдович смотрел грозно и был мрачен. Прошла, села на краешек.

— Кто?

— Что, — не поняла она.

— Я спрашиваю, кто?

— Простите, я не понимаю...

— Что ты не понимаешь, черт тебя дери! — взорвался декан, — Я что, не вижу, что ты беременная?!

— А... — Майка испуганно вскрикнула, схватившись за щеку.

— Я спрашиваю. Кто?!

— Ни...Никто...

— Ты еще скажи, я сама!

Майя вскинула руку, словно желая защититься.

— Кто, я спрашиваю, — он встал и теперь угрожающе нависал над ней, — Я его отчислю к чертовой матери, сукина сына. Я его в порошок сотру! Я...

— Глеб Давыдович...

— Что, Глеб Давыдович?! Кто он, я спрашиваю?!

Майя поняла, что лучше сказать правду:

— Марченков...

— Это один из тех двоих?

Девушка склонила голову еще ниже:

— Да.

— Которым ты конспекты писала?

— Откуда Вы зна...

— Оттуда. Я все знаю и замечаю. Я бы скорее на Беспольского подумал. И что он думает? Жениться на тебе не собирается?

— Он женат.

— Что?! Вот подлец...

— Нет... Это, по большому счету, моя вина. Он ничего не знает, а если бы и знал... Он в Америку уехал с женой. Еще в декабре.

Кожин осел в кресло. С минуту смотрел куда-то в угол, лицо его выражало смесь гадливости и презрения. Майе стало так стыдно и тоскливо, слезы сами закапали. Попыталась заговорить:

— Простите, Глеб Давыдович, не оправдала я Вашего доверия. Я завтра уволюсь. Простите...

— Куда ты уволишься, дура!?

Он еще минут десять метал громы и молнии, Майка только плакала, вздрагивая. Потом успокоился, подошел, сел рядом, погладил ее по голове:

— Бедная ты девочка, любишь его, подонка, защищаешь... И откуда ж на твою голову эти два мерзавца свалились. Всю жизнь тебе перекурочили.

Майка совсем расплзлась, заревела в голос и уткнулась ему в плечо.

— Ну полно, полно. Нечего плакать. Что делать-то будешь? С ребенком, я имею в виду.

Над этим Сухова думала постоянно. Ребенок перечеркивал все ее планы на будущее, но убить его рука не поднималась.

— Не знаю...

— Эх, ты... Не знаю... Работай пока, как работала, а там... Придумаем чего-нибудь.

— Спасибо Вам, Глеб Давыдович, я не знаю, как бы я...

— Молчи уж.

— За что только Вы мне помогаете, от меня одни проблемы, — Майка всхлипнула.

Кожин посмотрел на нее, тяжело вздохнул, потом сказал:

— Была у меня сестренка младшая. Верка. На тебя очень была похожа.

В другое время Майя не стала бы спрашивать, но сейчас был момент откровенности, и потому она все-таки решилась:

— А почему была?

— А потому. Потому что она покончила с собой. Тоже, как у тебя, Сухова, любовь несчастная. Он ее беременную бросил, а она... — Кожин отвернулся, — Так что девочка, помогая тебе, я надеюсь... нет... я хочу...

Глеб Давыдович махнул рукой, отвернулся к окну, помолчал немного, словно собираясь с силами, потом продолжил:

— Она поздний ребенок была, на пятнадцать лет меня младше. Родители в ней души не чаяли, берегли, баловали. Она как ты была, тоненькая, стройная, глазки огромные, черные, только волосы темные. Смеялась, как колокольчик... Доверчивая была, не знала, какие люди подлые бывают... — он тяжело вздохнул и покачал головой, глаза его странно заблестели, потом сделал бессильный жест рукой, — Если бы я тогда обратил на нее внимание, если бы не был занят только собой и работой своей... Считай, Сухова, что я совесть нечистую успокаиваю.

— Не надо так, Глеб Давыдович...

— Ладно, иди, давай. Приведи себя в порядок и не дури. Родители знают?

Майя покачала головой. Скоро мама придет, что она ей скажет? А отцу... Снова стало горько, страшно и обидно. Она закрыла лицо руками, словно желая спрятаться от неприятного, но неизбежного. Потом собралась, даже смогла улыбнуться и пойти работать дальше.

Дома в одиночестве Майя могла обдумывать все долго, благо никто торопить не станет. Некому. До приезда родителей она совершенно одна.

Да, будут ее осуждать, сплетничать, мол, без мужа родила. Да и Бог с ними. Поговорят и перестанут. Не сможет в аспирантуру поступить, ну не судьба, значит. Так свет клином на этом не сошелся, будет работать, выкарабкается. Хорошо, родители на пенсии, но не бедствуют, всю жизнь на севере проработали, ее старшая сестра, почитай, вырастила. Помощь будет.

Майя убеждала себя, стараясь победить страх перед будущим и постоянную тревогу, которая не оставляла ее ни на минуту. Страх перед всеобщим осуждением, страх оказаться изгоем, без средств к существованию и без поддержки, изматывал ее. Девушка надеялась, что родные смогут ее понять и не откажутся от нее. Одно она знала твердо, почему-то совершенно не сомневалась, она не простит себя, если убьет этого ребенка. А значит, и выбора у нее нет.

Майя погладила свой плоский пока еще живот и пробормотала:

— Только вот кто ты, мальчик или девочка? А впрочем, какая разница. Надо нам с тобой побольше витаминов кушать. Да? И воздухом дышать.

И так легко стало, стоило принять решение. Не важно, как оно сложится, главное, что их теперь двое. Что она не будет одна, что нужна этому крохотному существу, которое еще и человеком-то не называется, но уже растет в ней себе потихоньку. Слава Богу, у нее и правда будет новая жизнь. А что трудно будет... Майка усмехнулась:

— Пробьемся.

У нее все получится, она пройдет этот путь до конца. Она же сильная, особенно теперь, когда есть для кого жить. Если вдуматься, странно и даже фатально, они расстались навсегда, Владька от нее отказался, уехал, но, сам того не ведая, оставил ей частицу себя. Да какую частицу!

Разумеется, жизнь матери одиночки не сахар. Майя Сухова убедилась в этом сразу. Родители приехали, пришлось покаяться. Были в шоке, чего уж говорить, от нее такого не ждали, но делать нечего, поняли и приняли. А куда ж деваться? Соседи будут судачить, и черт с ними, с соседями!

В Универе, как только стало заметно, что она в положении, да без мужа, отношение к ней тут же переменялось. Ее сторонились, шушукались за спиной, неприязненно смотрели. Парни, которые раньше были сама любезность, теперь позволяли себе сальные взгляды и шуточки. Но не все, конечно. Были даже неожиданные моменты. Один из старшекурсников, Мошкин Петр, взрослый уже мужик, здоровый как медведь, как-то отвел ее в сторонку и прямо, без лишних слов предложил ей выйти за него замуж. А на вопрос, зачем ему это, ответил:

— Я же вижу, Сухова, что ты за человек, не первый день за тобой наблюдаю. Нравишься ты мне очень. А что ребеночек будет, не страшно. Я люблю детей.

Майка даже прослезилась.

— Спасибо тебе, Мошкин, хороший ты, добрый. Дай тебе Бог счастья. Но не могу я так. Прости.

На том и закончилось. Замуж ее больше никто не звал. Зато сплетни она о себе узнавала, только держись.

Она была подстилкой Беспольского. Нет, Марченкова. Нет, Марченкова и Беспольского вместе. Нет, всей группы, впрочем, чего мелочиться, на всем факультете вряд ли остался кто-нибудь, с кем она не переспала. И вообще, оказывается, она была подстилкой Кожина, за это он ее на кафедру и взял. И ребенок от него, точно. То, что Кожину за семьдесят, и он ей в дедушки годится, никого не смущало.

Эххх... Сначала, готова была сквозь землю провалиться, а потом Майка на все это махнула рукой. Ну говорят, ну неприятно. Что ж теперь, застрелиться и не жить? Плевать. Ходила себе потихоньку, на разговоры за спиной не обращала внимания, хотя, иногда, конечно, доводили до слез. Народ у нас добросердечный, знает, как сказать, чтобы больнее было.

Ребенок родился в сентябре. Мальчик, крупненький, здоровенький, слава Богу. Крикун. Назвала Его Майка Сережей, а отчество и фамилию взяли папину. Так и получился Сергей Михайлович Сухов.

И ведь что поразительно. Сколько Сухову народ осуждал, кости ей перемывал, пока она беременная ходила. А стоило ребеночку родиться, так все потянулись помогать. Добросердечный у нас народ, потому что.

Родители помогли, даже сестра на неделю приехала из Владимира, поглядеть на племянника. Соседские бабули с удовольствием помогали за малышом присматривать, им то что, все равно на лавочке сидят. И в Универе тоже отнеслись с пониманием, даже с заботой, и уже не только Глеб Давыдович ей помогал, а все, почитай, кто хоть что-нибудь мог сделать. Так что Майка все-таки смогла поступить в аспирантуру, не в этот год, но в следующий.

А маленький Сережка рос. Забавный такой, медвежонок, ножки, ручки крупные,

сильный. Весь в папку. Только про отца его Майя старалась не вспоминать, ни к чему это. Когда малыш начал спрашивать, почему у всех папы есть, а у него нету, отвечала, что, во-первых, папы есть не у всех, а во-вторых, что папа уехал далеко и вернуться к ним не может. Незачем в ребенке ненужные надежды взращивать.

Да и больно было вспоминать. Так, в укромном уголке сердца хранились тайные воспоминания, как неприкосновенный запас, который и трогать нельзя, и выбросить нельзя.

Разве может женщина забыть свою первую и единственную любовь?

Страна наша менялась, судорожными скачками продвигаясь от «развитого социализма» к «дикому капитализму и рыночной демократии». Жить было тяжело, чем только не деньги зарабатывали... Но все можно пережить и перетерпеть, если есть, для кого жить и о ком заботиться.

Работу свою на кафедре Майя не бросала, даже карьеру сделала. А вот замуж она не вышла, и романов не крутила ни с кем. Хватило с лихвой того, что было когда-то. Конечно, были нормальные мужики, но, во-первых, никому она не верила, а во-вторых, никого не хотела.

Прошло двадцать лет.

С момента окончания института прошло двадцать лет. На дворе стоял 2005, хороший год. Майя Михайловна Сухова теперь была доцентом и замдекана на той самой кафедре, где и начинала лаборанткой когда-то, двадцать лет назад. Сыну Сереже было девятнадцать, здоровенный лоб, настоящий мужик, и учился он, естественно, на мехмате. Грозная мама требовала с него еще больше чем с остальных, руководствуясь принципом:

— Я слишком тебя люблю, для того, чтобы щадить.

Но парень оправдывал великие мамины надежды, учился хорошо.

Девчонок... Нет, она же не злая ведьма какая-нибудь. Бесили, конечно, когда домой звонили, но она не гоняла его подружек. Их было не так уж и много, и они были воспитанные, чересчур нагло в жизнь парня не лезли.

Жизнь, можно сказать, теперь налажена, все шло хорошо, очень хорошо.

Время пощадило Майю Сухову, сохранив ее неяркую, но нежную красоту, стройность и хорошее здоровье. Она напоминала бледно-розовую осеннюю розу, пощаженную заморозками, что радует глаз среди облетевшей листвы в пустом саду, напоминая о весне. О той весне, что прошла, и о той, что еще вернется.

Жизнь Беспольского с Марченковым тоже потрепала за прошедшие двадцать лет. Их судьба была немного разной, но оба кое-чего достигли. Если не расписывать в мелочах моменты их биографии и разнообразные тонкости мироустройства и специфические особенности проживания, в общем и целом, все сложилось следующим образом.

Алик Беспольский шел к цели не сворачивая, медленно, мучительно преодолевая многочисленные барьеры, и таки дошел. Надо отдать должное Нелли, она все эти годы буквально тащила его за уши в том смысле, что всячески помогала и мотивировала, не позволяла опустить руки и сдаться, потому что у него бывали моменты слабости. Правда, ее нельзя было бы назвать его «музой», скорее уж соратником по борьбе, а иногда и командиром. Но зато она добилась. Теперь у них была своя фирма по продаже компьютерной техники, неплохой доход и приличное положение. В личной жизни они были

стабильной парой, не разменивались на ничего не значащие увлечения на стороне.

Были некоторые моменты, о которых Беспольский никогда никому не рассказывал. Но то были настолько личные, интимные вещи, касающиеся его душевного устройства, что, в общем-то, никого не интересовали. Просто ему стало ясно все, касающееся низменных потребностей.

То, что было тогда с Майей, он теперь мог бы назвать «припасть к святому источнику». Дело в том, Майка Сухова никогда не была рассудочной и меркантильной, ее чувства и эмоции были настоящие. Тогда он пользовался ею, «пил» ее, утоляя свою жажду. Он знал, что девушка его не любила, но даже те крохи чувств, что ему удавалась вырывать у нее хитростью, доставляли ему невыразимое наслаждение. Беспольский тогда приписывал это пьянящее чувство интриге, пикантности ситуации, чему угодно.

А теперь «пили» его. Теперь его пользовали, не любя, но с удовольствием, и то, что он делал, он сам иначе, чем удовлетворением низменных потребностей назвать не мог. И вспоминал он Маечку Сухову часто, каждый раз, когда ложился со своей Нелькой в постель.

Странно, как меняет нас воспитание чувств, которое мы получаем под влиянием жизни. Надо было, чтобы прошло столько лет, чтобы все стало невероятно далеким и недостижимым, чтобы понять, что то была любовь. И не просто так он на нее тогда глаз положил, не ради мнимого блага Владьки Марченкова. А потому что любил и хотел для себя, но не понял ценности, как впрочем, и любви своей не узнал и не понял.

Беспольский сохранил семью, у них родилась дочь, которую хотел бы назвать Майей, но не посмел. Нелли назвала ее в честь своей матери Эммой.

Совсем иначе сложилось у Влада Марченкова. Его судьбы бросала в разные стороны, собственно, он сам метался. Начнем с того, что его Роксана, будучи дамой смелой, независимой и любвеобильной, устала сидеть рядом со своим неудачником мужем и стала менять любовников. На что он закатил ей скандал. Тогда она ему вполне популярно объяснила, что он здесь никто и звать его никак, так что пусть сидит и молчит в тряпочку.

В тот же день Владислав ушел из дома. Бомжевал, ночевал в немислимых местах, какое-то время жил у разных шлюх, которые по очереди соглашались приютить его за то, что... ну понятно за что, альфонсом бывать случалось. Алик пытался ему помогать деньгами как мог, но то была капля в море. Влад влипал в невероятные, иногда опасные ситуации и ничего не боялся, свято веря в свою удачу, как будто Майкино благословение должно было охранять его везде. И ведь странное дело, ничего такого с ним не случалось, всегда выходил сухим из воды. Потом стал гонять грузы. В общем, по истечению стольких лет у него было неплохое финансовое положение и процветающая фирма по грузоперевозкам.

В плане личном Марченков тоже вел достаточно бурную жизнь. Женился еще два раза и оба раза развелся. Детей у Марченкова ни от одной из трех его бывших жен не было. У него вообще было странное ощущение, что главный приз ждет его впереди. Он менял женщин, искал в них что-то, сам не знал что, но так и не нашел, и не привязался ни к кому. Можно сказать, что его воспитание чувств странно затянулось, и так и не закончилось. Словно основные испытания, отмеренные ему судьбой, еще только предстоят. Майку Сухову почти не вспоминал, разве когда провернет что-нибудь удачно, ну, мысль всплывет про нее и исчезнет.

Если подвести итог двадцати годам их жизни в Штатах, то, опуская подробности, можно сказать, что при отсутствии стартового капитала, оба очень неплохо поднялись. Они поддерживали хорошие отношения, правда, со временем стали встречаться довольно редко,

особенно в последние годы.

На дворе стоял 2005, хороший год. Периодически наблюдая за новостями, а также делая некоторые выводы, Владислав Марченков в один прекрасный день решил попробовать вернуться в Россию. Не насовсем пока что, на время, а там, как жизнь покажет. Пожил он в Америке, все вроде бы неплохо, но домой тянет, что ни говори. С теми деньгами, что у него были, теперь можно неплохо развернуться. А поскольку спрашивать разрешение ему ни у кого не требовалось, решил — сделал.

Когда Беспольский узнал, что Марченков возвращается, приехал к нему попрощаться. Один, без Нелли. Это касалось только их двоих, личное, дружеское. Они не виделись уже больше трех лет. Владька был поражен, как изменился за это время Алик. И когда только он успел брюхо отрастить? Вот уж никогда не поверил бы, что этот тощий парень растолстеет, за удочку мог бы спрятаться, а вот поди ж ты... Лысеть начал, очки на носу. Но выглядит еще очень и очень представительно, правда того лоска уже нет, и в глазах усталость. Но ее не увидишь, если не знаешь, каким этот парень был раньше. Влад вспомнил, каким изысканным, остроумным и интеллектуальным красавцем был Алешка Беспольский в студенческие годы, и почему-то ему стало грустно.

А вот Марченков неплохо выглядел, высокий, крепкий, не жирный, стройности юношеской в нем, конечно, не было, но если честно, ее у него и в молодости особо не было. Он всегда был таким. Волосы на месте, поседел виски, правда, и морщинки появились вокруг глаз, так ведь не мальчик уже. Взгляд немного подрастерял веселье, но оставался ясным, живым и хищным. В общем, интересный мужик, что и говорить.

Сидели всю ночь, вспоминали разное. Под конец Алик, глядя в свой бокал, все-таки сказал то, что у него вертелось на языке с самого начала:

— Будешь дома, передай Майке...

— Чего?

— Передай...

— Ну?

— Ничего. Привет передай.

— Хорошо. Не вопрос, я так и собирался.

Алик резко вскинул на него взгляд, его друг был весел, спокоен и равнодушен. Беспольский опустил глаза и тяжело вздохнул. Домой все-таки хочется, если бы еще можно было вернуться в прошлое и что-то в нем изменить...

Родина встретила Владислава Марченкова множеством перемен, которые его и огорчили и порадовали. Города своей юности он в первый момент почти не узнал, так сильно все изменилось. Но это только на первый взгляд, а потом постепенно память стала выхватывать привычные кусочки, уцелевшие из прошлого. Вот там была пивная, и странное дело, там до сих пор и стоит, а здесь сквер был, у больницы. Больница вся обшарпанная, стены облупились, но сквер есть, деревья даже вроде выше стали. Бродил целый вечер, вспоминал.

Навестил родителей, они, слава Богу, были живы, прошелся по родственникам, заглянул родным Беспольского. Тот своих родителей давно вывез, тетка оставалась с мужем, племянники. Ох, его персона столько ажиотажа вызвала, на него разные дамочки с нескрываемым аппетитом пялились. Не совсем приятно было то, что почти у всех он вызывал в основном меркантильный интерес. Еще бы, мужик при бабках, не старый, всего сорок три года, холостой, американское гражданство! Очень перспективный жених.

Сам Марченков собирался открыть в России бизнес. Может быть, торговать лесом, собирался съездить в Архангельскую область, на Урал, в Сибирь. Осмотреться. А там выбрать, чем заняться. Но вот чего-чего, а жениться ему уж точно не хотелось. Насмотрелся он на эту семейную жизнь, устал, нет нигде покоя, везде все не так, везде чего-то не хватает. Как будто он неприкаянный какой-то.

В общем, повертелся насколько дней, потом взял билет до Архангельска, а накануне вечером решил зайти навестить Майку Сухову. Разумеется, он не был уверен, что она по-прежнему там живет, где он помнил, но, а вдруг? Не знал он, жива ли Майка вообще, замужем ли, может, уехала. Просто решил зайти. Вспомнил, как тогда, в последний день перед отъездом заходил к ней на удачу. Нахлынуло тепло из прошлого, вызывая улыбку. Ну, если она замужем, просто навестит, передаст от Беспольского привет, а если нет, то может ему повезет, и они снова... Влад облизнулся и тихонько хохотнул:

— На удачу...

В отличие от центра, район тот особо не изменился. Влад достаточно легко нашел дорогу. Вот он, ее дом, все по-старому, и сквер перед домом, скамейки, и малолетки сидят на качелях. Фонари горят. Как будто и не было этих двадцати лет. Странно, но он испытывал непонятное волнение. Новая дверь в подъезде, и как теперь быть? Марченков помнил код замка в подъезде, набрал. Надо же, и дверь сменилась и век, а все равно ничего не изменилось. Зашел, поднялся на четвертый этаж, позвонил. Дверь открыл какой-то парень, показавшийся ему смутно знакомым. Они несколько мгновений смотрели друг на друга с легким недоумением, потом парень спросил:

— Вам кого?

— Майю Сухову, если не трудно.

Из-за ног парня плавно вырулил огромный жирный и невероятно пушистый рыжий перс. Странно знакомый парень пожал плечами и позвал, отворачиваясь:

— Ма! К тебе пришли.

Потом взглянул повелительно на кота и цыкнул:

— Уйди Василис.

Кот отреагировал с царственным презрением, неприязненно покосился на гостя и, с

нажимом проведя толстым хвостом по ногам парня, исчез.

— Кто? — донеслось из кухни вместе с запахом жарившихся котлет, от которого у Марченкова закружилась голова, и встал ком в груди.

— Вы кто? — парень спросил с сомнением, и даже как-то подозрительно оглядывая Марченкова.

Тот не смог сразу ответить от внезапного стиснувшего горло волнения, пришлось прокашляться:

— Влад... Марченков.

— Мама! Говорит Марченков Влад!

Но Майя уже пришла из кухни и теперь смотрела на Влада холодными равнодушными глазами. Она почти не изменилась. У мужчины сердце заколотилось, подался вперед, сказать ей что-то, но женщина повернулась к сыну и, со словами:

— Вы ошиблись, извините, я вас не знаю, — закрыла перед его носом дверь.

Он так и остался стоять перед закрытой дверью как дурак.

Ошибки быть не могло. Это она, и она не захотела с ним разговаривать. А еще он вдруг понял, где мог видеть этого рослого и крепкого темноволосого парня, ее сына. В зеркале. Он мог видеть его в зеркале, лет двадцать назад. Потому что парень был на него ну очень похож. В какой-то прострации спустился вниз, вышел из подъезда и присел на скамейку в сквере напротив ее дома.

Вот это да. Вот новость...

Майя была поражена. Разум отказывался верить тому, что видели глаза и слышали уши. Ушла в кухню, уставилась в окно, стараясь прийти в себя, дышала глубоко. Первая паническая реакция прошла. Взгляд сфокусировался на фигуре мужчины, сидящего на скамейке перед домом.

Она смотрела на него из окна, стараясь во что бы то ни стало подавить все то, что пыталось всплыть в ее душе. Подошел Сережа, глянул.

— Какой-то странный мужик. Откуда он тебя знает, мам?

Женщина пожала плечами, голоса не было. Взять себя в руки надо, нечего расползаться, тем более, перед сыном. Майя отошла от окна, откашлялась, позвала:

— Иди кушать, Сережа.

После ужина помыла посуду, убралась. Взяла Василису на руки, присела на диван. Кота этого она взяла пушистеньким рыжим комочком, когда Сереже исполнилось семь лет, в подарок ему на день рождения. Долго не могли определиться, как назвать Васькой и Лисом, так и называли Василис. Слушался только маму Майю, Сережу считал существом неразумным и явно стоящим ниже его по положению, что не мешало мальчику гонять нахального перса и ставить его на место. Впрочем, со временем они подружились, и перс даже иногда давал ему ценные советы, когда надо выспаться, что следует предпочитать в еде, где лучшее место на диване и т. д. Сейчас Василису было двенадцать лет и он, можно сказать, был кот в законе. Испытывал уважение и относился с трепетной любовью он только к хозяйке. Возможно, за котлеты? Ах, не верьте сплетням о котях, они не так меркантильны, чтобы видеть в нас только источник бесплатной еды, они нас любят, по-своему, по-кошачьи. И чувствуют, когда нам плохо, когда мы в смятении.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кот смотрел на Майю умными, человеческими глазами, словно заглядывал в душу:

— Что будешь с этим делать, хозяйка?

— А что бы делал ты?

— Прости, дорогая, но я холостяк, детей у меня твоими стараниями быть не может. Так что посоветовать, увы, ничего не могу. Тебе придется решать самой.

Василис тяжело вздохнул, потерся толстой пушистой мордой о ее руку и перетек на свое любимое место на диване рядом с хозяйкой.

Майя не выдержала, и все-таки подошла к окну. Он так и сидел на скамейке.

Вернулся... Какого черта ему надо?! Так странно... Сердце заходится.

Но нет! Ему теперь нет места теперь в ее жизни. В их с Сережей жизни. Пусть катится туда, откуда пришел. Еще бы сердце дурацкое успокоить, чтобы не выпрыгивало из груди. И страшно почему-то...

Вот это был шок, так шок.

Он еще долго сидел на скамейке, пока не наступила ночь. До него медленно и неуклонно доходило, и по мере осмысления все запутывалось еще больше. Никуда он завтра не поедет. Ему надо понять... Разобраться. Что тут было, почему... Черт! Черт! Черт! У него взрослый сын? Его сын?! А он... ни сном, ни духом... Сын...? Муська... Муська...

Мужчина не знал, что думать, что чувствовать, он был оглушен, раздавлен и в то же время поражен и возвеличен тем, что узнал. До этого он все время летел по жизни, правда, сам толком не знал куда, а сейчас его словно сбили. И это чувство падения в неизвестность было новым и пугающим. Одно понял, что ему обязательно надо найти сюда путь, иначе... Он не знал, что иначе, просто нельзя иначе.

Сын...

У него. Есть. Взрослый. Сын...?

Какой может быть после подобных открытий здоровый сон?

Ни она, ни он почти не стали этой ночью.

Фактор внезапности прошел, и Майя с досадой поняла, что просто так Влад не уберется, особенно теперь. Рано или поздно придется с ним встретиться. Но ей не хотелось, причем не просто не хотелось, не хотелось категорически! Ни видеть его, ни разговаривать. Плохо, что он увидел Сережу, это было лишнее. В душе бродил коктейль из сплошного негатива и раздражения, и только в самой глубине таилась маленькая кромольная мыслишка:

— А он почти не постарел... Почти такой же, как тогда...

Но эту глупую бабью мысль Майя старалась задавить в зародыше.

Кот, спавший в ногах у хозяйки, в который раз изобразил мученическое пыхтение, тонко намекая, что не плохо было бы перестать вертеться и уже спать. Но, видя, что мама Майя никак не заснет, бросил на нее укоризненный взгляд и ушел на коврик в кухню. А мама Майя переживала. За себя, за сына, за все. Что этот тип предпримет, как это может отразиться на их с Сережей жизни? Принес же его черт!

Вообще-то, ей было, что сказать Марченкову, и это было одно короткое слово НЕТ. Если бы она могла написать его на плакате, буквы были бы размером с пятиэтажный дом. И все равно, тревога не оставляла ее.

Как же все не вовремя...

Влад Марченков не спал, мысли вертелись как заведенные.

Мужчина был уверен, что парень его сын. Слишком похож. Но вопросов, сколько вопросов. Сколько разных почему всплыло в его мыслях. И все они были связаны с тем, что произошло тогда, двадцать лет назад. Почему...

Почему она плакала из-за него, если любила Алика? Почему она его поцеловала? Почему ему мозги смыло тогда, почему та их единственная близость снесла ему все мысли в голове как цунами? Почему он даже не удосужился оглянуться и хоть попрощаться с ней по-человечески? Почему он оставил ее в прошлом, как старую тряпку?! Черт бы его побрал!! Он же не ребенок, знал, что от этого бывают дети! Почему не вспомнил ни разу, не поинтересовался?! Почему...

У Майки сын от него... Он еще не осознал толком того, что узнал, но жизнь его теперь должна была круто измениться. Внутри что-то дрожало от неведомого доселе чувства. От смеси гордости и восхищения, благодарности, а еще запоздалого раскаяния и стыда. Влад редко задумывался над тем, как живет, просто плыл по течению, ловил свою удачу. Поступал, как было удобно, но сейчас, если бы он умел молиться, он бы на коленях просил у Бога прощения за всю свою беспутную и бестолковую жизнь, благодарил бы за тот дар, о котором он и не догадывался. Оставалось только просить дать ему еще один шанс, ибо он нашел, наконец, то самое, чего так не хватало ему в жизни.

Но как же ему пробиться через стену отчуждения, которую выстроила женщина, у которой от него, оказывается, есть сын. Майя обижена, это и понятно, по всему выходит, что он кругом перед ней виноват. Влад теперь по-новому воспринимал то, чего никогда не хотел замечать раньше, осознавая, что был слеп и беззащитно пользовался ею, не задумываясь о ее чувствах.

Как быть, действовать надо, а как?

Сомнения оставались. Он не хотел даже думать, но все-таки... Вдруг это не его ребенок и он сам все придумал. Вот это будет еще больнее...

Надо узнать... Замужем она или нет, где работает, все про нее. И про этого парня, так похожего на него в молодости. Про него надо узнать все.

Ночь прошла в раздумьях, к утру у него был слабый, но хоть какой-то план.

А далеко, на том конце света не спалось Алику Беспольскому.

С тех самых пор, как он узнал, что Марченков едет в Россию, какая-то грызущая тоска поселилась в груди, днем он заглушал ее работой, семейными делами, чем придется, но по ночам тоска возвращалась. Пока его друг не собрался на родину, это чувство вины перед девушкой, с которой он обошелся когда-то как бессердечный подонок, постоянно присутствовало на периферии, но было далеким, потому что он не видел возможности что либо исправить. А теперь ему стало казаться очень важным, выпросить у Майки прощения за все. За то, что обманул, манипулировал, что использовал, что предал, что любил сам и не понял главного. За все.

Вроде и умирать еще не собирался, а камень с души снять хотелось. Владька поехал домой, и Алика потянуло тоже.

Марченков решил не соваться пока к Майе, раз она не хочет его видеть, а начать собирать сведения со стороны. Где бы можно было получить исчерпывающие сведения о человеке? Известно где, прежде всего у соседей, потом, конечно, есть общие знакомые, но с этим уже сложнее, потому что за двадцать лет связи подрастерялись, интернет и, в последнюю очередь, милиция. Вот с соседей и следует начинать. Заодно и мысли привести в порядок. Пока ехал, все перебирал в голове варианты, но ни один не казался ему верным, вертелось что-то на краю сознания и никак не оформлялось ни во что внятное. Такое ощущение, что мысли накатываются на проблему как волны на скалистый утес, с остервенением, но бесцельно.

Появившись днем у дома Майи Суховой с целью узнать о ней по возможности все, Марченков узнал, но, в основном, про себя. Не удивительно, когда он стал задавать вопросы стайке подростков, его быстренько определили в подозрительные типы с преступными намерениями, вокруг скопились бабуси, и началось. Педофил, это раз, американский шпиён, это два (акцент у него, видите ли), извращенец, это три, террорист, это четыре. Было бы еще много других пунктов, а потом бы и милицию вызвали, но он таки успел вставить словечко. Успел сказать, что пришел узнать что-нибудь про свою бывшую однокурсницу, мол, уехал двадцать лет назад, а сейчас вот навещает всех, с кем когда-то учился. Бабки не сразу, но смягчились. Одна из них пошла на контакт:

— Так зачем, тебе, милоч, Майка-то?

— Ээээ, я Майю Михайловну навестить хочу, ей родственники передать кое-что просили.

— Не брешь. Ее родственники тебе ничего не поручали, — суровый взгляд из-под бровей.

Марченков замялся, видя, что его вычислили, понял, что юлить не надо:

— Мне очень нужно ее видеть.

— А ты сиди здесь. Вот с работы придет, и увидишь.

— Простите, но я тороплюсь очень. Вы не знаете, случайно, где она работает?

— Почему же не знаю?

— Может быть, Вы мне скажете, я бы там ее нашел... — сам себе он напоминал охотничью собаку, взявшую след. Надо было еще бабку не спугнуть, он старательно улыбался самой располагающей улыбкой.

Бабуля скользнула по нему взглядом и сказала:

— Я помню тебя.

Тут он слегка обомлел, но быстро нашелся:

— Вот видите, скажите, где мне найти...

— Я помню тебя, и ты мне не нравишься. Но это Майке решать... — старая женщина вздохнула, — Будь моя воля, я б тебя на пушечный выстрел не подпустила. Черт с тобой... Она в NN... Университете работает.

— Спасибо! Спасибо Вам! Спасибо... — Влад был готов расцеловать бабулю.

— Иди уже... Да смотри...

Она пристально посмотрела Марченкову в глаза и выдала напоследок:

— Не нагадь ей в душу снова...

Оттуда он понесся в родной Универ.

Там тоже достаточно долго пришлось объяснять кто он, зачем ему в здание нужно попасть, зачем видеть Сухову Майю Михайловну. В общем, пропустили кое-как в административную часть, и то, после получаса уговоров. В старом добром, огромном холле висели доски с разнообразнейшей информацией, в том числе и список сотрудников. Влад стал искать снизу и, честно говоря, был поражен, обнаружив на родной кафедре мехмата против ее имени — 'доцент, Заместитель декана по математико-экономической специализации'.

— Хмммм... И кто бы мог подумать, что из нас троих одна Майка в науку подается... И ведь каких успехов добилась, — Влад был честен сам с собой, его это несколько кольнуло. Потому как они с Алькой в этом плане ничего не достигли, мало того, что знали и то порастеряли. Спроси его теперь что-нибудь, опозорится да и только...

И тут он увидел в коридоре парня, которого уже привык считать своим сыном. Быстро, однако, привык.

Группа студентов, идут куда-то, весело переговариваются, пересмеиваются... Сердце защемило, когда-то и они так... Это был великий шанс, он просто должен был подойти:

— Здравствуйте, простите молодой человек, не уделите мне пару минут?

Сереза хотел пройти мимо, но воспитание не позволило:

— Слушаю вас.

— Позвольте представиться, я Марченков Владислав Игоревич, — тут он стал судорожно перебирать в голове, как бы не спугнуть парня, — Я, знаете ли, учился здесь, на мехмате, 20 лет назад и...

— Простите, чему обязан? У меня мало времени... — Сереза начал раздражаться сам не понял почему.

— Я Вас не задержу. Так, простите, Вы здесь учитесь?

— Да.

— А на каком факультете?

— На мехмате.

— Не могли бы назвать Ваше имя?

— Зачем вам?

— Ну, я же представился, — Марченков смог изобразить официальную улыбку и сознательно усилил акцент, — просто вежливость.

— Ладно, мое имя Сергей.

— А дальше? Поверьте, мною движет не праздный интерес, — мужчина слегка поклонился, а вот вторую часть фразы вслух произносить не стал, — Еще бы, знал бы ты, малыш, что мной движет!

— Сухов Сергей Михайлович.

— А вы не родственник Майе Михайловне Суховой?

— Это моя мама. Говорите что хотели, у меня действительно очень мало времени.

Множество мыслей пронеслось в голове Марченкова. Мехмат... Почему Михайлович, почему Сухов? Впрочем, почему Сухов может быть несколько версий, как бы узнать точнее, бывает же, что выходят замуж за однофамильца...

— А сколько Вам лет?

Молодой человек смерил его тяжелым взглядом и просто пошел дальше, бормоча что-то про ненормальных типов, которым делать нечего. Марченков остался стоять, глядя ему

вслед, испытывая странное удовлетворение оттого, что парень, выражаясь по-простому, его послал. Хороший парень, молодец Майка. Таким сыном можно только гордиться.

Придя в себя, он вздохнул, ну что ж узнал он немало. Теперь надо вернуться к той бабуле. Вытянуть у нее еще немножечко.

Метнулся к ней домой. Как назло, никаких бабушек на скамейках в сквере не наблюдалось. Марченкову не оставалось ничего другого, как присесть самому и, чтобы время даром не терять, полезть в Интернет. Он собирался выяснить все, что удастся про мехмат. Расписание, списки групп, в каком здании какие предметы. Все, что сможет найти. Так увлекся, что даже не заметил, как наступил вечер. Хорошо, что не холодно, середина мая. Случайно поднял голову... Заколотилось сердце, мужчина почувствовал себя как подросток, застигнутый на месте преступления. По улице к дому шла Майя, и смотрела она прямо на него.

Майя постоянно думала сегодня о своей жизни, о нем, обо всем. Ей, конечно, иногда бывало тошно и одиноко, но это лишь в моменты слабости и жалости к себе. Просто жизнь многому научила, в том числе и тому, что преданных друзей бывает раз-два и обчелся. Неизвестно, может, будь она другим человеком, было все по-другому. Вон, многие из ее знакомых женщин имеют широкий круг общения, часто собираются большими компаниями, вечно о чем-то секретничают, таинственно обсуждая свои великие женские дела. Майя Сухова никогда особо с девчонками не дружила, а потом уж тем более. Да и в свое время много настрадалась от мелкой подлости тех, кто называл себя ее подружками. Они сначала гнуснейшие сплетни о ней пересказывали всем, кому не лень, а потом еще норовили подстроить гадость из ревности. Майя многим мужчинам нравилась, пусть и с ребенком. А чего стоили интриги на работе... С мужиками проще. Только не надо подпускать их к себе слишком близко, чтобы не обжечься снова.

Так уж вышло, что те, кого она считала верными друзьями, предали ее в первую очередь. Про любовь можно вообще не вспоминать, здесь ее просто растоптали. И потому, положив руку на сердце, теперь она считала своим другом покойного Глеба Давыдовича, соседскую бабушку Дину, одинокую интеллигентную старушку, да еще Филиппа, коллегу с факультета, странного мужика, молодого еще, но с замашками столетнего деда. Бывают такие, старички с детства, хилые книжные черви, женатые на науке, но душа у них прекрасная, если они пустят вас себе в душу.

В общем, занималась обычными делами, весь день старалась привести мысли в порядок, но никак не выходило отвлечься, мучило предчувствие. Ну, как говорится, 'предчувствия меня не обманули'. Вон, на скамейке сидит собственной персоной. Когда увидела его, первая реакция была развернуться и бежать, пока он ее не заметил. Потом подумала, что бегать она никуда не будет, ей нечего бояться. Собрала волю в кулак и пошла вперед, надеясь втайне, что Влад ее не заметит, он очень сосредоточенно что-то выискивал в своем смартфоне.

Разумеется, он ее заметил, Майя обратила внимание, вид у него был крайне растерянный.

— Тоже неловко себя чувствует, — невесело подумалось ей.

А Влад поборол волнение и подошел. Некоторое время они просто молчали, потом он проговорил:

— Здравствуй Майя. Только не надо говорить, что ты меня не знаешь.

— Здравствуй Влад.

— Удели мне немного времени. Прошу.

Майя посмотрела на него, прищурившись и склонив голову набок.

— Ты ведь не отстанешь...

— Прости, но нет, — покачал головой мужчина.

— Что ж, — она пожала плечами, — Здесь поблизости есть кафе. Там можно поговорить.

Он промолчал и сделал жест рукой, пропуская ее вперед. По настроению женщины понял, что хорошего разговора не выйдет, но хоть какой-нибудь. Им надо поговорить.

Присели за столик, сделали заказ, она не захотела себе ничего, Влад с трудом уговорил ее на чашечку кофе. Майя начала неприятный разговор первой:

— Что ты хотел, Влад?

— Ну почему сразу так. Я просто хотел повидаться...

— Отлично. Повидался?

— Нет, черт возьми! Майя, мы же были друзьями, Муся...

— Муся умерла.

— Что...? — не поверил своим ушам Владик.

— Владик, я сейчас скажу тебе кое-что, а ты послушаешь.

Мужчина пытался возразить, но она прервала его:

— Или я просто уйду.

— Слушаю.

— Ты, наверное, понял, что я не хочу с тобой общаться?

— Как не понять... — тон у мужчины был обиженный.

— Это происходит не по злобе душевной, Влад, и не от обиды. Я не обижена на тебя, если ты это хотел знать. Но, — голос у Майи был ровный, негромкий и очень спокойный.

— Послушай...

Она снова остановила его.

— Но. Я делаю это из чувства самосохранения. Видишь ли, ты ведь совершенно не интересовался мной, никогда. Я просто сама была с тобой рядом, старалась быть полезной... ну, в общем... Старалась. Но ведь, по большому счету, я была тебе не нужна, ты просто терпел меня рядом и звал Муськой, — она усмехнулась, — И Муська была этому рада. До тех пор, пока не выросла.

Тут Майя посмотрела ему в глаза и продолжила:

— Я ведь любила тебя, Марченков. Всегда любила.

Он задохнулся, открыв рот, желая высказать что-то, но слов не было. А она заговорила снова:

— Да, я выросла, стала нравиться другим, даже Алику, но только не тебе, ты по-прежнему мной совершенно не интересовался. Ты был для меня всем миром... Вот только я для тебя была всего лишь талисманом, приносящим удачу, — Майя мрачно усмехнулась, — 'Ангел, приносящий удачу', так меня Беспольский называл. А я, глупая, любила тебя. Да, очень все было глупо, что ж поделаешь... Муське тогда было больно, но ты не замечал никогда, что Муське больно. Думаешь, почему я тогда ушла с Аликом? Смешно... Хотела, чтобы ты ревновал. Ты всерьез думал, что у нас любовь? Кстати, спроси потом у Алика... про меня, про тебя, про нас с ним, пусть тебе расскажет. Впрочем, как хочешь.

Мысли мгновенно завертелись:

— Что она говорит? О чем? О чем мне должен рассказать Алик? Что это за тайны?

Майя продолжала, махнув рукой:

— Потом ты женился на своей Роксе, а я ходила еле живая, словно сердце вырвали из груди. Не хотела тебя больше видеть, хотела заснуть и все забыть. Но тебе еще что-то от меня было нужно, и ты пришел ко мне перед отъездом, на удачу, — она негромко, горько засмеялась, — Правда, получил немного больше, чем рассчитывал. Ну, в общем, получил и ушел из моей жизни навсегда. Вот тогда-то Муська и умерла в одиночестве и в страшных мучениях. И поверь, больше я не хочу ничего ни вспоминать, ни повторять, не хочу с тобой видеться, разговаривать. Да и тебе это ни к чему, ты двадцать лет не вспоминал обо мне, думаю, и дальше не стоит ничего менять.

Она говорила, а мужчину корежило чувство протеста. Нет, он не был согласен. Нет!

— Майка, дурак я, прости...

— Ничего, что было, то прошло. Давай, я пожелаю тебе удачи, чтобы у тебя было все хорошо. И потом ты уйдешь.

— Нет! Я не хочу! Майка! Я не хочу.

— А чего же ты хочешь?

— Скажи... — Влад потупился, вертя в руке вилку, — Ты замужем?

— Это тебя не касается.

Он поднял на нее глаза полные противоречивых чувств и сумасшедшей надежды:

— Майка... Сережа... мой сын?

Майя потемнела лицом и резко опустила голову.

— Сережа мой сын, это все, что тебе следует знать.

— Почему, Майя?

Она встала:

— Твое время истекло. Мне пора.

— Майя...

— Владик, тебе нет места в моей жизни. Не стоит больше приходить. Извини, ничего личного, я просто оберегаю себя и свою жизнь.

Мужчина встал, собираясь пойти вместе с ней, но она покачала головой и остановила его взмахом руки:

— Всего тебе наилучшего, Владик Марченков, прощай.

Она ушла, а Марченков тяжело опустился на стул. Вопросов стало еще больше. Он не приблизился к ней ни на шаг, наоборот, узнал о себе такое, что лучше застрелиться. И что такое ему должен рассказать Алик? Что за тайны, черт побери?! Ее холодность просто убивала. Лучше бы она злилась, оскорбляла его, проклинала. Все лучше, чем этот спокойный равнодушный тон.

— Господи... Неужели все потеряно? Нет. Нет... — он отказывался верить, — Как мне к ней пробиться? Как?

Он ушел к себе подавленный, мысли не давали покоя. Оставалось такое чувство, что прошлое, в которое ему предстоит влезть, еще одарит неприятными сюрпризами. Но влезть придется. Влад задумался о своей жизни, в первый раз задумался всерьез. Жизнь практически прошла, да, он еще не стар, но уже наступило время молодых, а таким как он следует потесниться. Как бы нам не хотелось, но время неумолимо, и нашего желания не спрашивает, а смена поколений естественный процесс.

Вот и настал для него момент сесть и заглянуть в себя, спросить:

— Чем будешь хвастаться?

А и выйдет, что хвалиться нечем.

Чего достиг? Фирму по грузоперевозкам приобрел? А взамен? Что взамен?

Талант угробил, если он, конечно, был, тот талант. Может и невеликий, но был. Он тоже мог бы стать... Ладно.

Три раза женился, а семьи нет, детей нет, тепла нет. В промежутках между неудачными браками пробавлялся случайно подвернувшимися подружками. Его передернуло. Если смотреть так, то все выглядит еще отвратительнее.

Друзья... Остался один Алька, с которым он видится теперь раз в несколько лет. Влад боялся даже думать про то, что лучшего своего друга, вернейшего ангелка, Муську, он, почитай, 'убил' собственными руками.

Получалось, что двадцать лет потрачено впустую.

Мужчина тяжело задумался. Бросил все, уехал за тридевять земель, куролесил где-то далеко, творил не пойми что, искал чего-то. А то, что он искал, всегда было там, откуда он ушел не глядя. И теперь обратно его могут и не принять.

А для чего ему все, что он смог заработать и еще заработает? Для чего? Если это оставить некому? Для кого ему трудиться...

Марченков налил себе еще коньку и стал набирать номер Беспольского. В прошлое надо влезть, даже если это вызывает неосознанное неприятие и дурное предчувствие. Иначе он ничего не добьется в будущем. В трубке пошли гудки, а Влад Марченков откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

— Привет.

— Привет. Ты на часы вообще смотришь?

— Алька... Я тут с Майкой встретился...

На том конце замерли, Влад прямо почувствовал это, потом раздалось:

— Как она?

— Почти не изменилась. Преподает в нашем старом Универе на мехмате, доцент.

— Даааа? Ай да Майка, — голос потеплел.

— Алик... У нее ребенок... От меня... Сын.

— Что... Ты уверен? Что... Как?

— Так, помнишь, я рассказывал... какой я дурак, Алька. Какой я дурак.

— Влад...

— Знаешь, она не замужем, и я так понял, что и не была.

— Влад...

— Алька. Она сказала, чтобы я спросил у тебя... что ты что-то знаешь про нее, про меня. Алька, что, что ты знаешь? Что ты должен мне рассказать?

На том конце послышались тихие ругательства, потом молчание, Влад ждал. Наконец Беспольский сказал:

— Это не телефонный разговор. Я приеду.

— Жду.

Он положил трубку.

На том конце Алик долго сидел, держа трубку в руках. Ну, вот оно, настало. Может и к лучшему...

Домой Майя пришла совершенно разбитая. Разговор ее вымотал. Сил не осталось ни на что, она попросила Сережу покормить кота, а сама ушла в свою комнату, прилегла,

свернувшись калачиком.

Она все сделала правильно.

Пришел Василис, поглядел на хозяйку, тихо рыдающую в подушку, и устроился сбоку. Понятно же, у мамы трудный день, нельзя ее беспокоить. Так он и сказал Сереже, заглянувшему в комнату проведать мать. Не нравилось сыну, как она выглядит, подавленная, мрачная. Кот сверлил его взглядом, пока он не закрыл дверь, потом плотнее прижался и начал мурчать, он знал, что это помогает. Майя обняла кота, зарылась пальцами в его теплую шерсть и потихоньку заснула.

А Сергей все размышлял над тем, что же могло так ее расстроить, и приходил к одному выводу. Тот мужик, что вылез внезапно, как черт из табакерки. Это из-за него она плачет. У парня аж зубы свело, так неприятен ему стал этот мужчина. И его прямой долг защитить мать, что бы там ни было.

Утро было теплое, чудесное майское утро. Выходной день. Солнечные лучи заливали подоконник, на котором возлежал Василис, царственно взирая на весенний сквер, на голубей, воробьев, соседских кошек и прочую живность. Среди кастрированных персов его можно было считать редкостным экземпляром, потому что этот двенадцатилетний кот имел отменное здоровье, великолепный мех, жизнерадостный характер и волчий аппетит. Плевал на все диеты, очевидно выдуманные людьми специально, чтобы унизить кошачье достоинство. Он любил мясо, мясо и еще раз мясо, и еще хозяйкины котлеты.

— Тебе котлетки греть, или так будешь? — спросила его хозяйка.

Кот умудрился изогнуть бровь и на кошачьем языке ответил:

— Разумеется, греть, они же из холодильника. Только не перегрей, как в прошлый раз.

Мне целых пять минут пришлось ждать, пока остынет.

Подошел Сережа, притиснул перса и взлохматил его шерсть:

— Ухххх, ты, пушистое жирное сокровище.

Кот с достоинством отстранился, промурчав в ответ:

— Во-первых, я не жирный, а упитанный, а во-вторых, я терплю твои фамильярности только потому, что ты сын хозяйки. Отойди, не мешай мне принимать солнечные ванны.

Но тут микроволновка дзынькнула, Майя достала две великолепные чуть тепленькие котлетки и кот, мявкнув:

— Отойди, короче, не стой между мной и провиантом, — сорвался с подоконника, потянулся, показав огромные когти, и как-то мгновенно очутился рядом со своей тарелкой, понюхал любимое лакомство и ушел в нирвану.

— Мама, ты ничего не хочешь мне рассказать?

— Нет.

— Я же вижу, ты расстроена.

— Это ничего, сынок.

— Мама...

— Сережа, — она отложила вилку и потянулась погладить его по щеке, — У меня все будет хорошо.

— Я же вижу, на тебе лица нет. Если у тебя какие-то неприятности на работе...

— На работе все в порядке.

— Тогда что?

Она встала из-за стола и отошла к окну, пожала плечами:

— Ничего.

— Это все из-за того типа? Что в тот день приперся? Из-за него? Он ко мне вчера подходил в Универе, выспрашивал...

Майя обернулась резко, в глазах тревога, которую женщина не успела погасить.

— Что выспрашивал?

— Кто я тебе, сколько лет?

— А ты?

— Я не стал с ним долго разговаривать, подозрительный тип, он мне совсем не понравился. Это все из-за него, я прав?

— Сережа... Я все тебе расскажу. А сейчас не спрашивай, хорошо? Сейчас мне трудно

будет тебе ответить.

— Ладно. Но если он тебе угрожает, или еще как-то достает...

— Нет, Сережа, он мне не угрожает. Во всяком случае, не физически.

— Мама... Что?! Что? Он все-таки достает тебя?

— Нет, сынок, он просто ворошит мое прошлое.

— Я его...!

— Нет, он больше не появится. Мы вчера переговорили, и теперь он не появится больше. И вообще, закрыли тему. Чем сегодня заниматься будешь?

— До вечера у Борьки позанимаюсь, а вечером... — парень замялся, — Вечером хочу пойти в кино с ребятами.

Майя сощурилась, чуть склонив голову:

— С Леной?

Сын зыркнул на мать из-под бровей, улыбнулся и признался:

— Ага.

— Ну-ну, давай. А я, пожалуй, уборкой займусь, генеральной... — она оглядела дом, который и так сверкал чистотой, но мысль о генеральной уборке казалась удивительно удачной, и женщина кивнула своим мыслям, — Да. Генеральной.

Сытый Василис, облизывая усатую морду, взгромоздился обратно на подоконник, и, собираясь заснуть для лучшего усвоения пищи, подумал:

— Занимайтесь, чем хотите, только меня не трогайте.

Майя Михайловна садистически потрошила шкафы, в которых, в общем-то, и так царил образцовый порядок, и старательно боролась со слезами. Она молодец. Она прогнала его вчера. Прогнала. Единственного мужчину, которого любила в своей жизни. Молодец. Вот так.

Марченкову было тесно в гостиничном номере, он вышел на улицу, пройтись, подышать воздухом. Множество мыслей распирало голову, снова подумалось, что он как волна бьется в скалистый утес. Бесцельно. Бессильно. Безрезультатно. Надо дождаться Алика. По разговору с другом Влад понял, что тот приедет, как только сможет. Сколько ему времени понадобится, чтобы приехать? Как пережить это вынужденное ожидание?

Он сам не заметил, как ноги принесли его к Майкиному дому. Обнаружив себя там, мужчина мрачно усмехнулся, теперь вся его жизнь вращается вокруг двух обитателей этого дома, прямо как Луна вокруг Земли, Луна — это теперь точно про него. Оставалось только присесть на скамейку в сквере и время от времени посматривать на ее окно. Местные косились на подозрительного типа, но сквер-то общественный, сидеть в нем все имеют право.

Майя заметила его, случайно выглянув из окна кухни. Замерла, поглядев пару минут. Он сидел, опершись локтями в колени и опустив голову на руки, взгляд опущен в землю. Мужчина словно что-то почувствовал, стал поднимать голову, Майя тут же опустила жалюзи, скрывшись за ними. Встречаться с ним взглядом ей не хотелось. Настроение испортилось снова, пришлось с досадой признать, Влад просто так не уберется. Зло выдохнула и отошла от окна. Еще энергичнее занялась домашней работой, стараясь отвлечься. Больше всего ее бесило, что под всем тем слоем неприязни, которую она сквозь наплывающие слезы старательно в себе культивировала, вспыхнула радость оттого, что он здесь, что не ушел, когда она его прогнала. К черту!

Влад видел, как дернулись жалюзи в ее окне. Вздохнул. Не хочет его видеть. Он посидит еще, все равно идти никуда не тянет, никуда идти.

Документы у Алекса Беспольского были в порядке, не так давно ездили на похороны Нелькиной бабушки в Питер, так что выехать он сможет быстро. Неожиданно натолкнулся на несогласие жены. Высказанное с утра решение ехать в Россию было воспринято ею как нелепая блажь. Что значит, развивать бизнес? Марченков нашел удачное место вложения средств? Что он мог найти, этот неудачник, он только туда приехал? Откуда известно? Ей все известно. Что? Ему нужно ехать? Зачем? Зачем такие расходы? Ему нужно? Нет. Он никуда не поедет.

Тогда Беспольский впервые воспротивился и ушел, хлопнув дверью. Нелли была поражена, он никогда не делал ничего ей поперек, он никогда не предпринимал подобных необдуманных действий, он...

Кончилось это тем, что Нелли ночью сидела на кухне в слезах и усиленно думала, что же могло случиться, что ее муж ни с того ни с сего засобирался в Россию.

Может, Беспольский и не замечал, но она его любила. Да, не с первых дней, но постепенно Нелли прикипела к нему душой. Сначала он ей нравился, и она хотела его для себя, не смотря ни на что. Его аристократичный интеллектуальный вид, речи, манеры — все нравилось. В отличие от своей сестры Роксаны, которая кроме себя ничем не интересовалась и подобными вещами не заморачивалась, Нелли знала, что ждет ее лощеного красавчика на месте. Знала, что ему придется забыть о своих высоких планах и вкалывать, как папа Карло. И ей было даже больно видеть, как ему тяжело, во что превратились его холеные руки, не говоря уже о самооценке. Чувство вины за это она ощущала. Но. Она готова была ему помогать, тащить его на себе, если хотите, стать ему опорой. Вот из этой смеси влечения, ревнивого собственничества, некоторого духовного родства, чувства вины и желания помочь выросла любовь. Он всегда был её. Её!

А теперь он вдруг берет и уходит, хлопая дверью. Сердце женщины было разбито. Оставалось только выпить, а потом с утра обзвонить всех родственников, своих и его, оставшихся в России, чтобы получить более или менее внятную информацию. Ну, в чем-то муж прав, для развития дела обстановка благоприятная, можно съездить посмотреть, прикинуть. Но к чему такая спешка? Почему он вдруг сорвался вслед за этим своим дружкой Владом? Она помнила тот ночной звонок, после этого звонка ее муж стал сам не свой. Если с бизнесом и с родственниками все в порядке, тогда в чем же дело?

Нет... Не может быть... Неужели у него... Это из-за женщины...

Сейчас она сопоставила, у него тогда, перед отъездом, был какой-то роман...

Когда к обеду навестить мать домой зашла дочь Эмма, уже два года жившая отдельно, ей представилась кошмарная картина. Мама в распахнутом халате с потеками косметики на лице сидела в кухне, накачивалась виски и рыдала пьяными слезами. Дочь даже присела от изумления. На ее вопрос о причинах такой скорби, мать, икая и всхлипывая, рассказала что знала, а также, что подозревала о поведении их мужа и отца. Дочь отнеслась к ее измышлениям с недоверием:

— Не выдумывай, наш папа не такой. Я ни за что не поверю, что он хочет тебя бросить.

— Аааа... — рыдания продолжались, — Ты не знаешь...

— Ма! Ты тоже не знаешь, а говоришь! Короче, бери билет и тоже поезжай!

Да здравствует молодое поколение, выбирающее пепси! Потому оно генерирует

революционные идеи!

Нелли тут же оживилась. Да, она поедет! Уж она там за ним проследит! Шаг вправо, шаг влево — расстрел на месте!

Эмма взглянула на мать. Ну вот, теперь она снова на себя похожа, глаза блестят, плечи расправлены. Несгибаемая, решительная мама. А немного встряски только полезно для их с отцом отношений. Здорово, что она так любит папу, подумать только, лететь из-за мужика на другой конец земли... Эмма мечтательно вздохнула. Поехать что ли, проконтролировать все лично?

К вечеру Майя, наконец, присела, чтобы оглядеть плоды своих трудов. Дом сверкал чистотой, да, выходной потрачен с пользой. Вот только не отдохнула совершенно, а завтра опять на работу. Сережа собирался в кино со своей девушкой, обещал вернуться не поздно. Молодость, молодость... А они с Василисом посмотрят телевизор. Потом Майя вышла в кухню, с опасением косясь на жалюзи, закрывающие окно, и разозлилась. Что, теперь прятаться от этого типа, что ли? Резко отдернула жалюзи и взглянула вниз. Скамейка была пуста, злость как-то сразу сдулась. Она сама не знала, что хотела там увидеть, но почему-то вдруг стало грустно.

А Влад сходил в гостиницу, переоделся, полежал немного, нет покоя, нет сна, вернулся опять к ее дому, по пути заглянул в ларек за пирожками. И здравый смысл, и Минздрав, и просто инстинкт самосохранения предупреждает, что в таких вот пирожках вместо мяса положено черти что. И что есть их — может быть расценено как попытка самоубийства. Но для Марченкова это был дивный, ностальгический вкус, вкус его молодости. Теперь он расположился в сквере с пакетом и, рассеянно оглядывая прохожих, жевал один пирожок за другим.

Майя, проходя по кухне, рефлекторно бросила взгляд на скамейку — сидит. Застыла, скрестив руки на груди. Нет! Ну это ж надо! Сидит, жует пирожки. Делать ему, что ли нечего, кроме как ей глаза мозолить? Фыркнула в сердцах и ушла в комнату. На подоконник влез Василис, поглядеть, что там хозяйку беспокоит. А, опять этот тип. Кот повернулся к улице задом и задремал.

Оставшись в комнате одна, женщина присела на диван, надо было упорядочить мысли. Во-первых, ей придется сказать Сереже, что Марченков его отец. Не хотелось, но она не имеет права промолчать. Парень взрослый, сам будет решать, надо это ему или не надо. А во-вторых... она даже не могла подумать, не могла себя заставить коснуться этой темы. Ей было страшно. Вдруг Сережа оставит ее и уедет с отцом. Майя сказала себе, что надо быть мужественной, что будет то и будет. В сына она верила, но страх... Страх сдавливал горло...

Она скажет. Сделает это завтра.

Марченков просидел в сквере дотемна. Все надеялся, может, выйдет она или сын. Хотел поговорить. Придется прийти завтра, завтра они точно выйдут. А еще лучше будет пойти в институт, там их, пожалуй, проще найти. Он встал со скамейки, отправил пакет от пирожков в урну и пошел к себе, спать.

Сережа вернулся домой к половине одиннадцатого, мама Майя в обнимку с Василисом спали на диване, под негромкое журчание телевизора. Он подошел к матери, поцеловал ее, разбудил и отправил спать. Завтра с утра ей на работу, а ему на занятия. Кот недовольно потянулся и тоже перетек в мамину спальню. Сережу очень беспокоило состояние мамы,

молодой человек видел, что ей плохо и беспокойно, но не знал, как помочь.

С утра Владислав Марченков отправился в Университет. Еще вчера выяснил, где у какой группы лекции, и значит, наиболее вероятно встретить сына. Сына. Сердце странно сжималось и начинало колотиться в груди.

Повезло, группа ребят стояла ну улице и Сережа среди них. Марченков подошел поздоровался, разговоры сразу стихли. Он обратился к сыну:

— Сергей Михайлович, я не ошибся?

— Нет, — процедил сквозь зубы Сергей Михайлович, не скрывая своего негативного отношения.

— Не могли бы Вы уделить мне немного времени?

Первой реакцией было послать этого мутного дядьку далеко и надолго. Но Сергей сдержался. Потом подумал, раз этот тип чем-то достает мать, надо узнать его поближе и поговорить с ним по-мужски, чтобы не портил ей жизнь. Поэтому, преодолевая неприязнь, кивнул соглашаясь.

— Пошли.

— Я мог бы отпросить Вас с лекции...

— Не надо.

Они отошли недалеко, но достаточно, для того, чтобы поговорить наедине.

— Что вам надо?

— Есть разговор...

— Я спрашиваю, что вам надо? За каким чертом вы нас преследуете?

— Я же говорю... есть разговор...

— Послушайте, — Сергей раздражался все больше, слушая, как этот взрослый мужик что-то мямлит, — Будете приставать к моей матери, пожалеете.

— Я...

— Будете ее нервировать, я за себя не ручаюсь! Вам ясно? Я спрашиваю?!

— Сережа...

— Вам ясно, что я сейчас сказал?

— Сережа... Я твой отец...

Влад не ожидал, что эти слова вот так сорвутся с его языка, просто мальчик был настолько негативно настроен, так напирал на него. Он хотел сначала подготовить почву, потом постепенно подвести его к этой мысли, а теперь... Теперь он с замиранием сердца, не дыша, ждал, что тот же скажет в ответ.

Сергей с полминуты смотрел в сторону, качая головой, потом расхохотался. Потом, наконец, повернулся к Марченкову и выдал:

— Мне все равно кто ты. И где ты был все эти двадцать лет.

Влад вскинулся что-то сказать, но Сергей остановил его взглядом.

— Мне все равно. Я тебя не знаю, и знать не хочу.

— Пойми! Я ничего не знал о тебе! — вскричал в сердцах Влад.

— Ничего не знал обо мне?! — сорвался на крик Сергей, — А о ней ты тоже ничего не знал?! О моей матери?! О ней ты тоже ничего не знал?!

— Знал... О ней я знал... — прошептал мужчина.

— Знал он! Ты двадцать лет не вспоминал о ней! Заделал ей ребенка и свалил! И

двадцать лет не вспоминал! Словно ее нет на свете!

Марченков вздрагивал от этих криков, самое ужасное, что и ответить ему было нечего. Сергей внезапно успокоился, взял себя в руки, потому что на них начали обращать внимание:

— В общем так, будешь доставать ее, будешь иметь дело со мной. Еще раз увижу, что она из-за тебя плачет, тебе не сдобровать.

— Она плакала...?

Молодой человек смерил взглядом взрослого мужчину, как неполноценного, и покачал головой:

— Я все сказал. Вам здесь больше делать нечего, — и пошел мимо своих одноклассников прямо в здание.

Владислав Марченков еще долго стоял, глядя на двери, за которыми скрылся его сын. Было очень горько, горько и тяжело. Хоть расшибись в лепешку об асфальт. Но он не мог не гордиться мальчиком. Какой парень, какой сын! Настоящий мужик, за мамку порвет любого...

Страшно неприятно было ощущать бессилие и чувство близкое к отчаянию. Вот он локоть, как говорится. Но он не собирался отчаиваться. Надо искать пути.

Майка плакала. Может... Душа, уставшая от терзаний последних дней, затрепетала слабой надеждой. Ведь если бы он был Майке безразличен, она бы не стала плакать... Постепенно, медленно, но верно оформилась мысль, что ему удастся приблизиться к нему, то только если Майя позволит. Учитывая то, что она его в тот вечер культурно послала, легко ничего не будет.

Владислав устало побрел в гостиницу. Надо что-то делать. Напиться что ли...

День у Майи Суховой прошел тяжело. Она устала от мыслей, переживаний, занятий, студентов, просто устала. А если учесть то обстоятельство, что на вечер она наметила неприятный разговор с сыном, то расслабляться не следовало. Еще и Сережа какой-то смурной, пришел, буркнул что-то и сразу в свою комнату. Одна радость — посидеть пять минут с Василисом на диване, набраться сил. Однако, довольно. Встала, пошла в кухню готовить ужин. После ужина она собиралась все рассказать сыну.

Ужин прошел непривычно тихо и молчаливо. Каждый в себе, несколько сухих фраз и все. Майя налила в чашки чай, повертела в руках ложечку, склонила голову над столом и начала то, к чему готовилась два дня:

— Сережа, я хочу тебе кое-что рассказать...

Парень вскинул на нее глаза и промолчал.

— Кое-что из моего прошлого.

Он затряс головой и встал, отошел к окну, засунув руки в карманы:

— Не надо, мама.

— Сережа, я должна. Ты послушай. Пожалуйста.

Молча вернулся за стол.

— Двадцать лет назад...

— Я уже знаю.

— Что ты уже знаешь? — не поняла женщина.

— Я уже знаю, что этот тип мой отец.

— Откуда?

— Он приходил ко мне у институт и сам признался.

Майя сглотнула, прижав руку к горлу. Вмиг стало нечем дышать. Сын не смотрел в ее сторону, он был погружен в себя, прокручивая вновь чувства, который он испытывал в тот момент.

— Сережа...

Парень зло взъерошил волосы, потом взглянул матери в глаза и сказал:

— Я его послал. Не нужен он мне. Не. Нужен. Двадцать лет его не было, а теперь заявляется как ни в чем ни бывало.

— Сережа, ты много не знаешь.

— И не хочу знать.

— Я прошу тебя, все-таки послушай. После будешь делать выводы и судить.

Он оперся локтями о стол и опустил голову на скрещенные руки, выдохнул:

— Хорошо, я слушаю.

— Давай я начну с самого начала. Мы с Марченковым учились вместе в школе, а потом на мехмате в Университете. Дружили, он был мне как старший брат. Даже не так. Он меня считал, наверное, младшим братом, — Майя улыбнулась, — Муськой называл, мы были не разлей вода... Я тогда была такая мелкая, худущая, ни кожи, ни рожи, это потом я выросла и похорошела. Он даже и не подозревал, что я влюблена в него ни раньше, ни потом.

Она отхлебнула чай, развернула конфетку, повертела шоколадную пирамидку, так и не съела.

— В том, что он не любил меня, нет его вины, тут ничего не поделаешь. В общем, он женился на другой и после института уехал в Америку. А перед отъездом зашел попрощаться... И вот...

Женщина замолчала на пару минут, может быть, вспоминая те свои ощущения, которым в ее жизни не было ничего равного, а может быть, стараясь забыть.

— В этом столько же моей вины, Сережа, сколько и его. О тебе он ничего не знал. Я не сообщала. Не знаю, может быть, я была не права. Влад имел право знать, что у него есть ребенок. Но у него была другая семья и я не хотела...

Какое-то время оба не произносили ни слова. Сын нарушил молчание первым.

— Мама... Просто ты у меня ужасно гордая, и тобой ужасно горжусь, — Сережа потянулся и погладил мать по руке, — А виноват он в том, что заставляет тебя плакать, и если я еще раз увижу, что ты из-за него плачешь...

— Сережа, сынок, это касается только нас двоих. Ты еще молодой, знаешь, черное не всегда черное, а белое тоже не совсем белое. Если твой отец хочет наладить с тобой отношения, я не буду против...

— Отношения? Нет, мама.

— Не спеши, сынок, подумай хорошенько.

— О чем мне думать?

— Он может тебе многое дать.

— Что он может мне дать теперь? Мне от него ничего не нужно!

— Ты мог бы поехать в Америку...

— Ага! Всю жизнь мечтал! А тебя тут одну бросить. Не надо злить меня, мать!

— Сережа... — мать не выдержала и расплакалась.

Сын встал, обнял ее и стал утешать подсмеиваясь:

— Ага. Уехать. Тебя тут одну бросить. Размечталась. Ты от меня так легко не

отделаешься.

— Сережа... — ее улыбка сквозь слезы была счастливой, до этого момента она в глубине души боялась.

— Так, прекращаем сырость разводить.

Плакать перестала, успокоилась, снова сели за стол. Взяла кота на руки, потом все-таки выдала:

— Сережа... не надо его ненавидеть...

— Пусть не лезет к нам, и никто его не будет ненавидеть, — сказал сын, и мать поняла, что разговор окончен.

Они разошлись по своим комнатам, и в кухню Майя снова зашла уже перед сном. Налила себе стакан воды, не включая света, выглянула в окно. Да так и замерла, не донесши стакан до рта. В пустом ночном сквере на скамейке сидел он, Владька Марченков.

Да он выпил, прилично выпил, потом пошел пройтись. И незаметно для себя опять оказался в сквере перед ее домом. Раз уж пришел, оставалось только присесть на скамейку и пялиться на ее окна. Владу хотелось подняться и сказать ей... Да, ей... Что это несправедливо... Черт бы ее побрал... Никто его не любит...

Мужик выпил лишнего, и теперь бормотал себе под нос какую-то одному ему понятную мешанину:

— Алька! Где тебя носит... Не хочет... Двадцать лет не вспоминал о ней! Заделал ей ребенка и свалил! Я не знал! Не знал! Я не знал... Я знал... Знал...

Он закрыл лицо руками, тяжело дыша и пытаясь успокоить что-то, странно болевшее внутри. Душу, наверное. Боль прорвалась сквозь пальцы тихим стоном.

Прохладный ночной воздух постепенно вернул ясность сознания, хмель отступил, стало холодновато. Пора домой. Глупость какая, сказал бы кто, что он на старости лет будет вот так, как малец под окнами околачиваться, ни за что не поверил бы. Много еще обиженных пьяных мыслей вертелось в голове, и чувствовал мужчина себя очень тоскливо. Сегодня ему впервые было по-настоящему больно.

Она смотрела на него из окна и думала, думала.

Повела плечами. Да уж... Когда тебя не желает признавать твой ребенок... Невольно представив себя на его месте, женщина ужаснулась. Никому не пожелаешь такого.

Майе вдруг показалось, что она чувствует его боль.

Боль.

Она хорошо знает, что такое боль. Сейчас она только кажется уверенной и непреклонной. Внутри боль. Сомнения и горечь воспоминаний. И страх перед будущим. И черт побери! Глупое бабское желание пожалеть его! Надо же! Увидела, как он 'страдает' и все! Размякла! Пожалеть его, пригреть... Как же... Таких нельзя жалеть.

— Воспользовался однажды и бросил. Сделает это еще раз. Ты посмотри на него, глупая ты баба. Ты посмотри, он же не утомился, все хочет от жизни свой приз получить. Ты его еще котлетами накорми! Ненавижу!

Она резко задернула жалюзи, чтобы не видеть. Зло выплеснула в раковину воду из стакана и вышла из кухни.

— Ненавижу, — процедила сквозь зубы.

Вот только слова эти были обращены совсем не тому грустному мужику на скамейке. А

себе, себе бестолковой, жалостливой дуре.

Теперь он мозолил ей глаза. Сидел, гад, каждый вечер на скамейке. Хорошо хоть приходил после темноты и Сереже на глаза не попадался, не хватало только сцены устраивать на глазах у всей улицы. И так весь вечер на нервах.

Хорошо, что после вечера наступает ночь, а за ночью — утро. Утром надо идти на работу. И это замечательно, потому что иначе мы бы закисло в своих проблемах, а так, оправляясь на работу, можно оставлять домашние неприятности дома и наоборот. Майя Михайловна последние несколько дней была несколько мрачна и напряжена. Может кому-то и безразлично, но друг распознает, когда нужно проявить заботу. А Филипп Рудинский был ее другом. Он был моложе Майи лет на десять, но для молодого мужчины не совсем обычный. Не то, чтобы его не интересовали женщины, просто далеко не все его могли заинтересовать, и ценил он в них не сексапильность, а ум и сердце. Майя говорила, что он просто не встретил еще свою родственную душу, а тот скептически улыбался. Был Филипп высокий худой, сутулый, но жилистый, и вероятно, даже сильный. Никто никогда не знал его с этой стороны. В общении сухой и резковатый, женатый на науке, про таких говорят. Но если приглядеться, даже красивый, особенно глаза, светящиеся, умные и ласковые, когда на студентов не смотрят.

Так вот, посмотрев на Майю Михайловну несколько дней, Филипп не выдержал:

— Что у тебя стряслось. Последнее время на тебе лица нет.

Она махнула рукой:

— Так... Прошлое догнало...

— И?

— И не знаю, что делать...

— Ну, мадам Сухова, если Вы доверите мне Вашу тайну, мы могли бы проанализировать. Сама знаешь. Это же старо как мир: не понимаешь сам — начни объяснять студенту. И все сразу станет ясно.

Она невесело хмыкнула.

— Я серьезно, Майя. Расскажи, легче станет

Посмотрев на него с сомнением, женщина отвернулась, потом подумала, что может и стоит рассказать. Свежий взгляд все-таки...

От покойных бабушек помимо наследства бывает еще и совершенно неожиданная польза. Например, то, что все документы на въезд еще действуют, надо только билет купить, и можно лететь в родную Рашу.

Если бы Марченков не был так удручен своими неожиданно вылезшими семейными проблемами, он может и оценил, что приезд семейства Беспольских напоминал скорее старый добрый водевиль с некоторым трагическим уклоном, или даже небольшой шпионский роман. Сперва прилетел в страшной спешке, словно за ним черти гнались, сам глава семейства, вслед за ним понятно за кем погнавшаяся жена. А уже за ними дочь с важной миссией — проследить, чтобы предки не наломали дров! Хорошо, что хоть у кого-то еще голова варит. Да, Влад бы посмеялся, если бы не был так печален.

Впрочем, то несчастье, что постигло Владьку Марченкова тоже иначе, чем мелодрамой

не назовешь. А что удивительного, человек уже смирился с холостяцкой жизнью, цинично плевать хотел на всякие там очаги, и вот вам. Просто зашел на это... на удачу... короче. И тут выясняется... Кошмар...

То, что Владислав узнал, полностью перевернуло его мир и заставило на всю прошедшую жизнь взглянуть по-новому. А этот новый взгляд заставлял его чувствовать себя таким дураком... Как будто глаза вдруг открылись и он увидел себя голым и жалким, сидящим в дерьме у всех на виду. И что самое обидное, он сам себя в эту грязь и загнал. За эти несколько дней он столько чего передумал, переосмыслил.

Что была вся его жизнь? Погоня за чем? Чего он старался добиться?

Он довольно-таки скотски проживший свою пустую жизнь холостяк, пусть и женатый трижды, и трижды неудачно. Что его холостяцкая жизнь? Непонятные движения, случайные подружки, большая часть из них просто шлюхи. Непонятно для чего проделываемая и не приносящая удовлетворения работа, развлечения... Даааа. Его развлечения просто верх интеллектуальной мысли! Попойки, дружки. Не друзья. Из друзей один Алька, черт его дери.

Где та интересная жизнь, которая рисовалась ему в молодости? Открытые дороги, свобода? Где? Не хотел гнить в НИИ? Думал достичь высот! Смеялся над Майкиным желанием иметь семью, над ее маленькой мечтой — сидеть с любимым мужем и детьми на диване и вместе смотреть телевизор. И ведь у нее почти все получилось. Только ее любимый оказался редкостный гад, который... Зубы сводило от отвращения к себе.

Мальчик вырос без него, взрослый мужик уже, что ж удивляться, что не хочет его знать. Он на его месте тоже не захотел бы себя знать. Майка... Как она одна, маленькая, слабая смогла вырастить сына да еще и учебу не забросить, и карьеру сделать? Как? Влад был ей бесконечно благодарен за то, что оставила ребенка, что не испугалась трудностей, что смогла, что такого сына вырастила. И вину такую чувствовал, которую не искупить.

Вышло так, что он шел по жизни, словно кто-то ему на голову горшок глиняный нацепил, и он так и ходил, ничего вокруг себя не видя. А теперь горшок разбился, и выяснилось, что в настоящем мире все совсем не так. Он шел не туда, все время не туда. Но... Господи милосердный... Удача не отвернулась от него... Он все-таки пришел, сам не зная как, пришел туда, куда ему надо было с самого начала.

И теперь ему до дрожи в руках и в душе хотелось самого простого, человеческого, того, над чем смеялся тогда — сидеть на диване в шлепанцах и смотреть телевизор, а рядом чтобы сидела Майка в халате и его сын. Хотелось есть борщи и котлеты. Котлеты! Боже мой! Да он сейчас молить на коленях был готов, чтобы его приняли в семью.

Да не берут!

И от этого всего ему хотелось выть от тоски.

Надо сказать, что не только Майя Михайловна наблюдала из окошка за одиноким мужчиной, сидящим на скамейке в сквере после наступления темноты. Она думала, вернее надеялась, что Сережа его не видел. Но Сережа видел, он просто не хотел лишний раз нервировать мать. Когда заметил в первый раз, еле сдержался, чтобы не выйти и не вломить этому типу как следует. Но потом подумал, что мать расстроится, и, сжав зубы, сделал вид, что ничего не заметил. А пару дней назад он даже прошел мимо него. Хотелось сказать, чтобы убирался к чертовой матери, но удержался, просто посмотрел на него... Так посмотрел, как он того заслуживает. А тот в ответ не сказал ничего, только глянул как пес побитый. Осадок у Сергея остался такой... Неприятный, неоднозначный...

А за всеми за ними наблюдал Василис. Глядя с уютного подоконника в ночной сквер, кот воспринимал мужчину на скамейке как своего бездомного собрата-кота, вымаливающего подачку. Даже жалко становилось как-то. Видел кот, как на него смотрит хозяйка, подолгу, не отрываясь. Как смотрит ее сын. Приходят в кухню по очереди, тайком друг от друга. И делал кот философские выводы, верные, непогрешимые, потому что не человеческие. У котов свои жизненные правила.

В день приезда Беспольский с трудом отыскал Владьку. Бегал по всем родственникам, нашел. Снял номер в той же гостинице. Не хотел возвращаться к тетке, терпеть любопытство, вежливо отвечать на их вопросы. Не до того было ему. Ждал, когда Влад придет, долго сидел в холле. Владька притащился никакой, мрачный, весь разбитый, как больной. Обнялись, пошли в бар. Выпить понемногу. Все разговоры решили отложить на завтра.

Алик Беспольский не знал, простит ли его Влад. Не знал, простит ли Майя. Это признание могло стоить ему такого куска души... Что сердце сжималось тяжелым предчувствием. И каждый миг, позволявший ему оттянуть разговор, был как глоток воздуха перед смертью. Известно, перед смертью не надышишься. Он был почти готов признаться другу в том, что натворил двадцать лет назад. Но сперва хотел вымолить Майкино прощение.

Странный каприз. А ему казалось, что по-другому просто не хватит сил оторвать рот и выдавить из себя то, что должен. Странное суеверное чувство было, что если Майка его простит, то грехи его отпустятся, и все будет хорошо. Надо ли говорить, что он страшно волновался.

Вот и вышло, что оба мужика были мрачны, подавлены и почти не спали.

Нелли опоздала всего на полдня. Но этого было достаточно, чтобы муж успел смыться. Дочь ее успокоила, сказала, что великие дела делаются с утра. Никуда их отец не денется. Подумаешь, в гостиницу ушел жить. Она сама не прочь уйти в гостиницу, так тут успели мозги задолбать за эти несколько часов. Завтра. Завтра найдут, проследят, выяснят. Все завтра. И нечего реветь! Что родственники подумают?!

Утро было потрачено на обнаружение местонахождения той гостиницы. А затем пошло собственно наблюдение за искомым объектом. И так, водевиль продолжался.

Так вот, Алекс Беспольский направился в NN Университет. Где он пробыл около получаса. Оттуда вышел в сопровождении довольно красивой, одетой в деловой костюм женщины неопределенного возраста, даме могло быть и тридцать и сорок, выглядела она ухоженной и интеллигентной. После чего они проследовали в кафе, находившееся в одном квартале от вышеназванного Университета. Нелли была на грани нервного срыва.

— Я же говорила. Говорила! Он приехал к этой женщине! Эмма, я сейчас умру, нет, я ей глаза выцарапаю! А ему...Ему...

— Мама, успокойся. Это может быть просто деловой разговор. Не надо впадать в истерику.

Они припарковались недалеко от входа, откуда просматривалось все кафе, и приготовились ждать.

Алексей Беспольский пришел к ней в Университет и просит уделить ему немного времени для беседы. Майя Михайловна с минуту переваривала эту информацию. Потом передала, что встретится с ним в обеденный перерыв, до которого оставалось полчаса. Если хочет ее видеть, пусть подождет. Хочет, подождет в вестибюле. Ну что ж.

Честно говоря, после приезда Владьки Марченкова, она уже ничему не удивлялась. О чем Алик будет с ней говорить? Какая разница. Он был ей безразличен, и она давно уже его простила.

А вот вид Беспольского ее удивил, даже вызвал скрытую усмешку. Нет, вы подумайте, у него пузо! И лысина уже светит, очки, нос вроде как вырос... Алька, Алька, постарел...

Она поздоровалась с ним вежливо и доброжелательно. А вот Беспольский заметно нервничал. Оглядел ее цепким взглядом при встрече, словно вобрал в себя всю и выдавил:

— Здравствуй, Майя, а ты почти не изменилась.

— Здравствуй Беспольский, ну ты... — она обвела жестом его фигуру и улыбнулась.

— Уделишь мне немного времени? — его голос был немного напряжен.

— Да, конечно. Пойдем, посидим в кафе, пообедаем за раз.

Пока шли, молчали. Он был натянут внутри как струна, а Майя просто ждала.

Не заговаривали и первые несколько минут, после того, как сели за столик, сделав заказ. Майя не выдержала и спросила первой:

— Алик, ты хотел поговорить...

Он дернулся, покраснел и пробормотал:

— Прости... Да... Хотел...

— Я слушаю тебя.

— Майя... Это трудно, мне трудно...

Она скрестила руки и спокойно ждала.

— Я... Я виноват перед тобой. Нет... Не только перед тобой... Перед Владиком я тоже виноват... Простишь ли ты меня...

— Не ожидала, конечно, что мы еще когда-нибудь встретимся, но Алик... Посмотри на меня, Алик. Я давно тебя простила.

Он поднял на нее глаза, в которых светилось и страшное облегчение, и вина, и сожаление, и слезы.

— Майя...

— Тогда, помнишь...

— Я помню... Ты знаешь... Я так жалел об этом. Всю свою жизнь. С самого первого дня. Майка...

— Знаешь, сначала я очень злилась на тебя. Обидно было до слез. А потом... То, что я делала и чего не делала... это ведь я делала сама. Никто меня не заставлял. Мои ошибки. Глупо кого-то виноватого искать, — она отпила сок, пожала плечами, — Как-то так.

Беспольский слушал, сцепив пальцы в замок у самого рта, молчал, принимая ее позицию, в которой не было места слабости, не было желания перенести ответственность на кого-то другого. Так ведут себя только очень сильные люди. И он готов был преклониться перед благородством этой женщины. Рядом с ней он просто никто. Тяжело вздохнул:

— Я столько думал... Я был такой дурак, Майка. Не соображал, что делаю, зачем...

Зачем? — он потер лоб и закрыл глаза ладонью, — Я ведь любил тебя тогда, Майка. Я любил тебя Маечка...

Майя посмотрела на мужчину с легким презрительным недоверием и фыркнула:

— О чем ты говоришь, Алик? У тебя что там, в Америке крыша поехала? Любил он меня... Глупости.

А он робко взял ее руку, Майя хотела отнять, но Беспольский попросил:

— Не надо, Маечка, не сердись на меня. Я так наказал сам себя, что хуже не придумаешь. А мне еще с Владькой объясняться. Рассказывать ему, как я... Как я... Майка, как ты думаешь, он меня простит? А, Майя...

Она все-таки отняла руку. Не желая отвечать на его вопрос, спросила сама:

— Расскажи лучше, как вы там жили эти годы.

Алик Беспольский вздохнул и рассказал ей всю историю их с Владькой проживания в Штатах. Старался рассказывать коротко, не вдаваясь в подробности и не отвлекаться эмоциями. Она несколько раз переспрашивала его про Влада, удивилась, что тот был трижды женат, и все три раза неудачно, что детей у него нет. А Алик пока рассказывал, сам еще больше расстроился. Показалась ему его жизнь грустной и беспросветной, под конец пожаловался:

— Никто не любит меня, Майка, никто...

— Не говори ерунды. У тебя семья, жена, дочка.

— Эх...

— Беспольский, успокойся, все хорошо. Давай поедим уже, а то перерыв заканчивается.

— А... Да...

Доели молча. Расплатилась за себя Майя сама, хоть он и порывался, но незачем. Уже когда встали уходить, Алик робко прикоснулся к ее руке и спросил:

— Скажи... А я тебе нравился... Хоть чуть-чуть...?

На этот раз Майя уже не сдержала смеха:

— Точно у вас в Америках крыша поехала!

А он смотрел, со странной надеждой ожидая ее ответ.

— Чуть-чуть нравился, — она усмехнулась, — чуть-чуть.

Майя сама удивилась, какое счастье и просветление отразилось на его лице, он успокоился и сказал:

— Теперь я смогу сказать Владьке. Про все.

Она протянула Беспольскому руку на прощание:

— Удачи тебе, Алька.

— Спасибо Майя, счастья тебе.

Целуя ей руку, мужчина чувствовал благоговение, ему не только отпустили грехи, его благословили. Воистину, 'ангел, приносящий удачу'.

От дверей кафе они направились в разные стороны. Майя Сухова в Университет на работу, а Алекс Беспольский в гостиницу. Ему предстоял еще один неприятный разговор с Владом. Но теперь он не боялся. До встречи с Владькой Марченковым оставалось часа три, он решил пойти к себе в номер и поспать, бессонная ночь и нервное утро сказывалось, не мальчик уже.

Тем временем действие водевиля развивалось своим ходом. Вслед за Беспольским от кафе отъехал автомобиль, припаркованный поблизости. Все то время, что их отец и муж

сидел в кафе с той дамой, Эмме приходилось буквально зубами держать мать, которая каждые пять минут порывалась влететь в зал и устроить 'сладкой парочке' ядерный Холокост. А когда те вышли из кафе, тем более. Но рассудительная молодость победила, конечно, не обошлось без внушения:

— Мама, прекрати истерить! Это может быть просто бизнес. И тогда ты со своей бешеной ревностью будешь выглядеть крайне глупо. Прежде чем делать какие-то выводы, надо пронаблюдать дальше. И вообще, больше достоинства. Месть холодное блюдо, вот вернетесь домой, можешь его хоть в клочья порвать. А сейчас успокойся.

Нелли промолчала, но кипящая внутри страсть и ревность нуждались хоть в каком-то выходе, и она от нервности, не переставая, жевала ириски. В итоге конфетка прилипла к зубам, она больно прикусила щеку и расплакалась. Разумеется, от этого. Не из-за него же...!

Майя Сухова вернулась в Универ и работа пошла дальше как обычно. Где-то во второй половине дня, воспользовавшись сорокаминутным 'окном', к ней подошел Филипп Рудинский:

— Нуссс, мадам Сухова, колитесь, что за заморские гости Вас посещали? В вестибюле на глазах у всего честного народа Вас дожидались?

— Боже мой, шагу ступить нельзя... И с чего, спрашивается, такой пристальный интерес к моей частной жизни?

— Как с чего? Вы, Майя Михайловна — краса и гордость преподавательского состава нашего факультета, а за красотой надо бдить.

— Лъстец.

— Да, — мужчина засмеялся, — И за это в аду я буду лизать раскаленные сковородки! Теперь смеялись оба.

— Ладно... Как твои дела, Майя?

Она махнула рукой и как будто потухла:

— Да так... Все так же...

— Понятно. Ну что, мадам, не созрели для совместного анализа?

Что ж. Была, не была.

— Созрела. Пойдем, присядем где-нибудь, в двух словах не расскажешь.

Разговор вышел долгий. Они устроились в пустой аудитории, запасшись стаканчиками с кофе и шоколадными батончиками. Майя все не решалась начать, а потом потихоньку как-то поехало, и она смогла рассказать все с самого начала. Филипп слушал внимательно, не перебивая, иногда, когда она замолкала, задавал уточняющие вопросы. Закончив свой рассказ, она честно чувствовала себя вымотанной, словно целый день мешки таскала. Несколько минут молчали оба. Потом Филипп, облокотившись на спинку стула и покачивая головой спросил:

— А скажите-ка, мадам Сухова вот что...

— Что?

— А знали ли Вы, мадам, что Петренко в вас влюблен? А Фомин, Белецкий Павловлюченков? А? А еще Сванидзе, Шлемов, Абрамян, Деканосидзе?

— Что... Ну, Сванидзе вообще во всех влюблен. А остальных-то чего было приплетать? Особенно дедушку Деканосидзе?

— Угу. А что покойный Кожин, хоть ему и было за восемьдесят, когда я здесь появился, тоже был в вас влюблен?

— Что... бред... Глеб Давыдович... Бред.

Он кивнул, словно ее реакция подтверждала какую-то его теорию.

— А знали ли Вы, мадам, что Ваш покорный слуга был в вас влюблен?

— Нет... Нет... Ты шутишь...

Только поднятые брови в ответ.

— Глупости... это все мои коллеги... Ты мой друг! Филипп... Это шутка?

— Успокойся, Майя, конечно, мы друзья. Я давно понял, что дружить с тобой куда лучше.

— Филипп...

— Да, — он широко улыбнулся, — Другом быть гораздо лучше. Но я это к чему тебе говорю, Сухова, понимаешь?

— Откровенно говоря, нет.

— Темнотаааа... Так вот, Маечка Михайловна, анализ наш мы начнем с самого начала, с азов, так сказать. Ты говоришь, что была черти сколько лет была для этого твоего Владика другом? Заметь, другом, а не подругой. Так?

— Так.

— А потом вдруг хочешь, чтобы он взял и влюбился в тебя. Он, говоришь, не замечал, что ты его любишь, должен был сам догадаться, а ты молчала, как партизан? Как же он, спрашивается, должен был догадаться, если ты молчала. Он видел в тебе друга, а друг — это друг, в него не влюбляются. Наоборот, твой Владик, если бы и заметил, что ты как-то не так себя ведешь, постарался бы сделать вид, что ничего не происходит. Это я тебе как мужик говорю.

— Ну да! Конечно! Вот прямо так, подойти и сказать? Никто так не делает.

— Уфффф... Что вы за народ, бабье! Никто так не делает, — передразнил он ее, — Кому надо, еще как делают! Подходят сами и берут быка за вымя! И не ноют потом всю жизнь, что ихнюю любоффффь не заметили.

Майя надулась.

— Ладно, ладно, не дуйся, это я так...

— Еще друг называешься...

— Вот потому что друг, потому и говорю. Ты мне лучше вот чего скажи. А с этим Беспольским-то ты зачем мутила?

— Хотела, чтобы Влад ревновал...

— Вот только не надо мне сейчас этого детского лепета про ревность, — Филипп ехидно улыбнулся, — С первого же раза, как увидела, что не действует, надо было менять тактику. Признавайся, давай. Нравился он тебе, что ли? Да?

— Не знаю... Не хочу об этом говорить.

Майя нахмурилась. Мужчина понимающе кивнул.

— Тогда скажи вот что... Нет, об этом потом. Я вот что заметил, Майя. Когда ты говорила про Беспольского, ты была совершенно спокойна, так, что-то легкое может проскочит... Стало быть он тебе безразличен. Так?

— Так.

— Угу. А как про Владика твоего заходит речь, так ты прямо сама не своя. Эмоции так и хлещут. Хочу тебе сказать, мадам Сухова, что ежели ты обиду на него все двадцать лет держишь так, как будто это было вчера, это, матушка, о многом говорит... Это диагноз, матушка.

— И что за диагноз.

Она уже поняла, что сейчас скажет Филипп, но знала, что выслушать его нелицеприятные откровения надо. Сама затеяла.

— А то, Майя, что у тебя к нему до сих пор сильные чувства.

Оставалось только согласиться.

— И теперь, возвращаясь к тому, что я хотел спросить... Майя Михайловна, позвольте вам задать вопрос интимного свойства. Чисто в целях анализа и как друг.

— Задавай, — вяло ответила она.

— Ну, тогда скажите, девушка, вот что. Романов за Вами замечено не было, замуж не вышли... Что за двадцать лет, что ли... Ни-ни? Никакого секса? В книгу рекордов Гиннеса собрались?

— Не придуряйся! Просто не хотела ни с кем любовь крутить.

— А... Ну тогда я спокоен. В книгу рекордов тебе не попасть...

Филипп с минуту смеялся, отбиваясь от рассерженной Майи. Потом утомился:

— Ну, не фырчи, как рассерженная кошка. Это же в целях анализа. И кстати, это тоже диагноз. За двадцать лет не найти никого! Будто все мужики кругом вымерли. Это, матушка, тот еще диагноз.

— Я просто...

— Что, просто? Вот-вот. Просто никого вокруг не видела. Это я к тому, что чувства твои к этому Владу Марченкову никуда не делись. Конечно, ты будешь сама решать, я просто анализирую то, что ты мне рассказала. Это твоя жизнь. А теперь позволь, так сказать, наложить мое резюме.

— Говори уж.

— Знаешь, из всего этого у меня сложился вывод. Жизненный ПАРАДОКС. Представь себе, Майя, но то, что вы тогда с этим твоим любимым Владиком не поженились, было большой удачей именно для тебя.

— Это почему же?

— Ах, дорогая, это элементарно. Ну, поженились бы вы тогда, и что было бы?

— Что?

— А то, что он тебе всю кровь бы выпил. Ты бы ему в глазки заглядывала, пылинки сдувала, стелилась ковриком, а он мотался как мартовский кот. Что за семейной счастье тебя с ним ждало, сама подумай. Да еще и непременно попрекал бы всю жизнь тем, что из-за тебя ахххх, каких возможностей лишился, наступил на горло своей песне и т. д. и т. п. И еще, ты рядом с ним всегда чувствовала бы себя ущербной. Тебе это надо было? А теперь что мы видим?

Спорить с ним было трудно.

— А теперь этот тип каждый день сидит у тебя под окнами, как бездомный барбос. Все, Майя Михайловна, теперь власть поменялась — скидывай сапоги! Теперь его очередь тебе в глазки заглядывать. Теперь он твой с потрохами. Хочешь — бери, не хочешь — выкинь. Тебе выбирать, надо оно или не надо.

Вот она и думает, выбрать бы еще, надо оно или не надо. Они просидели молча минут десять. Майя осмысливала, а Филипп просто смотрел в окно. Потом Майя проговорила:

— Спасибо тебе, Филипп... Ты прости... что я ничего не замечала...

— Ой, успокойся, ради бога. Твоим другом быть намного лучше. Что может быть лучше свободного человеческого общения?

— Филипп...

— А женщину свою я просто пока не встретил. Вот встречу, тоже буду у тебя совета просить.

— О, я тебе насоветую, даааа!

— Я как-то не сомневался, ехидная Вы наша. Ладно, удачи тебе.

— И тебе удачи.

Сорокаминутное окно в расписании закончилось, они разошлись по делам. Филипп думал про себя, что все бабы ужасные дуры, даже если они доценты, умницы и просто отличные люди. А Майя думала, что парадоксы в жизни, конечно, интересные вещи, но лучше бы они случались не с ней, а 'где-то далеко в горах, только не в нашем районе'. Решать ей совершенно ничего не хотелось. Вспомнила Беспольского и, как ни странно, улыбнулась. С высоты прожитых лет ее дурацкий роман с ним казался таким... глупым и безвредным. Не неприятным, нет. Но не оставившим в ее душе следа. Она улыбнулась снова. Может и правда, ей стоит поблагодарить Альку за то, что он тогда вмешался?

День великих откровений еще не закончился. Беспольский встретил Влада Марченкова в холле гостиницы, и мужики пошли посидеть в бар. День Влад потратил на то, чтобы приобрести кое-что для развития своего будущего бизнеса. Единственное, что он почерпнул из жизни в Штатах, так это то, что долго сидеть без дела нельзя, ибо деньги имеют обыкновение кончаться, а без денег сами знаете. Алик хоть и готовился сегодня к разговору весь день, но принять для храбрости ему было необходимо. Впрочем, Владу тоже было необходимо, чтобы суметь услышать то, что друг собирался рассказать.

После пары глотков Алик понял, что дальше тянуть нечего, прочистил горло и начал:

— Владька, я вот что... Что хочу тебе сказать...

Владька был хмур и смотрел внимательно в свой стакан.

— Говори, валяй.

— Кхम्म... Если бы это было так легко.

— Говори уже, — поморщился Влад.

— Я про Майю...

— Я уже понял.

— Влад, я тогда... Блллиин... Короче, тогда я стал за Майкой... Тьфу! Надо еще выпить...

Выпили еще. Алик тяжело вздохнул и начал рассказывать, как в прорубь нырнул:

— Я тогда специально... нарочно встал между вами. Заметил, что она начинает тебе нравиться и...

Влад хмыкнул:

— Нарочно... Так она что, совсем что ли тебе не нравилась?

— Нет. Нет. Она мне нравились, очень нравилась... — он затряс головой, — Любить-то ее я как раз-таки любил... Как выяснилось потом. Я и сейчас еще... Но не в этом дело. А в том, что, заметив твой зарождающийся интерес к ней, я встал между вами.

— Если ты ее любил, тогда о чем ты...

— Владик, то, что я сделал, называется подлость. Потому что я с самого начала не планировал иметь с ней ничего серьезного. Я знал, что она тебя любит, но в тот момент мне казалось, что она тебя недостойна. Нет, не так... Черт...

Алик как-то странно то ли простонал, то ли промычал, будто у него вдруг заболели зубы. Не зубы, конечно, а совесть запоздалая.

— Она замечательная девчонка, добрая, умная, правильная, красивая... — голос его дрогнул, — Просто мне тогда мне казалось, что... Что... В общем, слишком соблазнительным казался шанс выехать.

Влад только кивал, не глядя на него. Он и сам этим грешен. Ему тоже все глаза застила эта возможность вырваться, казалось, что это один шанс на миллион. Перед этим шансом меркло все. Потому он слушал друга молча, добавить было нечего.

— Прости. Мне казалось, что мы с тобой заслуживаем лучшей доли... Да... Благие намерения... — он вздохнул и опрокинул еще стопочку, — Тогда я влез между вами и просто спровоцировал ее. А тебя познакомил с Роксой. Ну а дальше... дальше вышло, как вышло. Сам все знаешь.

— Ты мне вот что скажи. Ты любил ее?

Алик посмотрел другу в глаза и признался:

— В тот момент я еще не понимал, но потом, после того как спровоцировал ее, чтобы она меня бросила... И особенно после, уже когда женился на Нельке... Вот тогда-то я понял...

— А она? Она тебя любила?

— Нет. Не любила. Обижалась на тебя, и со мной была тебе назло.

Владу стало даже жаль Алика. Приятного мало, когда ты знаешь, что с тобой встречаются только для того, чтобы досадить кому-то или вызвать его ревность.

— Но ты ей хоть нравился?

Беспольский бессильно пожал плечами и криво улыбнулся:

— Она сказала, что чуть-чуть... чуть-чуть нравился.

Марченков молчал долго, Алику стало не по себе.

— Владька, прости меня, если сможешь. Но если не сможешь... Я пойму...

— Что тут сказать... Обвинять тебя в том, что я не видел в ней женщину? Не хотел видеть ее любви, и сам от нее отказался? Легко отказался. Прямо как в басне, — он мрачно хохотнул, — Собака шла по мосту, а кость во рту держала... Позарился на пустое... Тоже ведь думал, что достоин лучшей доли. За это мне тебя винить нечего.

Он опрокинул стакан, выпив его содержимое одним глотком. Потом налил еще. Чтобы говорить правду, надо было набраться сил.

— Что все вышло совсем не так, как мы себе по глупости, да по молодости представляли? Так это жизнь. За это тоже, кроме как самого себя, винить некого. Ты если и виноват, то только перед Майкой.

Алик сидел, закрыв ладонями лицо и покачивая головой.

— Я виноват, виноват перед ней, Владька... Но я был тогда так счастлив, когда... Так счастлив, как никогда потом. Вот только счастье мое было ворованное и недолгое...

Он провел ладонями по лицу, словно стирая с него воспоминания:

— Владька, она меня простила... Удачи мне пожелала... Владька...

Влад улыбнулся одними губами:

— Ну, раз пожелала, значит, будет тебе удача. Вот бы она меня еще простила...

Выпили еще.

— Влад... А что сын?

— Что-что... Знать меня не хочет.

Теперь уже они замолчали надолго. Негромкая грустная музыка лилась из динамиков, настроение у обоих было невеселое. Потом Алик выдал-таки свою мысль:

— И все-таки, повезло тебе. Не зайти ты тогда к Майке попроситься, не было бы у тебя сына. И не зайти ты сейчас ее проведать, так ничего бы и не узнал.

— Эх... Мне повезло тогда, в пятом классе, когда Майка со мной дружить стала. А я, дурак безмозглый, ни черта не понял, ни тогда, ни потом. Не понял своего счастья...

Вздыхнул, переживая заново то страшное опустошение, что навалилось на него, когда Майка велела ему убираться из ее жизни.

— Давай напьемся, что ли...

Алик чувствовал себя как помилованный преступник, неожиданная свобода для которого еще толком не ощущается, зато есть остаточный страх, что все может повернуться вспять. Потому предложение напиться было воспринято с энтузиазмом.

В тот вечер на имя Нелли и Эммы Беспольских в этой же гостинице был снят еще один номер, в котором и поселились две бдительно следившие за мужем и отцом дамы. Успокоилось всё только когда пьянющие господина Марченков с Беспольским, важно покачиваясь, расползлись по своим берлогам.

Главный наблюдатель Эмма, проследившая за тем, чтобы объект X (т. е. папа Алекс) успешно добрался до места, разбудила мать, которая от нервного перенапряжения вместо того чтобы бдить, просто заснула на посту в холле, пуская слюну по подбородку. Отправила неудавшуюся агентшу спать в номер. Хотела было пойти в бар, но передумала, тоже пошла спать, бормоча по дороге:

— И вот что бы они делали без меня? Как дети. Ни на минуту нельзя оставить без присмотра.

Да здравствует молодое поколение, выбирающее пепси. Ибо пепси хоть и способно растворить стенки кишечника, зато мозги, мозги-то как прочищает!

Майя выглядывала в окно кухни весь вечер. На скамейке в сквере никого не было. Странное дело, она почему-то огорчилась. Стало даже как-то грустно, словно чего-то не хватает... Ушла к себе в комнату и улеглась спать.

Последняя мысль, промелькнувшая в пьяной голове Беспольского, была — завтра зайти попрощаться с Майкой перед отъездом и поблагодарить ее за всё.

А Владька Марченков все ворочался с боку на бок. Залитые водкой мозги никак не могли выловить причину беспокойства. Потом она все-таки всплыла — он же хотел пойти к Майке, хоть на окна глянуть... Но мысль мелькнула и утонула. Владика утянуло в сон.

Эмма перед сном прикидывала, как бы ей в обход матери уже выйти на связь с отцом и предупредить его о готовящейся экзекуции. Дочери по странному капризу природы всегда любят отцов.

Нелли просто уже спала. И снились ей разные кошмары, в которых она то убивала своего любимого Алекса изощренными способами, то смотрела, как он целует ту, другую бабу. Трудно сказать, что вызывало у нее более бурный отклик, сама ответить не могла, ибо была в анабиозе.

Сережа Сухов тоже смотрел вечером в окошко. И думал:

— Убрался, наконец. Вот и пусть катится туда, откуда пришел. Скатертью дорога. Сдался он нам, жалеть не будем! — но непонятное послевкусие все-таки оставалось.

А Майя Сухова не чувствовала ничего. Ни-че-го. Опустошение. Все. Ушел. И хорошо. Не долго-то и пытался... Все мужики такие, никто не заслуживает доверия. Ничего, завтра будет новый день, а потом еще один новый день, и еще. И все забудется.

У одного Василиса все было прекрасно. Он знал то, что знал, ибо кот был мудр и провидел истину.

Алексей Беспольский снова пришел к ней в Университет и просит уделить ему немного времени для беседы и готов подождать в вестибюле. Дэжа вю какое-то... Майя Михайловна с минуту переваривала информацию. Потом передала, что встретится с ним в обеденный перерыв. Вроде обо всем поговорили, что еще могло случиться?

На всякий случай Майя встретила его слегка настороженно. А вот Алик Беспольский просто сиял. Поздоровались, он даже галантно поцеловал ей ручку. Майя не выдержала:

— Беспольский, прекращай, меня и так сплетнями замучили.

Тот понимающе улыбнулся:

— Ладно, ладно, пошли в кафе?

И они пошли в то же кафе, что и вчера.

За их передвижениями опять следил автомобиль. А в автомобиле — доведенная до белого каления преступным поведением мужа Нелли и уставшая сдерживать ее агрессию Эмма. Нелли сегодня уже не жевала ириски — вчера здорово прикусила щеку. Это делало ее еще более раздражительной, все-таки сладкое улучшает настроение женщин в любых ситуациях. Сегодня она просто истекала ядом:

— Нет, ты посмотри, посмотри на этого старого павлина! Ты посмотри, как он хвост распушил! Бизнес говоришь?! Брехня! Да он к ней помидоры подкатывает! Ты посмотри, нет, ты посмотри!

Эмма на эти реплики не отвечала, потому как ответ Нелли все равно не требовался, она прекрасно обсуждала все сама с собой. Дочь в это время усиленно размышляла, чем бы отвлечь разъяренную мать от созерцания того, как папа любезничает с той дамой из NN Университета. И в какой-то момент упустила ситуацию. Буквально на полминуты, но этого оказалось достаточно.

Сегодня Беспольский был весел и напоминал того Алика, которого Майя знала со времен первого курса. Они даже повспоминали те блаженные времена, когда их троица еще была не разлей вода, и никакие карьерные планы и любовные дела им жить не мешали. Он сразу рассказал ей, что признался во всем Владьке.

— А он что? — спросила Майя, слегка напрягшись.

— Ты знаешь... Он сказал почти тоже, что и ты. Что он сам во всем виноват. Сказал, чтобы я у тебя прощения просил.

— Я же тебя уже простила, — удивилась Майя.

— Простила... Маечка, благослови тебя Господь, сняла ты с моей души камень. Счастья тебе желаю огромного.

— Спасибо, Алька, и тебе тоже.

— Эх, Маечка, а я несчастлив. Ты знаешь, они ведь... Нелли... Я... В общем безразличен я ей. Ее не интересует, что я чувствую, главное, чтобы исправно деньги зарабатывал. А что у меня на душе, чего я хочу, или не хочу... Эх-х-х-х... Я для них просто кошелек. Безразличен я им. И жене и дочке, — он взял ее руку в свои, легко погладил и поцеловал, — Никто меня не любит, Маечка... Никому я не нужен...

Как раз в этот момент двери кафе резко распахнулись, и в зал влетела Нелли.

Беспольский привстал и открыл рот от изумления:

— Нелли... Ты как здесь оказалась...?

— Это ты мне скажи! Как ты здесь оказался?! — прошипела она, глаза ее горели как у дикой кошки, в них светилась жажда мести, ревность, обида, боль разбитой любви и желание вернуть своего мужчину, во что бы то ни стало.

Зал кафе был небольшим и полупустым, времени на размышления особо не было. Пока Нелли шла через зал к их столику, Майя взглянула на Беспольского, ошарашенного внезапным появлением жены, улыбнулась ему и сказала:

— Никто не любит, говоришь? Ну да, ну да! Не профукай свое счастье, удачи тебе!

Потом встала и обратилась к подошедшей Нелли со словами:

— Не сердитесь, он ждал здесь Вас. Всего Вам наилучшего.

И так же весело улыбаясь, пошла к выходу. Не каждый день становишься свидетелем подобной сцены, достойной латиноамериканского сериала, В дверях на нее чуть не налетела высокая девушка лет восемнадцати, подозрительно похожая на Алика Беспольского. Девушка бросила быстрый взгляд на бурно жестикулировавшую парочку за дальним столиком, потом вновь взглянула на Майю Сухову и вдруг широко ей улыбнулась:

— Здравствуйте, я Эмма Беспольская, дочка этих двоих, — качнула головой в сторону шумного столика, — А вы та самая знаменитая Майя Сухова?

— Здравствуйте, да, это я, — Майя протянула девушке руку, та с готовностью ее пожала.

— Мне очень приятно, рада Вас видеть.

— Мне тоже.

Они обе оглянулись на выяснявших отношения Беспольских, и Майя поняла, что самое время ей уходить:

— Ну, мне пора, — кивнула девушке и быстренько исчезла.

А сцена, разыгравшаяся в мирном кафе, была достойна более пристального внимания. Когда Майя отошла от столика Нелли с размаху плюхнулась на стул напротив своего блудного мужа, который все еще не верил свои глазам:

— Нелька... откуда ты здесь?

— Не ждал, да! — так могла шипеть рассерженная пантера.

— Нелька, ты что... сорвалась за мной...

— Думал, уедешь на блядки в Россию, и я ничего не узнаю?! — шипение стало на тон выше.

— Нелька, ты что? Совсем рехнулась? Какие блядки?

— Бросить меня решил, да?! — нервы у Нелли сдала окончательно, в голосе появились истеричные нотки.

— Нелли!

— Подлец! Я тебе всю свою молодость отдала! А ты?! Что, постарела, решил меня бросить?! Да?! — Нелька наконец разрыдалась, — Ненавижу! Моей любви тебе мало?! Мало?! Да?!

— Нелли, уймись... — он пытался взывать. Пытался.

— Двадцать лет... — она было притихла всхлипывая, а потом взорвалась с новой силой, — Бросить нас с дочкой решил?! Тебе наплевать, что мы тебя любим?! На приключения потянуло?!

Вся эта ситуация была для Беспольского как удар обухом по лбу. Он круглыми глазами смотрел на рыдающую жену, на дочку в дверях, и до него медленно-медленно доходило. В

какой-то момент ему стало смешно, но мужчина видел, жена всерьез расстроена, и не в состоянии оценить весь комизм ситуации. А Нелли между тем уже немного успокоилась и стала говорить тише, почти шепотом, но зато и горше были теперь ее откровения:

— Я всегда замечала, что ты равнодушен ко мне, с самого первого дня. Видит Бог, я старалась, старалась пробиться к тебе. Но ты всегда был закрыт. Не желал меня пускать в свой проклятый внутренний мир! Я надеялась, может хоть через постель... Но и тут ты умудрялся отгородиться. Только тело. И никогда душа. Никогда! Не любил меня никогда.

Он замолчала, глядя в одну точку, видимо много сил отняло это признание. Алик только глазами хлопал. С этой стороны он вообще никогда на жизнь не смотрел. Выходило, что это он монстр бездушный. Черствый, эгоистичный пользователь, не желающий знать ничего о чувствах близких людей. Даааа...

К ним подошла Эмма, с тревогой взглянула на родителей. И столько любви и заботы он вдруг увидел в глазах дочери, что устыдился своих слов, сказанных Майе, устыдился этих малодушных жалоб размякшего слабака. Его-то, оказывается, любят. И жена, и дочка. Его, оказывается, любят настолько, что бросили всё и примчались вслед за ним на другой конец света. Что его, оказывается, боятся потерять. Что он не просто бесплатное приложение к бизнесу, а еще и любимый муж и отец!

И вывод напрашивался только один. Что ему можно просто позавидовать, как ему в жизни повезло! Да он просто счастливчик! А он-то дурак слепой...

Ай да Майка... Ай да ангелок...

Нелли все еще всхлипывала:

— Не нужны значит стали... Бросить нас решил...

Тут в нем проснулся мачо. Он грозно шикнул на жену:

— А ну перестань. На тебя все смотрят. Сейчас же пошли отсюда, — вытащил ее из-за стола и подхватил под руку.

Скандалное семейство наконец-то покинуло кафешку. Нелли хоть и чувствовала себя вымотанной, но запал у нее еще оставался, и время от времени из нее начинали сыпаться новые жалобы и обвинения. Беспольский на ее обвинения в основном молчал, но старался обнять жену, и держал ее бережно, терпеливо пережидая очередную порцию обидных слов. Что ж, он заслужил. Нельзя быть таким слепым (в исполнении Нелли это звучало скорее как «тупая задница»).

Эмма, с тревогой наблюдавшая за ними вначале, теперь успокоилась и, помахав папе с мамой ручкой, сказала:

— Ну, меня ждет шопинг. Пойду-ка я, пройду по магазинам, родственников навещу... А вы тут не поубивайте друг друга. Пока.

Девушка ускользнула по своим делам, а чета Беспольских продолжила выяснять отношения.

Сначала они посидели на скамейке на улице, говорили. Потом в машине, потом посидели на диване в вестибюле гостиницы, снова говорили. Потом он предложил поужинать в ресторане. В ресторане тоже говорили. Говорили о том, чего никогда не касались раньше, думая, если обходить эти темы, то можно на них закрыть глаза, словно их нет. Нельзя, потому что недоговоренное всегда стоит между людьми сомнениями и непониманием.

Он рассказал ей все, чего не рассказывал раньше, про их институтскую дружбу, про его подлость по отношению к Майке, про чувство вины, и вообще, про чувство (не все, конечно,

все рассказать нельзя было). Про то, как приходилось нещадно ломать себя, чтобы выжить в той Америке. Про то, как страшно осознавать себя ущербным и жалким. Про то, что ощущал себя одиноким и никому не нужным. Ни ей, ни дочери.

А она тоже рассказала то, о чем вообще молчала всю жизнь. Про то, что он понравился ей с первого взгляда, что хотела его заполучить любой ценой. Надеялась, что сможет покорить его, стать для него единственной любимой. Про то, как страшно переживала, видя, что он надрывается и ломает себя, как всеми силами старалась помочь. Как боролась с той стеной, что он вокруг себя выстроил. Как горько было признать свое поражение, потому что полюбила его больше жизни. Как потом смирилась, перестала к нему лезть, и просто была рядом, любя его издали и ожидая с глупой надеждой, что может быть, его сердце все-таки оттаает. Как дочка переживала за них, даже ушла отдельно жить, чтобы дать родителям возможность как-то наладить свои отношения.

И выходило, что они просто живущие рядом одинокие люди, которым и нужно-то всего ничего — немного тепла друг от друга.

Кончилось это тем, что мачо, проснувшийся в Алексее, нежно погладил жену ладонью по щеке, коснулся пальцами губ и спросил шепотом:

— К тебе или ко мне?

— К тебе, — задыхаясь, ответила Нелли, — У меня в любой момент может Эмма прийти.

Что сказать, финал водевиля был достоин Толстого и Достоевского.

Странное дело, после той сцены в кафе настроение у Майи Суховой было приподнятое весь день. Даже как-то отошли на задний план собственные проблемы. Она готовила ужин — тефтельки, Сережа любит, да и Василис тоже. Кот сидел рядом на стуле и внимательно следил за тем, как хозяйка лепит из фарша шарики, провожал взглядом каждый аппетитный колобок, отправлявшийся на сковородку. Майя негромко переговаривалась с пушистым рыжим экспертом по вкусным мясным блюдам и мельком, уже по привычке поглядывала в окно. Нет, она не надеялась увидеть там никого на скамейке, она знала, что на скамейке никого не будет. Во всяком случае, того, кого она не ждет.

И вдруг застыла. Там он. Сидит на скамейке. Сердце замерло, а потом заколотилось как бешеное. На лицо неожиданно напозла улыбка. Кот уставился на нее, наклонив усатую морду набок и как-то даже умудрился хитро прищуриться. Тут она спохватилась:

— Нечего на меня так смотреть, Василис. Никого я не ждала.

— Да что ты? А я и не сомневался, — ей показалось, что кот изобразил ехидную ухмылку. Не только чеширские коты умеют улыбаться.

— И нечего так ехидно улыбаться. А то получишь одну вермишель вместо тефтелек.

— А вот это было жестоко! Лишить меня тефтелек! — кот обиженно отвернулся, сполз со стула и, задрвав хвост, важно покинул кухню.

Сергей тоже заметил, что пост на скамейке этим вечером не пустует. С некоторой тревогой незаметно наблюдал за матерью, она сегодня была весела, шутила. Ну раз так... Сделаем вид, что ничего не происходит.

На это раз повидаться с Майей Михайловной Суховой в NN Университет пришла Эмма Беспольская. Когда Майе Михайловне передали, что еще кто-то из семьи Беспольских

пришел к ней, просит уделить немного времени для беседы и готов подождать в вестибюле, она просто расхохоталась. Конечно, она встретится, у нее двадцать минут свободного времени, сейчас спустится в вестибюль. Филипп Рудинский, случайно оказавшийся рядом, не мог удержаться, любопытство оказалось сильнее. Он пошел вслед за Майей.

Майя Михайловна спустилась в огромный холл родного Универа, где ее ждала дочка Алексея Беспольского. Откровенно говоря, женщина недоумевала, зачем она могла понадобиться этой девушке. А Эмма Алексеевна Беспольская тем временем разглядывала доски с разнообразнейшей информацией, висевшие на стенах. Увидев Майю Сухову, улыбнулась и пошла навстречу

— Добрый день, Майя Михайловна.

— Добрый день.

— Я пришла поблагодарить Вас.

— За что?

— О, благодаря Вам родители помирились, они... Знаете... Как будто наконец смогли увидеть друг друга. Спасибо.

— Ох, — Майя отмахнулась с улыбкой, — Я ничего не сделала.

Эмма еще раз осмотрелась вокруг:

— Здесь учился папа?

— Да. Мы здесь учились. А сейчас я здесь преподаю.

Эмма кивнула. Майя заметила интерес девушки к происходящему в холле и спросила:

— А ты? Какие у тебя планы.

Девушка только собиралась ответить, как вдруг ее взгляд сфокусировался на чем-то за спиной Майи. Майя обернулась, к ним подходил Филипп. Вид у него был неожиданно заинтересованный. Подошел, поздоровался. Состоялось взаимное чопорное представление участников этой сцены, достойное викторианского романа. И тут Эмма, стрельнув в Филиппа Павловича Рудинского плазами, спросила Майю Сухову:

— А скажите, у вас иностранные студенты учатся.

Майя только собиралась ответить, как вместо нее заговорил Филипп. Он слегка насмешливо оглядел девушку и мягко, но уверенно ответил:

— Да, но это не каждому по зубам. Тем более...

Договаривать не стал. Мол, сама пойми. Эмма выпрямилась, задрав подбородок и слегка прикусив губу, смерила его оценивающим взглядом с ног до головы, а потом выдала:

— Вы, господин Рудинский, плохо знаете Беспольских. До свидания, Майя Михайловна. Я не прощаюсь.

Бросила ему еще один взгляд, в котором ясно читался вызов, и ушла. Слегка ошарашенная Майя взглянула на своего коллегу и друга. Тот пристально и как-то хищно смотрел девушке вслед. Куда делась его флегма, его сутулость, руки в боки уперты, даже ростом выше стал. Потом словно пришел в себя и повернулся к Майе, пытаясь вести себя, как ни в чем не бывало. Но поздно, она-то все заметила.

— Быка за вымя, говоришь? Ну-ну... — подумала Майя, а вслух ехидно спросила, — Вам на лекцию не пора, господин Рудинский?

Вечером пошел дождь. Майя тревожно выглядывала в окно. Сидел он. Сидел там, под дождем. Как немой укор. В конце концов, не выдержала, накинула плащ, взяла зонт и вышла. Когда она уже была в дверях, ее окликнул Сережа:

— Куда на ночь глядя? Дождь во дворе.

— Мне надо...

— Какого черта! — взбеленился сын, — Пусть катится к себе! Нечего сидеть тут, давить на жалость!

— Сережа! На улице дождь.

Сын зло фыркнул и ушел к себе в комнату.

Дождь припустил сильнее, Влад успел промокнуть, но не хотел замечать этого. Он сидел здесь, вспоминая, как провожал Альку. Вид у Альки теперь был умиротворенный и слегка смущенный одновременно. Будто отгреб от жизни подарок, но сам еще толком ничего не понял. Повезло парню, его Нелька рядом с ним, в глаза смотрит, пылинки сдувать готова. Дочка... Тоже с ним... Эх...

Майю он заметил не сразу, был погружен в свои мысли, только когда она подошла вплотную. А как заметил, задохнулся от неожиданности, онемел.

— Влад, иди домой.

— Нет, — мужчина качнул головой, потупился.

— Влад, дождь на улице.

— Ничего, — не поднимая головы.

— Влад... Чего ты хочешь...

О, он много чего хотел, очень много... Но просить об этом не решался. Потому сказал самое простое, человеческое:

— Есть хочу, Майка... голодный я... Котлеток бы... — и посмотрел на нее и сглотнул.

Добил. Добил он ее этим жалобным «котлеток».

У нее набежали слезы:

— Пойдем. Не надо сидеть под дождем. Ужином накормлю.

Он ничего не ответил, потому что слова не пролезали в горло, там встал ком, и по щекам потекла вода, но только не от дождя. Поднимаясь вслед за Майей, Влад Марченков боялся поверить тому, что его, наконец-то, впустят. Впустят туда, куда ему так отчаянно хотелось.

Сергей встретил их в прихожей. Глянул волком и ушел в свою комнату. Марченкову стало не по себе, но Майя позвала его, и он пошел вслед за ней:

— В ванной полотенце, вытрись, мой руки и иди в кухню.

Женщина, стараясь не смотреть на гостя, вертелась в кухне, фарш у нее в холодильнике был всегда, а пожарить котлетки недолго. Мужчина тихонько сидел за столом и чувствовал себя как бездомный пес, наконец-то нашедший свою хозяйку. Майя выложила тарелку с горячими ароматными котлетами на стол, вытащила из холодильника разносолов, салат, нарезала хлеб, заварила чай. На запах пришел Василис, спавший на диване, уставился на Владу с любопытством. Потом перевел взгляд на хозяйку, подошел к ней потерся мордой о ноги, выражая сердечную привязанность. В этот момент в кухне возник мрачный Сергей. Прямо как статуя командора. Влад напрягся, ожидая неприятной сцены, потому как парень

разве что не дымился от еле сдерживаемого недовольства. Отец смешался под взглядом сына, Майя отвернулась.

Василис оценил обстановку мгновенно, понял, что пора, самое время. Как старший мужчина в этом доме, он должен вмешаться и четко высказать свое мнение. Кот подошел к Владу, потерся о его ноги, задрал голову, мурлыкнул что-то и влез мужчине на колени. Тем самым говоря:

— Я не против. Пусть себе сидит, раз уж хозяйка захотела его в дом запустить.

Сын сердито и шумно выдохнул и вышел из кухни. Мать вышла следом, но парень закрылся у себя в комнате. Его неприятие и недовольство осязаемо висело в воздухе. Хорошего настроения это добавить не могло. Решение принимать надо, и ошибиться нельзя. Чувствовала себя Майя сейчас так, словно ей предстоит по минному пойти. Вот только зачем ей это надо? Надо? Зачем?

Она села на диван, с дивана ей хорошо было видно мужчину, сидящего в кухне. В подмокшей одежде, правда, волосы почти успели высохнуть... понурый, подавленный... Он был жалким.

Когда-то давно, очень давно, а впрочем, не так уж и давно... она испытывала к нему совсем другие чувства. Он был каким угодно, прекрасным, независимым, недостижимым, слепым, бессердечным, но жалким не был.

Жалость. Нужно ли ей это? Сможет ли она терпеть жалкого мужчину рядом? Хватит ли ей одной жалости для счастья?

Нет. Не хватит. Для счастья нужно восхищаться мужчиной, рядом с которым ты живешь. Значит, нет. Ничего не выйдет.

Владислав задумчиво гладил кота, скармливая ему крошки от котлетки, а тот смотрел мужчине в глаза и определенно делился какой-то важной информацией, только мужчина не мог понять, какой. В кухню вошла Майя, прошла к окну, постояла некоторое время молча. Потом повернулась, он замер, не сулило ничего хорошего выражение ее лица. Не ошибся.

— Влад, тебе пора уходить.

Мужчина спустил Василиса на пол, медленно, нехотя встал и пошел к двери. Кот потрусил вслед за ним. Майя открыла дверь и сказала:

— Прощай Влад. Не надо приходить больше.

Он понял, что это была разовая акция милосердия. Больше его здесь видеть не хотят. Стало больно дышать. Ничего не сказал в ответ и вышел за дверь, обернулся, глядя на женщину, которая не позволяет ему остаться в этом уютном мире, куда ему до смерти хочется попасть. Но прежде, чем Майя успела закрыть эту самую дверь, перед ней резво забежал кот. Выразительно заглянул в глаза мужчине и промурлыкал какую-то фразу на кошачьем языке.

Всё. Дверь закрылась. Мир закрылся. Он остался вне.

Влад повернулся спиной к двери этого закрытого для него мира и думал. Думал, что, видимо, придется уйти, но все в душе поднималось против. В груди, словно ребра выламывало от ощущения неправильности.

Майя тоже стояла, прислонившись спиной к двери, но только с другой стороны. Она решила свою судьбу в очередной раз. Это ничего, что сейчас сердце болит, это пройдет. Вышла на кухню, взгляд метнулся в окно. На скамейке пусто. Ушел. Сами собой сложились губы в скорбную усмешку. Значит, ей судьба быть одной. Значит, так тому и быть.

Он спустился на один марш, постоял на лестнице минут десять. И только потом до него

дошло, что ему хотел сказать старый жирный рыжий кот-философ:

— За свою кошку надо драться! Они любят победителей.

Ндаааа... В данный момент он победителем себя не чувствовал.

Но, черт побери! Мало ли что она там себе решила. Мужик он, или где? Он все равно ее добьется! И начнет прямо сейчас. Мужчина решительно вернулся к двери и позвонил.

Звонок вывел Майю из раздумья и заставил вздрогнуть. Кто? Она посмотрела в глазок, удивилась. Владька Марченков. Забыл что-то? Открыла.

Тот был стремителен, как пикирующий бомбардировщик. Притянул ее к себе, впился поцелуем. Не ожидала, не была готова, да и не было сил противиться. Потому что стало вдруг так блаженно хорошо, так... Он оторвался, глянул горячо в ее растерянные глаза, а потом сказал, выравнивая дыхание:

— Я приду завтра. И послезавтра. И так будет каждый день. И я больше никуда не собираюсь уходить. Всё. А теперь иди спать.

Быстро прикоснулся поцелуем к ее губам, и закрыл за собой дверь. Она так и осталась стоять в прихожей, касаясь пальцами губ и глупо улыбаясь. А мужчина ушел окрыленный, радостно дыша полной грудью. И дождь на улице уже не был теперь досадной неприятностью, а просто... просто помогал остудить горячую голову.

Забавно и смешно. Они оба были как школьники, впервые поцеловавшиеся и открывшие для себя мир чувств.

Странно сложилась жизнь этих двоих. Как будто кто-то забросал камнями и валежником русло ручья, не давая воде течь свободно. И она стояла, вода. Больше двадцати пяти лет стояла вода их жизни. А теперь как будто, наконец, нашла себе дорогу и потекла на волю.

Василис сидел на подоконнике и смотрел вниз. Видел, как уходит по улице этот странный мужчина, к которому хозяйка неровно дышит. Он заметил, что и мужчина этот тоже смотрит на нее, как на свою кошку. Только боится заявить права, не решается. Ну, пришлось помочь.

— Жалко ее, хозяйку-то. Сынок ее, тоже тот еще кот, скоро себе свою кошку найдет. А она что же? Совсем одна будет? Я-то ведь не вечный, за ней присматривать... Эх... Ну, правда, я таких тупых людей давно не видел, раз десять ему пришлось повторять, пока что-то понял. Хорошо, хоть дошло, наконец.

Кот облизнул усы, лениво вытянул лапку, лизнул было, потом решил, что займется туалетом после. Свернулся толстым пушистым клубком и задремал с мыслью:

— Теперь и помирать не страшно. Но я, конечно же, поживу еще. Даааа.

Ну, вода-то может быть на волю и потекла, но когда первая эйфория от внезапности момента прошла, Майя испугалась. Испугалась себя, того, с какой легкостью она, пусть и на несколько минут, но снова впустила его в свое сердце. Вместе со страхом вернулось недоверие.

Она думала об этом всю ночь и, разумеется, Майя не простила Владьку Марченкова за один вечер. То есть, по-христиански она не держала на него зла, но полюбить его снова? И слова те, и поцелуй его, все поутру воспринималось ею совершенно иначе. Она приготовилась биться с ним до конца, потому что не верила больше ни единому его слову.

Так что, явление Влада вечером следующего дня чуть не вызвало семейную сцену в доме Суховых. Сергей был против категорически. Что и выказывал всем своим видом. Майя была бледна, насторожена и холодна, сцены ей не хотелось. Один кот был к гостю лоялен. Влад понял, что на один шаг вперед пришлось по меньшей мере два шага назад. Но сцены ему тоже не хотелось, и заставлять женщину лишний раз нервничать не хотелось. И без того она натерпелась в жизни по его милости. Мужчина был доволен и уже и тем, что ему позволили войти, это была победа. А потому, посидев минут пять, ушел. В дверях снова глянул на Майку голодным взглядом, однако сдержал себя. Нельзя спешить, нельзя снова все изгадить. Доверие надо заслужить. И, прежде всего, ему надо заслужить доверие сына. Он будет добиваться этого медленно, исподволь, и придется смириться с тем, что еще не скоро на него посмотрят без неприязни. Если вообще посмотрят.

Днем Марченков занимался бизнесом. Мобильные телефоны. Купил пару салонов сотовой связи, дело живое, прибыльное. Должно пойти хорошо. А по вечерам приходил к ним, к тем, кого считал своей семьей, хотя они его своим не считали. Ненадолго, на чашку чая. Был вежлив, корректен.

Майя чувствовала себя ужасно. С одной стороны, зная отношение сына, каждую минуту ждала взрыва. С другой... С другой так и не решила. Но так легко этого мужчину пускать в свою жизнь не собиралась. Она к нему приглядывалась, все ждала, когда же он «срежется», когда же ему надоест, и он свалит. А он уже неделю таскается, конфеты приносит. Выпьет чаю, посидит пять минут и уходит. Смотрит голодными глазами. Достал.

Через неделю Сергей не выдержал.

Пришел в кухню, сел за стол напротив человека, который был его отцом, но которому сын не хотел давать этого права. Майя почувствовала себя совсем уж не в своей тарелке. И так напряженно было, а теперь и вовсе... хоть ножом воздух режь.

Но сын не собирался скандалить, просто назрело. Спросить собирался, чего этому типу от них нужно? Чего он каждый день притаскивается, чего? Жизни никакой нет!

Майя из-за стола встала, отошла к плите. Отвернулась. Сергей некоторое время молчал, сверля мужчину взглядом, потом все-таки спросил:

— Что вам надо? Зачем вы приходите? Вы же видите, вам не рады.

Влад наклонил голову, повертел в руках чашку, не сразу ответил:

— Я хочу одну легенду рассказать. Это поможет объяснить... Ты позволишь?

Молодой человек покачал головой при слове «легенда» и сказал скептически:

— Что ж. Послушаем вашу «легенду».

Брехню, имел в виду сын, и отец это понял. Вздохнул, провел рукой по волосам и начал:

— Жил один человек, в античные времена, давным-давно... И была у него девушка, а может жена, точно не помню. Красивая. Ее звали, кажется, Лаодика. Не важно. Важно то, что Лаодика его любила. И он ее вроде тоже... Так вот... Как-то раз он случайно услышал рассказ о том, что в городе на берегу бухты Золотого рога, а воды этой бухты розового цвета, живет прекрасная нимфа. В маленьком домике, увитом виноградом. А к домику от самой бухты ведет длинная извилистая мраморная лестница. И тот, кого она полюбит, будет счастливейшим из смертных. Услышал — и все. Потерял покой и сон, решил искать далекую незнакомку, чья любовь сделает его самым счастливым человеком на свете. И ушел. Просто в один прекрасный день взял посох и ушел по дороге. И не обернулся. Странствовал долго. По суше, по морю. Нигде не нашел ни бухты розовой, ни прекрасной нимфы, ни счастья. И тогда понял, врут рассказы, вернулся домой вместе с попутным кораблем. Каково же было

его удивление, когда он увидел в вечернем свете город на берегу бухты, воды которой в закатных лучах были розоватого цвета, а скала над бухтой золотилась как огромный рог. Сошел человек на берег. Домики лепились вокруг бухты, уходя вверх по склону. И лестница та нашлась. Все, как и говорилось, — Влад мрачно усмехнулся, — Он по этой лестнице в гору помчался и увидел домик. Знакомый домик, увитый виноградом. А на балконе стояла Лаодика. Его Лаодика.

Мужчина покачал головой, потер лоб, потом закончил свой рассказ.

— Вот тогда он понял всё. Этот глупый человек понял, что ушел искать какую-то незнакомку, которая подарит ему счастье, по всему миру, а она всегда была здесь. И тот счастливец, которого она любила, это был он. Просто он был слеп, безнадежно слеп, и не видел ничего дальше своего носа...

Майя слушала его вольную интерпретацию старинной легенды задумчиво, молча. Не желая определять, что за чувства он в ней вызывает, удивляясь, откуда этот увалень слова такие поэтичные знает.

— И как же закончилась эта история? — спросил Сергей.

Влад вскинул взгляд на сына:

— Лаодика не захотела его принять. А он с тех пор приходил к ее дому каждый день, в надежде вымолить прощение.

— Ндааа... очень жизненно... — съязвил сын.

— И как, по-твоему, можно простить этого глупца? — спросил отец.

— Не знаю, это дело той девушки, Лаодики.

— Тогда пусть Лаодика и решит его судьбу.

Влад встал, склонил голову, попрощался и ушел. Майя заперла за ним дверь, а Сергей остался сидеть в кухне. Хоть и не хотелось этого признавать, но он понял одно, простить или не простить этого человека, который его отец, вправе только мать. Потому что перед ней он виноват. А значит, ему не надо в их отношения вмешиваться. Мама Майя должна сама принять решение. И странным образом, эта старая легенда заставила его увидеть своего отца с другой стороны. Не как бездумного и бессердечного пользователя, срывающего цветы жизни, а человека, совершившего когда-то ужасную ошибку и теперь мучимого раскаянием.

И тогда он решил, что будет с отцом общаться. Конечно, о «братании» речь не шла. Но здороваться будет.

Как ей это удалось, каких усилий стоило, неизвестно. Только Эмма Беспольская поступила в этом году на мехмат. В NN Университет.

Когда она только заикнулась об том, что хочет там учиться, у Нелли челюсть отвалилась. Да и папа Алекс был ошарашен, а потом проникся гордостью за свое дитя. Мама Нелли тоже, когда первоначальный шок прошел, произвела элементарные подсчеты и пришла к выводу, что это весьма выгодно и экономически целесообразно. Так как учиться в России гораздо дешевле, а качество обучения... Беспольские прекрасно знали, что бы там во всем мире про наше российское образование не говорили, оно и правда высшее, потому что высшее.

Так что пусть девочка пробует, решила семья. Жить есть где, деньги найдутся. А подтвердить свой диплом в Штатах будет не так уж трудно, тем более, что она американка. Засели за подготовку, папа напряг пупок, кое-что с институтских времен еще помнил, а значит, был порох в пороховницах!

Вот так появилась в тот год на мехмате студентка-иностранка.

Стоит ли говорить, что господин Рудинский был потрясен, когда снова ее увидел. А потом слегка невзлюбил. Решил, что надо спесь посбивать с этой дерзкой девчонки, которая смеет на него вызывающе смотреть и нагло улыбаться.

А вот Майя Михайловна обрадовалась дочке Беспольского и даже взяла ее под свою защиту. В смысле от Филиппа Павловича, который все норovil поставить «незнайку» на место.

С начала семестра прошло больше двух месяцев. В расписании было окно, Майя Сухова пригласила Рудинского посидеть в пустой аудитории. Потому как назрели вопросы для совместного анализа. Тот с готовностью откликнулся, ему и самому надо было поделиться массой впечатлений.

Потому что это только с виду Филя Рудинский являл собой «безжизненную каменистую пустыню», на которую девушкам нечего бросать томные взгляды в надежде узреть там цветы любви. На самом деле это был слегка присыпанный пеплом огнедышащий вулкан. Но только вулкан просыпался и реагировал (совсем как пещера Али-бабы на «сим-сим») исключительно при имени Эммы Беспольской.

Взяли по пластиковому стаканчику кофе и по шоколадке, как обычно. Присели в верхнем ряду. На сей раз, очередь признаваться первым принадлежала Филиппу.

— Филипп, что там у вас происходит, что прикопался к девчонке?

— Я? Я прикопался? Да она... Она знаешь что выкинула?

— Ничего я не знаю. За ней никаких нарушений не числится. Не знаю, о чем ты.

Он возмущенно затряс головой и воздел руки к небу:

— Конечно! Естественно! Я все выдумываю.

Майя выжидающе улыбнулась, похоже, сейчас начнутся откровения.

— На той неделе. Она меня заперла в аудитории.

— Что?

— Да! После последней пары.

— Ай, ай, ай... И вы, батенька, так и сидели до утра?

Он скривился:

— Издеваешься?!

— Что ты, как можно? — а у самой улыбка до ушей.

— Издеваешься, — он покивал, — Нет. Я не сидел там до утра. Сама же потом и выпустила.

Майя хохотала в полный голос.

— Но ничего, я ей отомстил. Ага.

— Да?

— Вчера. Запер ее после пар в пустой аудитории.

— Какая жестокость...

Тут он добавил, хищно и победно сверкая глазами:

— Изнутри.

— Что?

— Что-что... Заперся я с ней...

— И...?

Вид у господина Рудинского был мечтательно-сыто-ностальгический, а глаза подернулись поволокой. На что Майя решительно качнула головой и сказала:

— Ну, я смотрю, тебе мои советы не требуются. Анализировать тут просто нечего. Но ты смотри, чтобы девчонку не обижал!

— Майя! Вот только глупости не надо говорить!

— Ладно-ладно. Тристан ты наш, с Изольдой... — фирменная ехидная улыбка.

— Майка... Знаешь... Я никогда не думал, что это так... так...

Майя только рукой махнула.

— Расцвел кактус!

Он грозно свел брови, а потом рассмеялся вместе с ней.

— Ладно, Майка. Мне косточки перемыли. Скажи лучше, как у тебя?

— У меня...

Она на какое-то время ушла в свои мысли, и мысли, очевидно, не были неприятными, потому что женщина улыбалась.

С тех пор, как Сережа начал хоть как-то общаться с Владом, ей стало легче. Исчезла это выматывающая нервозность. Конечно, до нормальных мирных отношений, не говоря уже о родственных, было далеко, как до Луны. Но хоть не вражда. Хоть не надо переживать, что мальчик сорвется. Да и Влад... Да, он не подарок, но все равно нехорошо как-то. Теперь она не была против того, чтобы отец наладил отношения с сыном. Все-таки, Майя сама воспитывалась в традиционной семье, с совершенно определенными ценностями. И ей показалось правильным, что Влад хочет добиться доверия сына. А мужчина стал задерживать подольше, теперь за столом вместе сидели, правда, молча, но...

Ей импонировало то, что Марченков не пытается «купить» сына, а ищет к нему пути. В один из вечеров, провожая его, она в первый раз вышла вместе с ним и прикрыла за собой дверь. Хотела поговорить с глазу на глаз.

— Влад.

Он остановился немного удивленный и честно, говоря, напрягся, не зная, чего ждать.

— Да?

— Я благодарна тебе...

— За что? — он даже смутился.

— За то, что не предлагаешь Сереже деньги, еще какие-нибудь блага жизни... Что не пытаешься «купить», короче.

Он грустно улыбнулся, протянул руку, касаясь ее щеки, и сказал:

— Я знаю, то, чего я хочу, нельзя купить, это можно только заслужить. И я знаю, что это не будет просто. Но я не отступлю.

И посмотрел на нее так...

А неделю назад Сережа приплелся в кухню со своими расчетами, у него никак не ладилось, так и жевал — одним глазом в записи пялился. И тут Влад попросил разрешения взглянуть, а потом указал сыну, где ошибка. Надо же, за столько лет еще что-то вспомнил. Сережа сначала в штыки, мол, да что ты... А потом проверил, и правда. Кончилось тем, что они с тарелкой оладьев засели на диване в гостиной. Шумели, спорили, доказывали. Оладьи закончились, Сережа прибежал в кухню за новой порцией и выпалил:

— Ты знаешь, ма, а предок-то ничего! Голова еще варит! — и умчался обратно.

Мужики. Майя только улыбнулась, глядя из кухни, как эти двое склонились над исписанными листами, совершенно одинаковыми жестами таская с тарелки оладьи. А Влад вдруг поднял голову и посмотрел на нее, словно почувствовал. И столько всего было в его взгляде... В тот вечер она снова вышла к нему за дверь, и он ее поцеловал. И так теперь каждый вечер... Как подростки... Смешно...

— Майя Михайловна, что-то ты затихла?

Она спохватилась и покраснела.

— Эй... Мадам Сухова? Мы что... Краснеем? И есть за что?

— Иди ты!

— Таааак... Я просто нутром чувствую, что здесь махровый анализ назрел!

Он улыбался ехидно, глаза горели добродушным любопытством, он тормозил ее, Майя фыркала и отбивалась. Потом успокоился и спросил мягко:

— Майя, как ты?

— Хорошо, я хорошо.

Она ответила быстро и отрешенно, глядя куда-то в окно.

— Рассказать не хочешь? Мы же вроде для этого...

Тут Майя взглянула в глаза Филиппа, и он прочитал в них страх. Обыкновенный женский страх и неуверенность.

— Так! Быстро рассказала, что у тебя там! Он что, позволяет себе...

— Нет. Он ведет себя безупречно.

Филипп поднял брови в знак удивления.

— Он ведет себя безупречно, приходит в гости каждый вечер, — Майя замялась, — Знаешь, он смог добиться доверия Сережи.

— Хмммм...

— Да, именно так. Не пытался купить мальчика, а именно добился его доверия. Сын его принял, — Майя усмехнулась, — Теперь они прекрасно общаются вдвоем, без меня. Нашли точки соприкосновения на уровне матанализа.

— Да что ты?

— Да, Сережа гордо сообщил на днях, что у предка голова еще варит.

Тут они оба расхохотались.

— Представь себе, его принял Василис.

— Что? Это бесстыжее, нахальное, самовлюбленное рыжее домашнее божество его приняло?

— Да, ты знаешь, он уступил ему свое место на диване.

У Фили глаза полезли из орбит. Он прокашлялся, помолчал с минуту, склонив голову, потом высказал:

— Мои впечатления таковы... Если я не прав, исправь меня. Значит так. Этот тип втерся в доверие к своему... ээээ... твоему сыну и к твоему коту. Пустил корни в святая святых твоего дома — на ДИВАНЕ. Причем, говоришь, Василис уступил ему место?

Майя кивнула.

— Ну, Сережа принял отца — это закономерно. Сама говоришь, он ведет себя безупречно. Как бы то ни было, а иметь отца, которым можно гордиться, это необходимый компонент для полноценного развития личности мужчины. Это очень хорошо.

— Я знаю.

— А вот со стороны Василиса — это диагноз.

— И что еще за диагноз, — устало спросила Майя.

— А то, что он признал в нем хозяина.

Майя отвернулась. Филипп некоторое время смотрел на нее, склонив голову, потом тихо спросил:

— Майя, скажи мне, чего ты боишься?

— Я... я не боюсь.

— Перестань. Мне, — Филипп ткнул себя пальцем в грудь, — можешь не врать.

— Филипп...

— Что Филипп? Я уже тридцать три года Филипп. Рассказывай уже. Давай проанализируем, тебе же легче станет.

— Филипп, ты не понимаешь...

Он закрыл глаза, потер переносицу, а потом сделал жест в ее сторону:

— Тогда постарайся объяснить так, чтобы я смог понять.

— Я боюсь... Нет. Я... Черт... Да, ты прав, я боюсь. Боюсь поверить ему снова.

— Я так и думал.

— Ты не представляешь, чего мне стоило заставить себя забыть его и жить просто дальше.

— Майя, мне кажется, мы с тобой еще в прошлый раз разобрались с этим.

— С чем, прости?

— С тем, что ты и не думала его забывать. Просто задвинула вглубь себя и заперла все чувства. А сейчас он вновь их будоражит, если будешь пытаться запереть все в себе — легче не станет. Надо уже набраться смелости и выползти из спасительной скорлупы, в которую ты себя загнала.

Женщина вздохнула, подумав:

— Знал бы ты, что моя спасительная скорлупка уже изрядно потрескалась.

А вслух сказала:

— Я боюсь впустить его снова в свое сердце, потому что не знаю, что им движет. Что он чувствует по отношению ко мне? Нет, что он испытывает к Сереже отцовские чувства, в этом я не сомневаюсь. Но ко мне, что он чувствует ко мне? Что это? Вина? Жалость? Просто желание иметь удобный дом? Мне этого мало, одного этого мало! Я не хочу быть

приложением, мебелью, не хочу!

Она затрясла головой:

— Я не хочу, чтобы он снова причинил мне боль. Не хочу...

— Майя, посмотри на меня, Майя, — позвал Филипп, заставляя выбраться из тех мыслей, которые совсем ее поглотили, — Ты не узнаешь, если не спросишь.

Снова страх во взгляде.

— Майя, не совершай ту же ошибку, что и тогда. Тебе надо поговорить с ним и все выяснить раз и навсегда. И нечего трястись, как перед экзаменом. Ты никогда трусихой не была!

Взгляд, который она подняла на друга, говорил о том, что она сейчас не просто трусиха, а просто катастрофическая трусиха, и что этот разговор будет самым страшным экзаменом в ее жизни. Филипп сочувственно взглянул на нее, но тон его был серьезным и твердым:

— Ты должна это сделать, прежде всего, для себя. И нечего тянуть, только мучиться сомнениями будешь.

— Ой, не знаю.

— Зато я знаю. Как ваш лечащий психотерапевт, мадам Сухова, я вам прописываю сеанс откровенного разговора с предметом вашего вздыхания.

Она снова смотрела с сомнением, но Рудинский был непреклонен.

— Желательно сегодня же вечером. Завтра отчитаешься о проделанной работе! Так, все, цыгель, пора за работу приниматься.

— Молчал бы, психотерапевт хренов, небось к Эмме своей торопишься?

Обвинение было брошено наугад, но попало в точку. Рудинский засмутился и покраснел, Майя рассмеялась, настроение все-таки улучшилось. Еще бы набраться сил, да поговорить с Владом... Им действительно надо многое выяснить.

Майя думала о том, что ей сказал Рудинский весь остаток дня, пока ехала домой, пока готовила ужин. Сергей заметил ее отстраненное и погруженное в себя состояние, и его это обеспокоило. Он уже привык к тому, что они встречаются по вечерам, ужинают втроем, и мать выглядит спокойной и даже довольной. И вот снова. Это тревожное и замкнутое выражение на ее лице. Кто бы сказал ему, что он станет переживать, не отразится ли это на их только-только наладившемся семейном мире. Что он будет беспокоиться, не поссорилась ли она с отцом?

Пришел Влад, она встретила его приветливо, но внутренне напряжение и настрой на серьезный разговор все-таки прорывались неуловимой нервозностью. И мужчины это почувствовали. Ужин прошел не так свободно, как это было в последнее время, все трое ощущали себя скованно.

Как много все-таки в семье зависит от настроения хозяйки.

Сергей ушел к себе. Влада охватило предчувствие надвигающейся беды, он посидел немного и поднялся, не в силах выносить это напряжение:

— Ну, я пойду, — помялся он.

— Подожди, нам надо поговорить.

Она встала и закрыла дверь кухни.

— Наедине.

Точно, ничего хорошего его не ждет...

— Скажи... Влад...

— Да, Майка, — обреченно.

— Скажи, чего ты хочешь?

— А разве это не ясно?

— Нет.

— Нет... Что ж. Я хочу быть с вами, Майя. С тобой и с сыном.

— Хорошо. Я очень хорошо понимаю твои чувства к сыну. Что он тебе нужен, я тоже понимаю. Но зачем тебе я?

Глаза у Марченкова удивленно округлились, а сердце сжалось.

— Как зачем?

— А так. Ты ведь обо мне не вспоминал двадцать лет. И еще столько не помнил бы дальше, если бы не Сережа. Так зачем Я тебе? Что ты ко мне чувствуешь?

— Майка... Я не умею говорить про это... Я не знаю, что я чувствую...

Она саркастически усмехнулась, но Влад поднял руку в знак того, что он не договорил:

— Постой. Не спеши, Майя Михайловна. Не спеши. Дай я скажу, я а ты сама будешь решать, что я чувствую.

— Ладно, — Майя скрестила руки на груди.

— Дело в том, Майя... Я скажу тебе честно. У меня ведь было очень много женщин.

Он взглянул на нее и покивал головой, подтверждая свои слова. Та слушала молча.

— И мне казалось, что я люблю их, и теперь я уже не знаю, что значит это слово. Я слишком часто говорил его, оно как-то обесценилось. Потому что пусто выходило все время, ни с кем из них мне не было тепло и хорошо, всегда чего-то не хватало. Как будто они не могли дать то, что мне нужно. А рядом с тобой мне хорошо, я чувствую себя дома. Дома,

Майя.

Влад всматривался в ее лицо с мучительной жадой, но Майя молчала, не глядя на него. Тогда он вздохнул и продолжил:

— Я не знаю, как это выразить. Я очень хочу тебя, ты знаешь это, хочу твоего тепла. Но даже если ты никогда не позволишь мне приблизиться больше, чем это есть сейчас...

Он болезненно сглотнул колючий ком:

— Я все равно никуда ней уйду. Мне некуда уходить. Я не хочу никуда уходить. Не хочу, Майка, не хочу. Ты — мой дом, Майка... Скажи сама, что я к тебе чувствую?

И тут Майка подняла на него глаза. Много противоречивых чувств отражалось в них, да только не те, что ему хотелось видеть. Она не произнесла ни слова.

— Молчишь... Тогда скажи мне, Майя, что ты сама ко мне чувствуешь? Нужен я тебе?

Женщина смотрела пристально, а в глубине глаз металась тревога и неуверенность:

— Я не знаю, Влад.

— Не знаешь... Я приму все, что ты скажешь. Если я тебе противен, если мешаю жить... скажи... Тогда я уйду. Я найду способ видеться с Сережей и не тревожить тебя. Если я тебе не нужен...

Она резко поднялась и отвернулась к окну, не хотела, чтобы он увидел ее слезы. Мужчина понял, от тех слов, что он сейчас скажет, будет зависеть его дальнейшая судьба. И все-таки он собирался рискнуть.

— Майя, я для себя давно все решил. Решай ты. Решай сегодня. Я сейчас уйду, и буду ждать тебя на улице. Всю ночь. Если захочешь быть со мной — выходи. Если же нет... — голос его дрогнул и стал тише, — Я больше не побеспокою тебя.

Влад встал, аккуратно придвинул стул и вышел из кухни. Майя вышла за ним. В дверях он обернулся и негромко сказал:

— Я буду ждать тебя до утра.

И ушел.

Тяжелый выбор оставил он ей. И решиться быть с ним страшно, и снова потерять его страшно. Она на автопилоте убралась в кухне и ушла в свою комнату, чтобы остаться наедине со своими мыслями.

В наших квартирах звукоизоляция понятие чисто условное. И мы не слышим чего-то, только если не хотим слышать. А уж если хотим... Сергей в месте с котом затаились, ожидая какой же выбор сделает мать, они-то с Василисом свой выбор сделали.

Сын слышал, как Майя ходит по комнате, не спит, он тоже не спал. Чтобы отвлечься влез в почту, написал Ленке, она ответила, он снова написал, и так действительно отвлекся, заблудившись на просторах инета. Василис тихо вошел в хозяйкину спальню, поглядел на нее — сидит на кровати, не шелохнется, глаза в одну точку смотрят. А на часах уже половина третьего ночи. Вздохнул, потрусил в кухню, влез на подоконник, посмотрел вниз. На улице под фонарем прохаживался мужчина, курил. Кот сложился пушистым шаром и стал ждать. Где-то через час щелкнул замок входной двери, Василис устроился поудобнее и лукаво прищурился. В кухню вышел Сережа, не зажигая света, встал у окна. Кот мельком взглянул на него и продолжил наблюдение.

Мужчина, что нервно курил внизу и уже вытоптал дорожку под фонарем, вдруг остановился как вкопанный, глядя в сторону подъездной двери. Потом сделал несколько шагов и напряженно замер. Из подъезда вышла знакомая тонкая фигурка женщины, медленно подошла к нему вплотную. Несколько секунд они стояли не двигаясь, а потом

мужчина словно проснулся и резко притянул ее к себе. Сжал крепко-крепко, как утопающий соломинку, а женщина спрятала лицо у него на груди, и, как будто вернулась домой, укрылась в его объятиях.

Сережа взял на руки Василиса, странное дело, тот, в кои веки раз, не воспротивился. Парень гладил пушистую шерсть кота, они стояли вдвоем и смотрели вниз. Василис улыбался в усы, все вышло как надо, и его титанические усилия не пропали даром. А Сергей думал, что предки кажутся сейчас такими молодыми, моложе его самого. А еще говорят, весна жизни бывает только раз и быстро проходит. Оказывается, она иногда возвращается, если вдруг понимает, что чего-то нам в свое время недодала.

А что же Алик Беспольский, что происходило в его жизни за это время?

Всем понятно, если что-то не возникло за прошедшие двадцать лет, оно не появится вдруг за несколько дней. Но можно дать шанс этому возникнуть. Чувствам.

С ним вообще жизнь сыграла неожиданную и странную шутку. То, что по его замыслу должно было быть маленьким грязным секретом, стало драгоценным сокровищем души. Судьба посмеялась над ним. А потом преподнесла неожиданный подарок, о котором он не подозревал столько лет. И что же теперь ему оставалось делать? Можно было как раньше, прятать это сокровище, свою любовь, в глубине души и беречь его, как скупой рыцарь. Чахнуть над золотом своих чувств. Что он и делал последние двадцать лет. Однако, это обрекает человека на одиночество. Ибо где сокровище наше, там и сердце наше. Но ведь можно открыть сокровищницу, поделиться золотом чувств с тем, кто готов любить нас и ждет только знака с нашей стороны. Ждет, что мы откроем свое сердце, чтобы вылечить нас своей любовью.

Он устал быть одиноким, и пусть сначала просто позволял Нелли любить себя, сознание того, что он ей нужен, уже приносило умиротворение, а со временем переросло в теплую привязанность. Может быть, это и не горячая страстная любовь, но так ведь страсти удел молодых, а для тех, чья молодость прошла, нет ничего лучше душевного тепла.

Так что их дочери можно было не беспокоиться о родителях и полностью посвятить себя устройству своей жизни.

Эмма Беспольская и Филипп Рудинский поженились сразу после первой зимней сессии. По залету. Майя Сухова все подначивала Филю тем, что на факультете уже не осталось ни одной аудитории, которую бы они со студенткой Беспольской не «пометили» своими дополнительными занятиями. К свадьбе готовились в ужасной спешке и страшной тайне. Из Америки мама с папой Беспольские прилетели буквально за день до регистрации. Тесть с тещей грозно глянули на зятя-агрессора и совратителя глупеньких и неопытных малолетних девочек, поглядели, поглядели... и обняли. А что еще оставалось?

С той ночи, когда Майя пришла в первый раз на то свидание, которого ждала чуть не пятого класса, прошло уже больше четырех месяцев, а Влад так не смог добиться от нее самого главного. Она отказывала ему снова и снова, отказывала ему в логическом завершении их отношений. Мужчина устал от этих тайных встреч, ему хотелось заявить на нее права. А она, утомленная ласками, засыпая ненадолго в его объятиях, все равно бежала домой. Отказывалась переезжать к нему и выходить за него замуж. Отговорок было великое множество, и скрывали они одну единственную причину — она опять не была уверена.

Мужчину это бесило и вымораживало, но терпеливо ждал, зная, что те двадцать лет

будут ему аукаться еще долго. Однако, он решил сменить тактику и если раньше звал ее замуж примерно раз в две недели, то теперь прессинг с его стороны стал плотный и полномасштабный.

А Майе нужно было время, чтобы из крохотных ростков снова выросло доверие. В общем-то, она и сама устала от такого двойственного положения. Поэтому, как только молодожены Рудинские вынырнули на поверхность из своего любовного омуты, именуемого медовым месяцем, Филипп Павлович тут же был приглашен на частную беседу.

Необходимые атрибуты в виде стаканчиков с кофе и шоколадок были захвачены с собой в пустую аудиторию, в которой коллеги и устроились для совместного анализа создавшегося положения. Глядя на посвежевшего и помолодевшего Филиппа, Майя спросила, лукаво улыбаясь:

— Как Бенедикт женатый поживает?

— Как в пьесе у Шекспира. Великолепно. Прекрасно поживает...

Он прикрыл глаза, блаженно передернулся, слегка сполз на стуле и промычал что-то нечленораздельное.

— Вижу, вижу... — мелкое лукавое ехидство.

Филипп подравнялся, вздохнул, потом серьезно воззрился на Майю и спросил:

— Нусс, что там у Вас, очередной понос и золотуха? В чем дело мадам Сухова?

— Филипп-п-п-п — почти простонала она, — Он хочет, чтобы я вышла за него замуж...

— Конечно, он хочет! Ну и аминь, дочь моя, — провозгласил Филя, — Сделай уже из него честного человека и достойного отца семейства.

— Филя, ты не понимаешь...

— Что, опять страшно?

— Да.

— Ну, во всяком случае, честно. Я понимаю твой страх, но, как мужик, могу тебе сказать, что его намерения до смешного серьезны. Иначе он не прыгал бы вокруг тебя на задних лапках почти уже... да, целый год, почти.

Он молчал пару минут, а потом сказал:

— Я вижу, сама ты это решение не примешь. Надо, чтобы кто-то сделал это за тебя.

Майя только вздохнула:

— Ты понимаешь, я хочу сказать да, но...но... почему-то язык не поворачивается...

— Но ты хочешь сказать да?

Женщина посмотрела на него по-детски беспомощно и честно ответила:

— Да.

— Ох-хо-хо... Очередной диагноз...

— Филя...

— Опять те же самые грабли... Когда ж ты научишься брать быка за вымя? Значит так, будем действовать старым добрым методом. Пусть попросит твоей руки у... Кхммм... А родители-то твои уже умерли... О! Нашел! Пусть попросит твоей руки у Сергея! Да.

Он смотрел, как на лице Майи напряжение сменяется облегчением, и не мог не улыбнуться. А заодно решил озвучить очередную мудрую мысль, созревшую в его аналитическом мозгу:

— Я тут подумал, Майя Михайловна, что все люди, если выразиться образно, по двоичной системе делятся на нули и палочки, причем, как правило, у каждой палочки есть свой, только для нее предназначенный ноль. Нули — они нули, нули пустые и круглые, их

кагает по жизни до тех пор, пока не прислонит куда-нибудь. А палочки — единички. Палочки — они самодостаточные, они стоят по жизни ровно, их не перешибить никакими невзгодами, на них опираются другие. И, конечно же, они просто необходимы нулям. Но! Палочки тоже одиноки и несчастны без своих нулей. Вот и выходит, что поодиночке они ноль и единица, а попробуй прислонить нолик к единичке — вместе уже десять. А десять — это в десять раз больше! Так что, единичка ты наша скромная, радуйся, твой нолик наконец-то до тебя добрался.

Конечно, теорию можно было развивать, например если встретятся два нуля, то результат будет нулевой, а если две единицы, то, как ни странно, результат будет не одиннадцать, а всего два. Парадокс. Получается, что сочетание нуля и единицы дает наивысший результат. Рудинский пришел к выводу, что эту тему стоит исследовать поглубже. Потому как, смех смехом, а ведь все правда.

Отношения отца и сына немного изменились с тех пор, как мама Майя, наконец, приняла ухаживания папы Владика. Сначала Сергей проявлял некоторую ревность. Непросто признать права другого мужчины на женщину, которая всегда была безраздельно твоей, пусть даже это твоя мама. Однако и этот момент прошли относительно безболезненно.

Особенно после того, как Влад официально попросил у Сергея руки его матери. Сын рассмеялся, покачал головой, но отец был совершенно серьезен и ждал его ответа напряженно. Сережа вздохнул и задал вопрос:

— Ты у нее-то спросил?

— Да, но мне нужно твое благословение. Ей нужно. Очень.

— Ох... Все у вас не как у людей... Ну, благословляю.

Владислав Марченков на глазах преобразился, плечи расправились, глаза заблестели победным блеском. Но у него был еще один вопрос.

— Скажи, Сережа, когда мы с твоей мамой поженимся, ты примешь мою фамилию? — и жажда во взгляде.

Сергей надолго замолчал, потом выдал, как отрезал:

— Приму. Но только в том случае, если мама примет.

— Спасибо тебе, сын.

Марченков хищно улыбался всю обратную дорогу. Ну вот, теперь она не отвертится! Знал бы он все подробности, понял бы, что теперь ему с Филей Рудинским по гроб жизни не расплатиться.

Поженились Майя Сухова и Владислав Марченков в тот же год после летней сессии. Сын Сережа был дружкой папы-жениха, на свадьбу родителей привел свою девушку, для официального представления, так сказать. Рудинские пришли на свадьбу с огромным пузом. Мальчика ждали, УЗИ показало. Беспольские прилетели из Америки, те уже вообще смирились с мыслью, что теперь придется жить на два дома. Эмма возвращаться назад не собиралась, во всяком случае, в обозримом будущем. Значит, будут они мотаться туда-сюда. Внука-то увидеть очень хочется. О чем Алик и сообщил Майке, еще прошептал на ушко, что белое платье ей очень к лицу, за это получил не одну ментальную затрещину от ревнивой жены, которая прожигала его мрачным взглядом, все то время, пока он любезничал с невестой. Но Нелли перестала испепелять супруга взглядом и растаяла после того, как тот тепло и нежно ей улыбнулся. Влад тоже позабавил Майю тем, что все норовил спрятать ее за спину, дабы другие не зарились.

Да уж, то, что добыто с трудом — всего дороже.

Первая брачная ночь всегда первая, даже если на самом деле уже давно не первая. Молодожены были переполнены впечатлениями, немного волновались, стеснялись и, в итоге, почти всю ночь провели в разговорах. Владик с Майкой и раньше разговаривали, особенно в последние месяцы, но сейчас — впервые как супруги. И тут выяснились такие забавные нюансы...

— Майка, если ты будешь строить глазки Альке, я за себя не ручаюсь!

Тут Майка, которая кокеткой никогда не была, лукаво прищурилась и заливисто расхохоталась.

— Не смейся, — он смеялся сам, — Я своими глазами видел, как вы шептались.

— Даааа? И что будет?

— Что, что, — ворчливо, — Набью Альке морду!

— О, но ты не будешь в этом деле первым.

— Это почему? — искреннее удивление.

— А потому, что Нелли раньше тебя нам обоим фейсы расцарапает.

Хохот, возня под одеялом, визг женщины и ойкание мужчины. Потом настала Майкина очередь задавать вопросы.

— А почему ты вдруг заговорил про Алика?

Влад вдруг стал серьезным, сел в кровати и, глядя на жену, ответил:

— Потому, что он тебе нравился.

— Но тебе же было все равно.

Он взял ее руку, поцеловал, погладил, а потом ответил:

— Не все равно, я просто не вмешивался. А сейчас... — он притворно грозно взглянул на Майку, — Ты теперь моя! Только моя!

Майя Михайловна светло улыбнулась, глядя ему в глаза, и сказала ласково, но четко и раздельно, как несмышленому ребенку:

— Глупый, мне всегда нравился только ты. И я всегда была только твоя.

Вот так, наконец, и наладилась жизнь Владьки Марченкова. Как ни петляла его удача, куда только не забрасывала, а все равно привела в то единственное место, где он мог быть счастлив. К Майке Суховой на диван.

А не успела Майя Сухова выйти замуж за Владьку Марченкова и переехать вместе с Василисом к нему, оставив квартиру Сергею, как к нему тут же переехала его девушка Лена. Природа не терпит пустоты, в доме всегда должна хозяйка.

Подводя итог прошедших двадцати лет, можно сказать, что, в общем и целом, все сложилось очень и очень хорошо.

Прошло еще десять лет.

Теперь на дворе 2015 год. Хороший год.

Много чего за эти десять лет произошло, много чего пришлось пережить. Кризис и терроризм, войны, политическое противостояние и т. д. и т. п... И лице мира частенько сменялись маски от фальшивой дружественной улыбки до честного вражеского оскала. Но все это происходит 'в верхних слоях атмосферы', а люди — они везде люди, и им хочется быть счастливыми. Политический климат, как плохая погода, это когда дождь идет, а мы невзирая. Мы, люди, можем общаться, невзирая на погодные условия.

За эти годы Филипп и Эмма Рудинские неплохо продвинулись по карьерной лестнице и родили двоих детей Павла и Майю, жили в России, но в Америку время от времени ездили в гости.

Беспольские жили в Америке, к детям приезжали два-три раза в году.

Марченков сразу переехал в Россию, его бизнес пошел на удивление удачно. Возможно дело в том, что он перестал метаться и успокоился? А может быть, иногда советовался с женой? Возможно.

Майя Марченкова (бывшая Сухова), по-прежнему преподает в NN Университете, теперь она профессор.

Сережа отучился, работает в МИАНе, женился на своей Ленке, у них пятилетний сын Владислав Сергеевич Марченков.

Дедушка Владик цвел и пах, и лопался от гордости, что внука назвали в его честь. С своим другом Аликом Беспольским он теперь видится даже чаще, чем когда жил в Америке.

Знаменитый кот Василис дожил до девятнадцати лет и застал рождение хозяйкиного внука. Если бы этот пушистый рыжий философ умел писать, он непременно бы написал трактат о том, что секрет долголетия кроется в правильном питании, полноценном сне и хорошем настроении.

Теперь на дворе 2015 год. Хороший год.

Потому что каждый год по-своему хорош. И то, что он нам приносит, следует считать удачей. Ибо согласно разработанной мной теории, все равно сразу не разберешь, в чем тебе повезло, а в чем наоборот.

Надо просто помнить, что базовая формула счастья одинакова для всех. Чтобы вокруг тебя были твои любимые близкие люди, чтобы тебя любили и понимали, чтобы был теплый дом и вкусный ужин (а также завтрак и обед). А удача пусть приходит и уходит, ничего не

страшно, пока есть оно — счастье.

Нет, черт побери. Слишком пафосно. Кошмар какой-то...

Профессор Рудинский в который раз переписывал вступительное слово к собственной социологической теории, которую он разрабатывал уже десять лет в свободное от основных занятий время. Сия околонучная разработка называлась 'Теория нулей и единиц'. Он решил немного отвлечься, небольшой перерыв поможет победить застой в творчестве, а пока загляделся на жену. Почтенная мать семейства самозабвенно терзала клавиатуру, погруженная с головой в дебри своей будущей диссертации. Филипп покачал головой. Он не раз пытался применить к ним с Эммой собственную теорию, но странным образом, результат почему-то всегда ускользал. Вот и сейчас, наблюдая за Эммой, он написал на листочке их имена. Поставил против своего имени единичку, потом глянул на жену, и против ее имени тоже появилась единичка. Несколько мгновений ушло на размышления, потом против каждой единицы появился нолик. Филипп Павлович некоторое время разглядывал написанное, результат явно не укладывался в его стройную теорию... В конце концов, он плюнул, зачеркнул все, потом написал против каждого имени по десятке, поделенной на два. Уткнулся носом в сцепленные ладони и со вздохом признал: теорию надо дорабатывать.

Больше книг на сайте - Knigolub.net